

РЕВИЗИЯ: МЕСТА И СООБЩЕСТВА

Таи́га
ЗЗЗ

Промы́шлен

Ержа

ИТАЛЬЯНСКАЯ
УЛ.
ИЗНАЛ

АК РОЗЫ
2014
ШВЧ

Дру́бо

КАБИНЕТ — М

Новский, 20

ВЫСТАВКА

Порядок
снова

НОЗБ
RAVE

музей
ан-конформизма

МАНЕЖ

концепция, экспозиция

Вита Зеленская, Марина Израилова,
Константин Шавловский, Полина
Заславская

исследование

Вита Зеленская, Марина Израилова

Благодарим за сотрудничество
Александрю Абакшину, Павла
Арсеньева, Дмитрия Виленского,
Анастасию Волохову, Влада Гагина,
Машу Годованную, Максима
Евстропова, Ольгу Егорову (Цаплю),
Татьяну Егорову, Виктора Мазина,
Аллу Митрофанову, Александра
Скидана, Анну Терешкину, Леонида
Цхэ, Дмитрия Шубина.

дизайн

Иван Герц

В оформлении выставки
использованы материалы из личных
коллекций, а также из коллекций
галереи «Борей» и Архива музея
современного искусства «Гараж».

видео

Артем Степанов

верстка зин-каталога

Дарья Ширяева

монтажные работы

Савватий Стрельников, Галим
Хайруллин, Паша Устал

корректурa

Анастасия Клубкова

над проектом также работали

Ольга Грабовская

ЗИН-КАТАЛОГ

ВЫСТАВКА-ИССЛЕДОВАНИЕ (5)

- 1 АНАСТАСИЯ ВОЛОХОВА (7)
- 2 ОЛЬГА ЕГОРОВА (ЦАПЛЯ), ДМИТРИЙ ВИЛЕНСКИЙ (13)
- 3 АННА ТЕРЕШКИНА (19)
- 4 ЛЕОНИД ЦХЭ (25)
- 5 ДМИТРИЙ ШУБИН (29)
- 6 АЛЕКСАНДРА АБАКШИНА (33)
- 7 МАКСИМ ЕВСТРОПОВ (37)
- 8 ВЛАД ГАГИН (43)
- 9 АЛЕКСАНДР СКИДАН (47)
- 10 АЛЛА МИТРОФАНОВА (53)
- 11 ВИКТОР МАЗИН (59)
- 12 ПАВЕЛ АРСЕНЬЕВ (65)
- 13 ТАТЬЯНА ЕГОРОВА (71)
- 14 МАША ГОДОВАННАЯ (75)

ВИТА ЗЕЛЕНСКАЯ, МАРИНА ИСРАИЛОВА: *комментарий
исследователей* (81)

Date:

Биробиджан

990

40x40/3мб.

примечание

350 см

2x2м.

290

обла

2900

1200

1 корон

2 чаша (напрям)

3 нежно-розов

3шт.
 ~~темно-розов~~
 свир

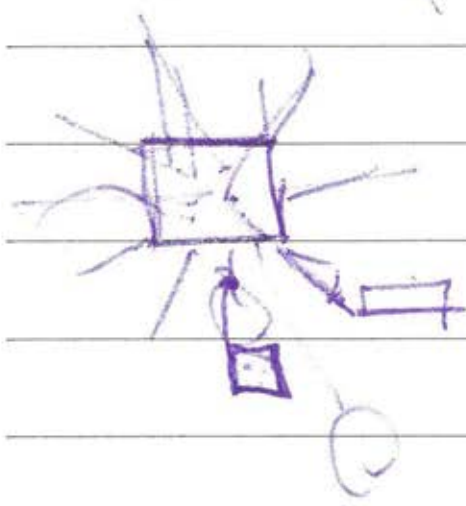
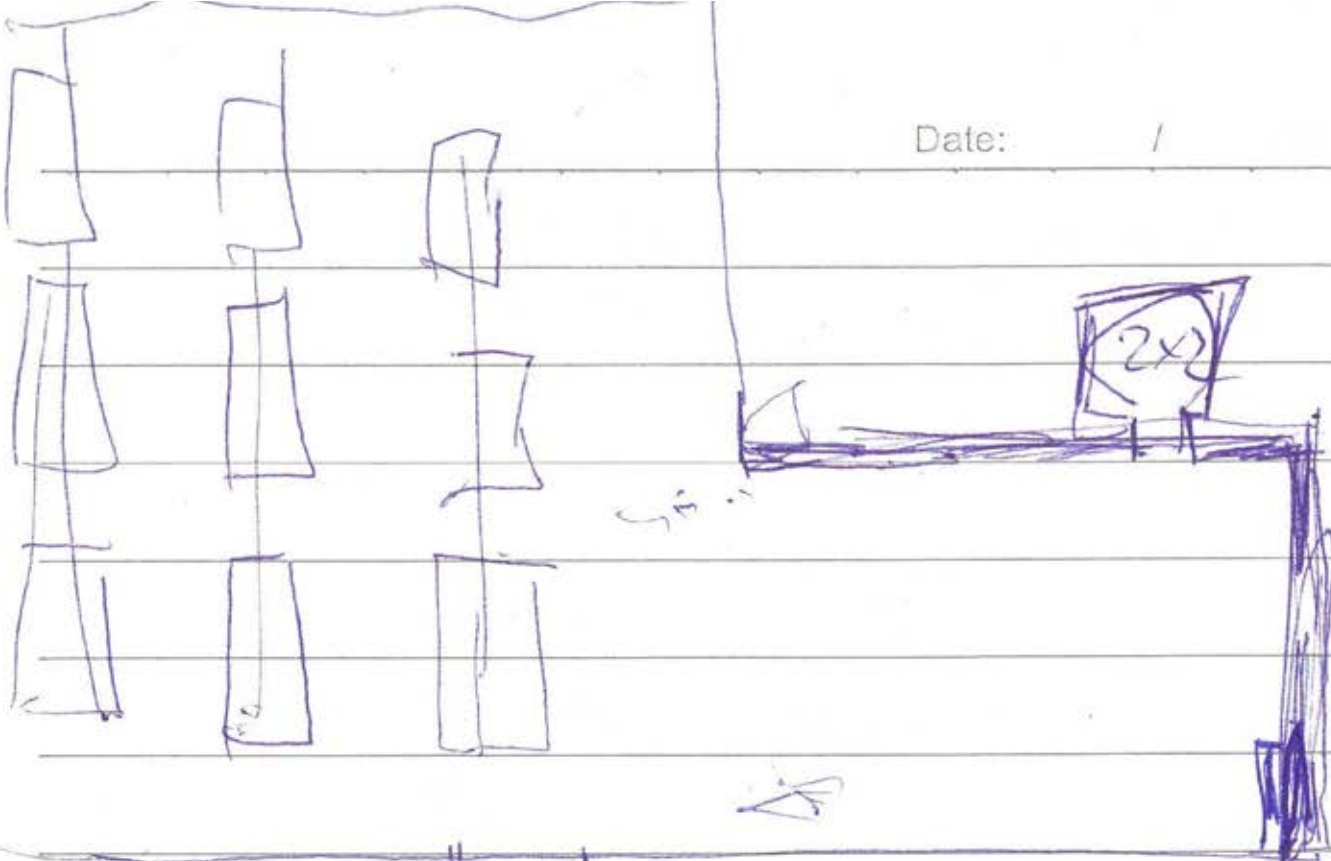

4 биробиджан

Самое
много

прим.

Date: / /

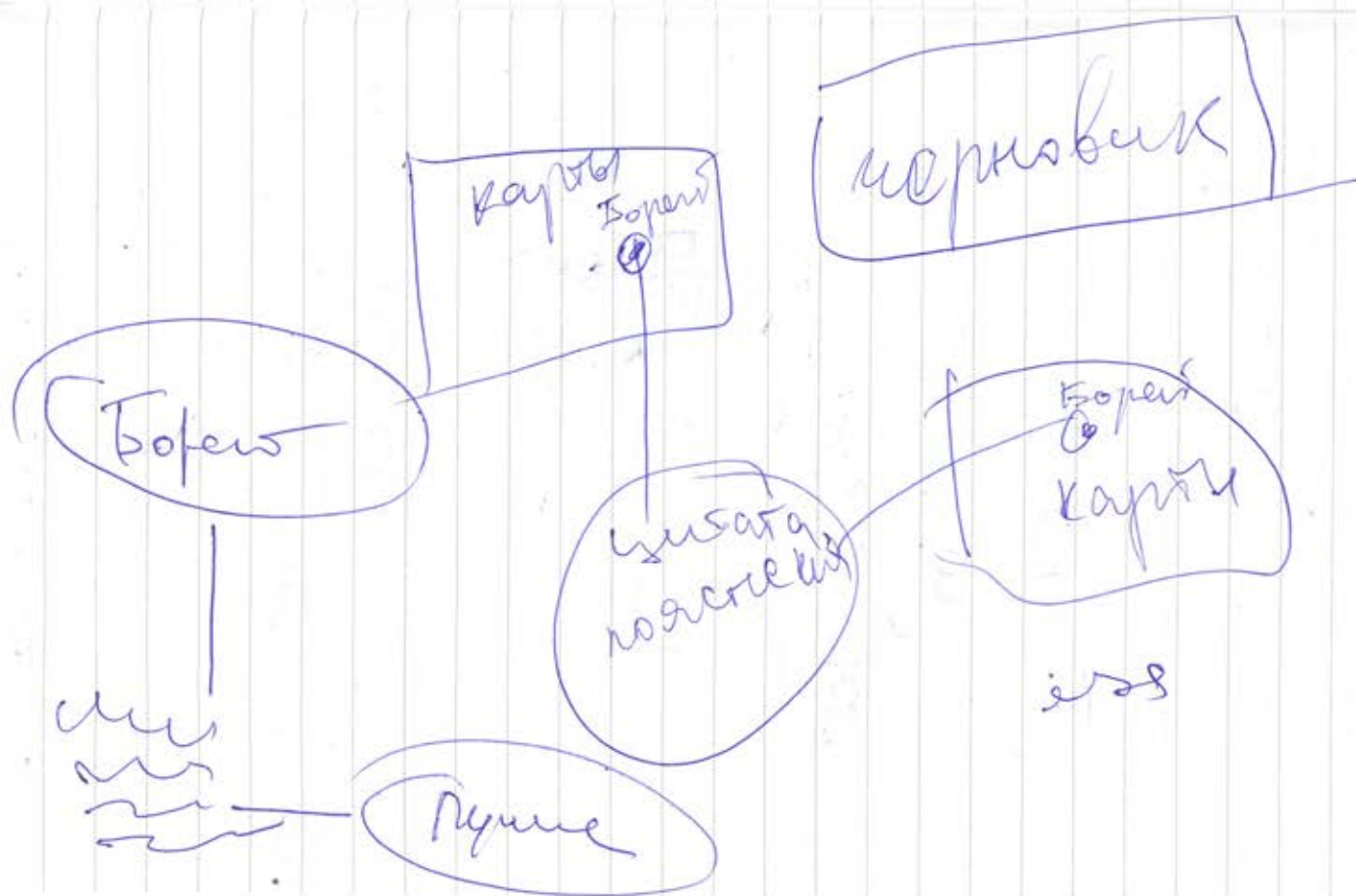
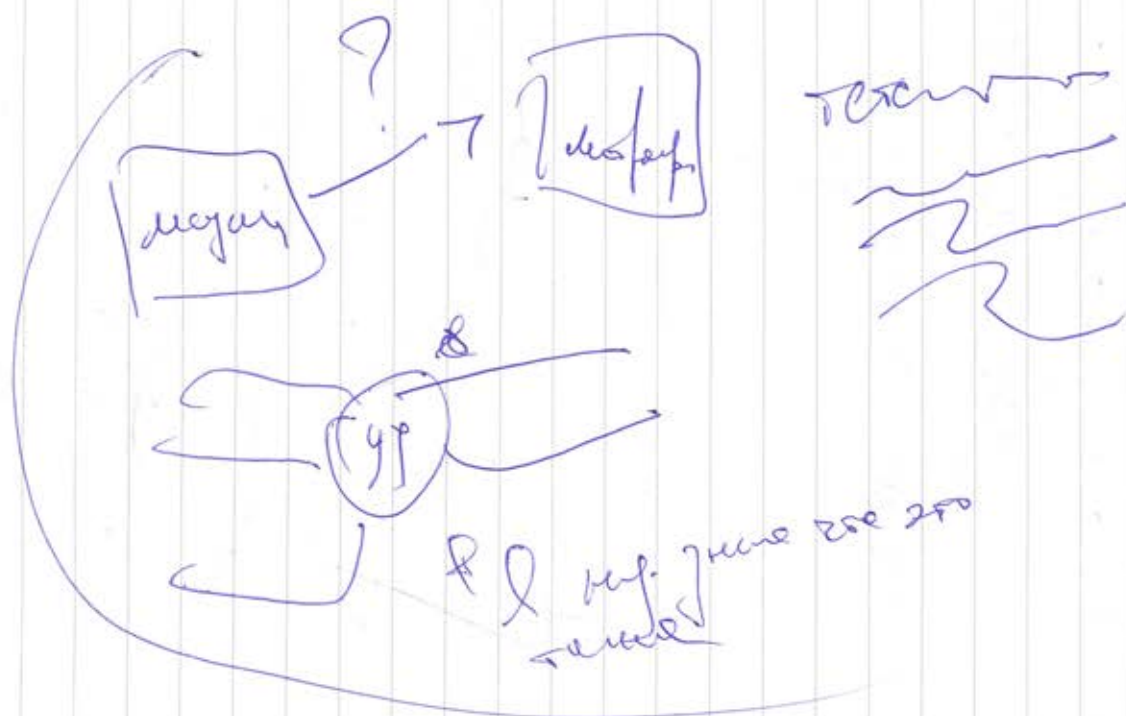
Меню

Котлет

Начинки
с
картоф
вареный
желе/ин
и рис

ВЫСТАВКА-ИССЛЕДОВАНИЕ

Как возможно построить разговор о культурном пространстве города? Что в него включается? Кто его определяет? Выставка-исследование «Ревизия: места и сообщества» – это попытка дать возможность разным версиям этого пространства говорить за себя.

В зин-каталоге представлены фрагменты интервью, проиллюстрированные ментальными картами города: графическими зарисовками персональной топографии, жизненных маршрутов, знаковых мест и событий. Вопрос о том, что включает в себя культурное пространство города, ставился максимально широко и не требовал топографической либо категориальной точности, поэтому карты и другие материалы исследования – отражение личного опыта проживания культурного пространства. Место – это все, что может так называться: улица, сквер, площадь, бар, квартира, мастерская, музей, семинар и так далее. Таким образом, здесь представлены пространства, формируемые различиями, и в то же время подступы к разговору о совпадениях. Потому что, какими бы разными ни были отмеченные на картах места, большинство их них объединяет то, что все это – места встреч.

Исследование, предпринятое нами, потенциально бесконечно: чтобы картографировать культурный Петербург, пришлось бы опросить каждого из его жителей и гостей – именно потому, что общее складывается из множества и каждый новый ответ и новая карта вносит корректировки в возникающий перед нами ландшафт. Однако в своем выборе мы следовали определенным критериям: все участники исследования так или иначе вовлечены в различные внеинституциональные инициативы и сообщества в сфере поэзии, теории, современного искусства, музыки, театра, активизма. Кроме того, мы постарались соблюсти гендерный и поколенческий паритет.

Зин состоит из 14 персональных разделов, включающих в себя краткие биографии информантов, цитаты из интервью, списки отмеченных на картах мест, людей и событий, и завершается исследовательским текстом.

АНАСТАСИЯ ВОЛОХОВА

(род. 1994) – художница, режиссер и клипмейкер, издательница зина «Шкура». Закончила бакалавриат и магистратуру Смольного факультета по направлению «Кино и видео» и Школу вовлеченного искусства. В фото- и видеоработах разрабатывает визуальную эстетику, основанную на новой/пост-интернет чувственности, предельной аффективности, агрессивном эротизме и трогательной любви к трэшу. Переехала в Петербург из Сургута в 2012 г.

город как эмоция

Да, Лиговский – он такой, там иногда ночью-вечером, там просто такие люди... как зомби к тебе подходят, там прямо концентрация шизиков и наркоманов... Да, интеллектуалы, шизики, тусовщики, музыканты, бродячие поэты. Сейчас сложно какое-то сообщество взять и назвать – есть куча тусовок, которые сходятся, расходятся, соединяются, распадаются... Мне было бы проще и интереснее найти такие в интернете, в инстаграме такие сообщества – вместо географических карт это были бы просто инстаграммы людей, на которые ты подписан. Мне кажется, есть сейчас такое: есть аккаунты, на которые подписаны сами эти люди, и они превращаются в какие-то сообщества по вкусу, начинают производить особенный контент именно эстетически – фотографии, видео и так далее, это

Я приехала из Сургута, шесть лет назад, в 2012-м, да, получается, летом. Вхождение в город как-то сразу получилось, потому что я приехала сюда как в культурный центр и сразу начала ходить по всяким местам. Помню очень ярко, как я ходила в «Тайгу»... Вообще я приехала поступать в КиТ, но в итоге поступила в Смольный. То есть такие сразу образовательные места. Ну и сразу, конечно, Думская улица – мне кажется, да, это очень культурное место. Самые низкие вибрации культуры – и все там, первые знакомства с какими-то людьми... разгул, просто первые знакомства, но это тоже важно. Дионисийский опыт [смеется].

Еще одно большое место – это Конюшенная площадь, клуб «Мозаика». Там, где-то во дворах,

они не только музыкой занимаются, они все и рисуют, и снимают кино... Вот еще важный лофт – «Четверть». Там была мастерская, я там даже ночевала. Это было место, куда... я могла проснуться в четыре утра и пойти туда, и знала, что в шесть утра я там могу хорошо провести время и там будут люди. В какой-то момент, да, это было центральное место. Пока его не разрушили.

Куда еще?.. Ходила в Институт психоанализа к Виктору Ароновичу [Мазину], в Музей Фрейда на выставки, на лекции, тогда еще была не очень прокачана в психоанализе, это выносило мне просто голову! Потом приходила домой и смотрела просто в стену. Как-то я там делала показ фильма «Отвязные каникулы» с лекцией... Меня Виктор Аронович поддерживал в этом плане, как-то мы с ним совпали в кинокусе... Я помню, что пришла когда в первый

тоже превращается в другую карту... какая-то суперквантовая... инстаграм-карта! [Показывает]. Есть инстаграммы зарубежных ребят, такие фрики... А вот, допустим, Аня Аверьянова... вот есть аккаунт, на который подписаны друзья/знакомые, через нее находятся другие... вот тоже девочка питерская. То есть если раньше ты знакомился вот здесь [показывает на карту города], то теперь ты знакомишься вот здесь [показывает на смартфон]. Вы просто подписываетесь друг на друга, понимаете, что вам нравится примерно то же самое, что есть общие вкусы... я вот не знаю как это показать, это сложно... я вот понимаю, что ему [показывает аккаунт в инстаграме] лет вот... меньше двадцати, и он совершенный аутист, мне кажется, он только этим живет... просыпается с утра, красится... что у него нет особо друзей, зато куча подписчиков в инстаграме... Это не то что какой-то проект, это уже... объектно-ориентированные онтологии. Вот это квир-феминизм для меня... просто дайте мне быть каким-то шариком с отростками!.. За всем этим [городским пространством] есть другая карта, другая сцена, в которой мы все связаны, объединены...

и родилась идея делать журнал. Вообще, конечно, Смольный и эта площадь очень связаны в моей голове, я называю это: тусовая жизнь – это практика, а теория – это Смольный. Это моя основа. Да, я сказала Марии [Годованной, преподавателю Смольного], что хочу делать журнал, ну это было слегка в шутку. А она сказала: «Ну а что, нет, совсем не в шутку, давайте, Настя, делайте!» Они тогда тоже пытались делать зин про какие-то ткани... но они в итоге не сделали, но Полина Заславская принесла показала, для меня это тоже был большой толчок. Это был 2014–2015 год. Тогда все зарождалось.

На Лиговском, 50 у меня была Школа вовлеченного искусства. Здесь был суперпоток людей, связанных с искусством. Я как раз была в выпуске, который был самый долгий – полтора года, с кем они вообще очень мучились. Третий выпуск, самый декадансный. У нас как раз были все какие-то тусовщики, и у нас был полный декаданс, да, и ризома... и шиза... Но и до этого я тоже общалась с людьми из искусства, вот эта группа «Электромонстры»... Валя Крутиков –

раз в Смольный, очень обрадовалась, потому что там в буклете было написано, что мы будем смотреть Гаспара Ноза на курсе киноавангарда. Я говорю: «И что, мы действительно будем смотреть Гаспара Ноза?» А он: «Да-а, вы знаете, Гаспар Ноз!»... И мы сразу же подружались с ним.

Лиговский, 50 – да, там сначала была просто тусовая жизнь, а потом Школа... ДК Розы там был в тот момент, мы там делали выставку «Бедные диалектики», на одной из дверей висела моя выставка фотографий – прямо на улице... возле мусорки прямо... да, все было продумано. И вообще я там люблю полазить, там так страшно, нервишки пошалить. Я там как-то гуляла, и охранники такие: «Что вы тут гуляете? Мы тут вчера повешенного нашли!» Причем такого, который не сам повесился, а его повесили, – в общем, такие там истории.

А, надо еще отметить «Интимное место». Я помню, я просто пришла, Маша Лукьянова меня позвала на показ... там было фем-порно в итоге! И Алла [Митрофанова] там тоже была, и мы смотрели фем-порно,

обсуждали... там я в первый раз с Аллой познакомилась. И я потом тоже смотрела в интернете.

Надо еще отметить такое место, тоже тусовочное – клуб «Клуб». Или «Кислоты». Несмотря на то, что это ночной клуб, там была выставка недавно. Там сейчас супермолодежное место. Я туда хожу посмотреть на молодежь... на их природную ярость, я не знаю... [смеется]. Выставка была картин, называлась «Фабрик», там три художника, Виктор Забуга... прикольный стиль... Например, обезьянки курят водник... или просто дорожки амфетамина на черном фоне... Попки, каки, все очень ярко, примитивный символизм, и при этом суперсовременный. Как там было: музыка играет, чуваки голые просто с носками на пипке ходили, и тут же картины... У меня еще там подруга работает, и она попросила меня помочь – она сделала винтажный

Отметить Волковское кладбище – это как-то глупо?.. Хотя тоже там нагуливалось вообще... тоже там товарищи всякие лежат. Люблю по кладбищам гулять, а это просто ближе к дому... У меня там первые свидания были... [смеется]. Я просто сейчас тоже начала заниматься музыкой, и это все с подачи моего молодого человека, с которым мы познакомились в «Мозаике», там тоже такая история: я вхожу в клуб, он передо мной стоит на коленях, у него цепь в зубах... я его сразу повела, мы познакомились типа... И наши первые свидания были на кладбищах... и сейчас мы вместе типа двигаемся, я начала тоже писать музыку и делаю видео... Я ему снимала, кстати, на этом кладбище, клип первый. Техно-клип.

кафе... Есть такой план. Короче, если я буду распространять, то в таких местах, в этих районах!

Если до этого были разные клубы, и в них ходят какие-то люди: есть Лиговский, 50, есть «Ионотека», где больше рок, – то клуб «Клуб» собрал всех в одном месте. Он работает так: вечеринка начинается в пятницу вечером и продолжается до утра понедельника. То есть ты можешь приехать с любой вечеринки туда, и там будет музыка, все там будут, во дворе уже, под солнышком... место висячки, хэнг аут, просто все там зависают. Поэтому, наверное, оно таким является местом... Конечно, много ребят из инстаграм, фэшн... основная масса, но туда и всякие деятели культуры ходят: музыканты, диджеи, художники, абсолютно разные. Просто ты всегда можешь туда прийти, всегда будут люди, можешь прийти в курилку и поставить

магазин. Пес! песик на скейтборде катается... все переодеваются... И я там работала... насыщенные были три дня моей жизни. Вакханалия какая-то, все как я люблю. Было весело [смеется].

Нужно еще отметить клуб «Слэм-сити», он, правда, недолго просуществовал, но мы там тоже делали мероприятие. Был клуб на стыке тоже... я там и фильмы свои снимала, и что-то писала, еще там был «Богемный движ» – такая группировка, студенты, в основном из Мухинского училища, художники, они там тоже делали мероприятия. То есть не просто клуб. Я там еще барменом работала. Такой он был, супернелегальный. В «Бергольд-центре», а сейчас там гостиница.

Я вот люблю заброшки на «Красном треугольнике». Там ребята как-то снимали студию звукозаписи, какие-то фильмы снимались, встречи проходили. Также важное место, короче.

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

С производством текста связаны все эти места [отмечает на карте], потому что для меня производство текста это – вот у меня в телефоне читалка и заметки, и я могу в любом месте это сделать! И все это происходило во всех этих местах, и да, места озарения – это те, где клубная жизнь происходит. В «Четверти» тоже – я под техно только так читала! И писала тоже. Все мои работы... возле Дома кино я еще часто писала, вот на этой лужайке Площади искусств. Сидела с компьютером и там читала, писала.

Мы делали презентацию [зина «Шкура»] в «ФемИнфотеке». Там была наша первая презентация. Это тоже Годованная все сделала. Алла Митрофанова тоже была... Мы специально распечатали номер и подарили библиотеке. <...> Я вообще думала, что, может, печатать не журнал, а просто отдельные статьи – и раскидывать по городу. Мне нравится такой вот вандализм... терроризм. Что-то такое... Прямо берешь и ложишь в «Пятерочку!» В

свою любимую песню – все так, как в последний раз, короче. Как в последний раз реально живем. Наверное, просто этого не хватает. Я как человек, который относится и к арт-, интеллигентной тусовке, и к такой, клубной, могу сказать, что все наши культурные мероприятия – они слишком культурные. То есть событие какое-то, потом обсуждение, потом оно может перейти в пьянку, но все равно какое-то все... не до конца... Особенно все эти дискуссии бесконечные, от которых просто устаешь. Я помню, у нас была такая до-олгая дискуссия на Школе после выставки, что я просто уже не могла, просто пошла и блеванула... А вот эта вся тусовая жизнь – она наоборот, там люди без слов, но до конца... трансgressируют, доводят себя до предела, и тут уже просто начинается... магия движений – тут задел, там посмотрел... То, чего не хватает интеллектуальной арт-тусовке, потому что она, как правило... там те, кто до конца – они просто набухались, и все. Поэтому я стараюсь все это соединить в голове.

И не только в голове...

[Рисует]. Вот кино, вот текст, вот музыка, которая все соединяет... Вот последнюю заметку для «Шкуры» я писала в «Мозаике». Когда я дома, все тихо, спокойно, меня это не подталкивает... а когда я в клубе, играет музыка, я не могу никуда уйти – я начинаю писать! Да, парадоксально немножко. А когда я думаю: «Щас напишу», – сажусь, напишу одно предложение – и всё-о... А вот когда по троечному маршруту один раз проедешь автобусному – и все написано уже. Да, как ни странно, по всему вот этому маршруту идет третий автобус! Он идет через все это, и я часто на нем езжу, и там тоже пишу и читаю, и все там тоже происходит.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Если говорить про какие-то сообщества, то это очень сложно – потому что мое сообщество соткано из самых разных людей. Мне сложно войти в какое-то одно сообщество и там все время зависать... нет. В моей голове все эти места вот так связаны... и я даже стараюсь максимально разнообразить: если я понимаю, что как-то подзависла в каком-то одном, я начинаю сразу искать какие-то еще и еще пути. Сейчас есть н и и ч е г о д е л а т ь, я скорее там больше. Там вот как раз Саша и Йожи, скорее, я с ними больше. Я за квир-феминизм, киберфеминизм, просто феминизм мне не интересен. В н и и ч е г о д е л а т ь я, мне кажется, плавающий участник, в последнем скайпинаре я участвовала, там Аня Аверьянова, Сюзанна, они все мои друзья. Просто я такой плавающий участник везде, не могу к чему-то одному присосаться, приклеиться, поэтому я тут, то там. Но вот у Йожи есть «Киберфемзин», там тоже во втором номере есть мои работы, подборка фотографий с текстом.

Ключ к карте: город как эмоция

Тут же, естественно, на Конюшенной, клуб MOD, это тоже один из первых... Для меня просто музыка – это самое основное. Музыка напрямую озвучивает твоё движение. Короче, она меня сопровождала и вела всю эту жизнь. И в моменты, когда я не понимала, куда я иду, только музыка меня и вела. Не напрямую, но [зин] все-таки связан [с

музыкой], потому что журнал – он про иррациональное, бессознательное, а музыка как раз с этим и работает. Вообще ночная жизнь полна этого хаоса, этого куража, откуда я черпала свое вдохновение. Когда происходит какой-то трэш и люди выходят из себя, вот моя тема – с трансгрессией. Я просто очень люблю Батая и трансгрессию, и такие места меня вдохновляли. То есть идея [зина] зародилась, я опять же повторяю, у клуба «Мозаика», в шесть утра, когда... нас там пять девчонок, одна пишет, одна танцует уже без музыки, третья валяется на каком-то там диване, и я все это фотографирую – вот этот хаос – и говорю: «Да, девчонки, мы настоящие шкуры...» И все такие: «Да-а-а...»

Большой район, который до сих пор меня притягивает, – это «Владимирская», где, собственно, КиТ. Друзья здесь живут, я тут граффити рисовала – вернее, я клеила плакаты какие-то, заранее их делала. На музей Арктики и Антарктики прямо клеила. Это мой персонаж – одноглазая девочка. Потом она переросла в Шкуру такую [показывает]. Короче, это вот закатанный глаз... сомнительный. Его, собственно, я рисовала и клеила везде. На Литейном тоже. Бомбила прямо. Иногда на машинах, ночью – что не очень культурно... Что еще важно в этом районе – это клуб «Грибоедов». Тут я познакомилась с кучей рэперов, которые ходили и читали рэп, мы кучу раз пытались снимать клипы в этом районе. Собственно, на этом районе я снимала свой фильм – «Дефектный пиксель». Когда я хотела показать город-лабиринт, я выбрала этот район, потому что я сильно его любила, как раз эти дворы-колодцы и проходные на «Владимирской» мне очень нравятся. Такое скрещение. Ну и до сих пор я там вечно гуляю, теряюсь с кучей идей. Тут вот эта улица... Коломенская? Колокольная? Это вообще суперприколов улица. Я туда все время прихожу, и там все время какие-то люди отшибленные, какой-то автобус и какие-то люди со странными товарами, там какая-то мистика происходит. Я как туда ни зайду – мне там все время смешно.

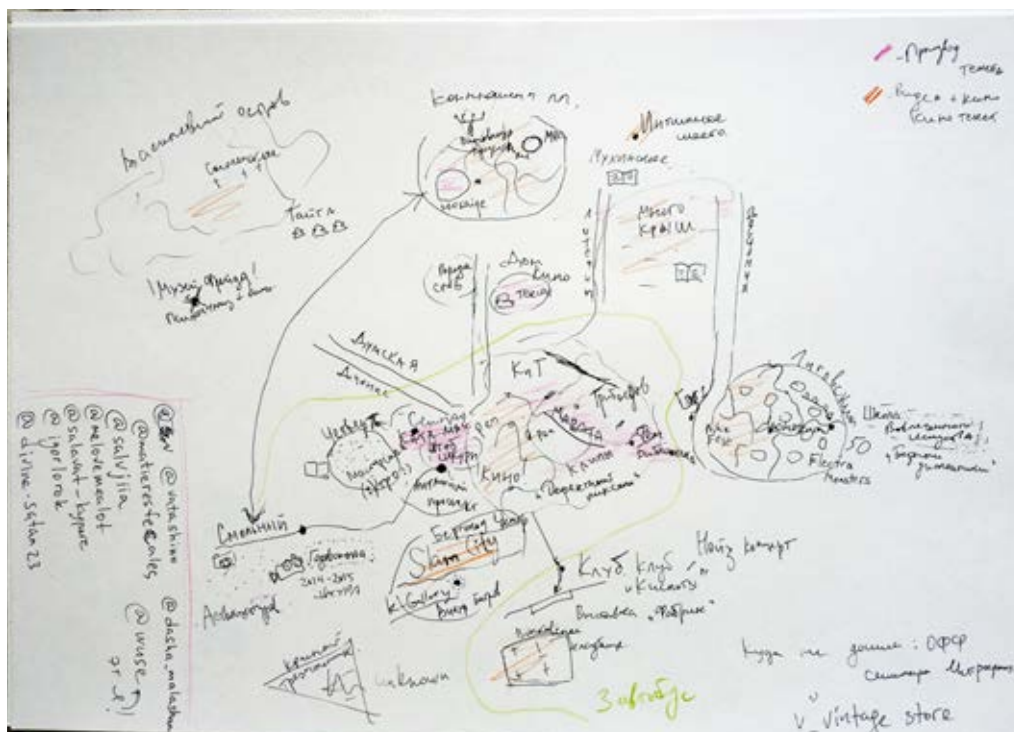
НА КАРТЕ:

1. Смоленское кладбище – одно из старейших кладбищ Петербурга. Расположено на Васильевском острове.
2. «Тайга» - творческий кластер на Дворцовой наб., 20. Закрылся в 2017 г.
3. Музей Фрейда, Музей сновидений
3. Фрейда – музей, основанный в 1999 г. Виктором Мазиным в помещении Восточно-Европейского института психоанализа. Не связан ни с конкретным местом, где жил З. Фрейд, ни с окружавшими его материальными вещами, но с его идеями и сновидениями. Расположен по адресу Большой проспект П. С., 18А.
4. Смольный, Факультет свободных искусств и наук - факультет Санкт-Петербургского государственного университета, созданный в сотрудничестве с Бард-колледжем.
5. «Красный треугольник» - предприятие российско-американской мануфактуры, основано в 1860 г. В настоящее время на территории много заброшенных корпусов, в основном - построенных в начале XX-го века. Расположен по адресу наб. Обводного канала, 138.
6. «Виновица», «MOD», «Мозаика» («Mosaïque») – ночные клубы в центре Петербурга.
7. Лаборатория «Интимное место» - галерея, открытая в жилой квартире художницы, кураторки, феминистки Марины Мараевой и лабратора Гвидона. Основана в декабре 2014 г. Расположена по адресу ул. Шпалерная, 3.
8. Мухинское училище, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица – вуз в Петербурге, специализирующийся на подготовке специалистов творческих профессий. Расположен по адресу Соляной пер., 13.
9. «Дом кино» - киноцентр Санкт-Петербургской организации Союза Кинематографистов России. Расположен по адресу ул. Караванная, 12.
10. «Порядок слов» - независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу наб. реки Фонтанки, 15.
11. КиТ - Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. Расположен по адресу ул. Правды, 13.

12. Думская улица – улица в центре Петербурга, славящаяся обилием питейных заведений.
13. «Четверть» - лофт-проект, на территории которого располагались мастерские, шоу-румы, офисы, студии и магазины, рестораны, кафе и бистро. Существовал в 2013 г. по адресу пер. Пирогова, 18
14. Штаб «Шкуры» - частная квартиры Катюши Мяу, члена редсовета зина «Шкура».
15. «ФемИнфотека» - самоорганизованная феминистская библиотека. Основана в 2011 г. Расположена в «Открытом пространстве» по адресу ул. Достоевского, 34
16. «ГЭЗ-21», «Галерея Экспериментального звука» (с 1994 по 2000 гг. - «Галерея 21»). Концертная площадка, выставочное пространство, культурный центр и центр исследования музыки. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10», основанного художниками-нонконформистами в сквотированном здании в 1989 г.
17. «Дефектный пиксель» - дебютный фильм А. Волоховой.
18. «Бертгольд-центр» – творческий кластер. Расположен по адресу Гражданская ул., 13-15.
19. Slam city – клуб, место проведения концертов сообщества SainT-BrOkLYnS-burG. Закрылся в 2017 г.
20. «Клуб» - открывшийся в 2018 г. ночной клуб на Боровой ул.
21. Волковское кладбище - кладбище, расположенное во Фрунзенском районе Санкт-Петербурга. Известно «Литераторскими мостками» - участком, на котором захоронены русские и советские писатели, музыканты, ученые и общественные деятели.
22. Лиговский, 50 - бывшие склады Северного страхового общества, основанного купцом Василием Кокоревым. Концентрация культурных и развлекательных мест, музыкальных клубов. Место проведения выпускной выставки третьего набора Школы вовлеченного искусства «Бедные диалектики».
23. «ОФФ», «Открытый философский факультет» - образовательный проект, лекции по философии на разных городских площадках, организованные в 2015 г. как ответ на внутреннюю политику факультета философии СПбГУ (увольнения, сокращения преподавателей).
24. «Философское кафе» - регулярный философский семинар, основанный Аллой Митрофановой в 2002 г. и базирующийся в «ГЭЗ-21» на Пушкинской, 10.

Инстаграм-карта:

@vatashino
 @matieresfecales
 @salvjia
 @melovemealot
 @salavat_kypere
 @igorlorok
 @divine.satan23
 @dasha_malashaa
 @wuse (А. Волохова)

ОЛЬГА ЕГОРОВА (ЦАПЛЯ)

(род. 1968) – художница, режиссер, член группы «Что делать», тьютор Школы вовлеченного искусства. В 1995 г. вместе с Натальей Першиной-Якиманской (Глюклей) основала арт-группу «Фабрика найденных одежд» (ФНО) – одну из старейших и известнейших российских перформанс-групп. Создательница «Магазина путешествующих вещей», располагавшегося на «Пушкинской, 10». Переехала в Петербург из Хабаровска в 1989 г.

ДМИТРИЙ ВИЛЕНСКИЙ

(род. 1964) – фотограф, художник, активист и педагог, один из основателей коллектива «Что делать», редактор одноименной газеты. С 2013 г. тьютор и главный координатор Школы вовлеченного искусства. Работает в рамках интердисциплинарных коллективных проектов в различных медиа, таких как видео, фотография, текст, инсталляции и интервенции в публичное пространство. Участник множества выставок как в России, так и за рубежом. В последние годы является приглашенным лектором в ведущих западных академиях искусств и арт-программах.

сочинение жизни / формы локализации

Современная ситуация

Цапля: Сейчас люди гораздо реже встречаются для того, чтобы общаться. Раньше фейсбука-то не было, раньше вот ты сидишь за столом – и вся твоя сеть перед тобой.

Виленский: ...и ты сидишь и лайкаешь всех...

Цапля: ...лайкаешь всех настоящими улыбками.

Виленский: Как Оля правильно заметила, есть вот эта новая эта сборка субъективности – через соцсети, которые очень влияют на реальность. А вторая сборка – это то, что мы обсуждали по поводу квинности, номадичности... То есть то поколение, которое было еще в 2000-х – у них были специфические отношения с местом, они влюблялись

кружка Цехомской в 1988 году я уже сам делал общие инициативы – «Фотопостскрипtum», это уже где-то... 1991-й – такая самоорганизация, и он в какой-то момент... [Цапле] Ты где «Пушкинскую» нарисовала? Ну давай вот здесь, внизу. Это «Пушкинская, 10», куда «Фотопостскрипtum» переместился в 1994 году. Но на «Пушкинской» очень важный момент – это «Галерея 21». Актуганова. Эта история – условно говоря, это еще до ремонта, 1997-й.

Цапля: В 2003 году была организована группа «Что делать?», но у нас не было локации, мы все собирались то у Глюкли, то у нас. А так еще у нас все время группа жила в разных местах, то получалось, что мы – переписка, телефон...

царил! И вот этот блеск невозможный... Там вообще собиралось литературное и поэтическое сообщество, к которому мы с Глюклей, как ни странно, принадлежали. Там были наши друзья. Мы там время проводили чуть ли не каждый вечер, я-то – уж точно! Потом в «Борее» были «Новые тупые», Вадим Флягин – он там жил, спал на четырех стульях. Великий человек! Вы его не знаете, сейчас он уехал в Нижний Новгород и там пропал... Пару лет назад в Москве была выставка «Новых тупых», ее делал Петя Белый, я там была, смотрю – видео на стене висит, оборачиваюсь – а там я, молодая, прекрасная... и вижу перформанс, который я очень хорошо помню. Это когда они варили свиную голову и говорили, кажется, об идеале. Но что они говорили! И как они говорили! Это был такой уровень... Уровень диалога, когда каждый подхватывал мысль

2

в Питер, им было важно именно быть здесь, здесь что-то делать. А сейчас людям вообще пох...й: вот получу завтра грант – поеду в Берлин, и вообще про Питер забыл. Получу там еще чего-нибудь – поеду еще куда-нибудь... У меня такое ощущение, что, действительно, формы локализации – они тотально разрушены, а без этого – нет никакой истории, ее формы нерелевантны. Привязанность к месту ушла, мне кажется, везде... Транзитной зоной становится любой город.

Значимые места, свои места

Виленский: ДК Цюрупы... где-то тут в уголке как солнышко такое... [рисует]. Это 1981–86 год. Собственно, я думаю, что это и спровоцировало мой интерес к ДК... Ну это был такой ДК фабрики «Красный треугольник», почему-то захваченный диссидентами. Там был кружок Сосноры поэтический, фотокружок Цехомской и изостудия Феликса Волосенкова. Как вот они все туда прокрались?.. Это для меня до сих пор остается таким недоисследованным вопросом. Как в недрах таких советских ДК возникает контркультура... После

Виленский: Ну вот ДК Розы – это 2014 год, то есть 11 лет так жили тут без места.

Цапля: Мы в гости все время друг к другу ходили.

Виленский: А дальше я не знаю по местам, потому что «Что делать?» дрейфовала. Первая локация появляется – ДК Розы, 2014-й. Ну и школа – Школа вовлеченного искусства, то есть они появляются как бы вместе. Потом уже появляется «Интимное место», 2015 год.

Цапля: Ну если делать ментальную карту девяностых годов, то «Борей» должен быть во-о-от здесь, а вот здесь – «Пушкинская», и весь народ перемещается между ними.

Виленский: Да-а, ну нарисуй связи!

Цапля: В «Борее» были членские билеты, у меня до сих пор хранится, билет номер 7 у меня был, между прочим. А номер 1 был у Драгомощенко. Потому что Драгомощенко был главный, он там

другого, оставаясь при этом яркой индивидуальностью. Это было что-то невозможное. Коллективная такая поэзия. Вот сейчас этого, ребята, нет, я не знаю почему. Куда исчезла эта обэриутская ирония? Где теперь это желание быть интересными друг другу? Стою я там и плачу, потому что понимаю, что вот этого нет больше. Не знаю, может вам удастся это возродить, но я что-то пока не вижу... а может, больше и не надо?.. Вот это было, а больше и не надо... В общем, я тут лучи славы нарисую вокруг «Борея»...

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

Цапля: На «Пушкинской» было другое. «Пушкинская» была сначала такой котел, такой бульон, где все варилось, а потом наступили страшные и прекрасные два года, когда там делали ремонт и отключили тепло и свет.

Виленский: ...и канализацию.

Цапля: И канализацию. И наступила полная блокада. Это 1996–1997-й. А вы не знаете этого?.. Но это

выглядело как блокада! И поскольку многие там и жили – а денег у нас не было, и все голодали – то это была полная... иллюзия... Мы сидели в темноте, при свечах, со сломанной канализацией, но мы продолжали что-то там делать. Это странно. Мы не прекращали выставки.

Виленский: Выставки при свечах!

Цапля: «Магазин путешествующих вещей»!

Виленский: Я специально выставки проектировал под свечи.

Цапля: У меня люди приходили – раздевались, наряжались, в зеркало смотрели вот так вот – уфф – подышав... «Пушкинская» была такая, а «Борей», значит, там как бы... я сейчас даже корону нарисую и напишу «Аркадий Драгомощенко»!

видения проходили. Вот такой перформанс.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Цапля: Мастерская Глюкли на Гороховой... Мастерская и квартира, да, она там и работала, и жила. Стали собираться люди. Это мы потом стали «Фабрикой найденных одежд», а тогда это называли таким «тайным орденом». Где правили Гимназистка и «Смерти нет». Мы там тоже проводили поэтические чтения, там был «Восточный диван». Там появились наши прекрасные возлюбленные друзья, которые и сейчас с нами: Митя Голынка и Саша Скидан. [Михаил] Трофименков тогда был частый гость. Вася Кондратьев – правда, позднее чуть-чуть. Глеб Морев... ну он, правда, уже потом, потому что у Глюкли было две

Виленский: В девяностые, я думаю, еще можно Манеж отметить. Формально он всегда относился к Союзу художников, но они его постоянно сдавали под какие-то фестивали, какие-то выставки, более была культурная субаренда, не то что потом... Биеннале там проводилась Петербургская, которую никто не помнит. Нужно учитывать, что Питер всегда был силен своим каким-то... сообществом людей, выпустившихся из Мухи, из Академии, со своим альтернативным видением, но очень консервативным при этом. Это костяк питерской богемы, их просто много очень. Кто-то стал более продвинутым, кто-то менее, но мы с ними очень мало пересекались. А я шел из фотосреды... Вообще, если говорить о питерской культурной ситуации – я не знаю, правда, как это на ментальной карте определить, но это, конечно, тупик «Новой Академии». То есть

Цапля: Конечно, происходили фестивали, фестиваль «КукАрт» каждый год проходил. И мы там с Глюклей делали один из наших перформансов, я его до сих пор считаю одним из самых лучших, когда мы с ней сделали экскурсию по парку. Там был такой Юсуповский парк, полностью заросший. Мы оживили его, сделали такие очаговые перформансы. Экскурсия начиналась в 12 часов ночи, я была экскурсоводом, мы входили в парк, там была натянута белая простыня... Сюжет назывался «Легкая смерть Веры Холодной в Крыму». Выходила Глюкля в черном платье с белым воротником, красивая невозможно, Глюкля вообще была в том возрасте – ну настоящая Вера Холодная! Выходил наш дружок Вадик Маугли в каракулевой шубке детской, поднимал руку с детским пистолетиком, стрелял в Глюклю, она падала, сзади пробегала наш коммерческий директор Валя Ще – коммерческий директор! – и выплескивала на эту белую простыню красную краску. Это было первое видение. Оно было объявлено. Все лежали мертвые, экскурсия уходила дальше. И там дальше еще разные

мастерских. На Гороховой – сейчас я ее нарисую... А потом у нее появилась мастерская на Каменноостровском – она и сейчас есть, и все еще важное место для нас. Там много всего прекрасного происходило. Дневники читали, например. Саша Ильенен, между прочим, читал там главы своего романа автобиографического, Глеб Морев впервые читал там дневники Кузмина, которые он потом опубликовал... И мы с Глюклей читали наши собственные... Это, получается, был не вход в тусовку, а, в общем, мы сами создали свою собственную. Ну, естественно, из мастерской Глюкли на Гороховой пролегалла прямая дорожка в «Борей». В девяностые годы художники в Питере были переплетены с литераторами, поэтами, прозаиками вот так вот... И это была, мне кажется, своя особая специфика, потому что в разных городах ведь по-разному – в Берлине, например, художники с музыкантами больше тусуют, а нас связывала литература. И вообще, «Фабрика найденных одежд» – это было, отчасти, бесконечное сочинение жизни и проговаривание ее. Там было много такого... разговора.

я все время продолжаю отмечать, что то, что Тимур [Новиков] сделал с «Новой Академией» – это пример, когда самый блестящий, гениальный человек Петербурга, ставит очень высокую планку – и ошибается! <...> Собственно говоря, была масса критики – от Миши Трофименкова, мы, мы все, кто сознательно не работали с «Новой Академией». Очень принципиально. Потому что Тимур охотился на всех. Мы дружили, но...

Цапля: У Тимура было нечеловеческое обаяние! Мы с Глюклей, кстати говоря, участвовали в одной его акции – мы ездили на лошадях. Я забыла сейчас, кажется, это был один из Хармс-фестивалей, которые организовывал Глеб Ершов, но пригласил нас почему-то именно Тимур, и мы с Глюклей впервые забрались на лошадь. Мы написали какие-то листовки за торжество хрупкости и разбрасывали их, а у меня в руках был флаг.

Виленский: Большая была лошадь?

Цапля: Дима, это была гигантская лошадь! Мы подъехали к Инженерному замку, оттуда

разбрасывали листовки с какой-то поэтической красотой.

Я хотела еще сказать про «Музей Фрейда». Это тоже было важное для нас место. На самом деле там даже сейчас, в современном оформлении, очень много глюклиных платяев. Ну не много, но несколько штук. Маленькие белые платяя.

А вот отсюда [показывает на карте «Галерею 21»] идет ни много ни мало киберфеминизм, который для нас был очень важный. Нам Ира Актуганова сказала: «Девчонки, вы феминистки». А не нужно забывать, что это был какой-то там девяностый год. Мы говорим: «Ира, мы – художники». Без феминитивов, то есть. Мы ведь тогда плохо понимали, что такое феминизм. Мы с Глюклей были все больше квір, как сейчас бы сказали, и вот этих всех определений совершенно не терпели. Поэтому только потом, когда мы стали себя лучше понимать, мы с Актугановой согласились. И тут, конечно, Алла Митрофанова [важна].

Виленский: Соболев, конечно! Это даже и ко мне тоже, потому что с соболевчанами я тоже тусовался, я не понимаю почему.

Цапля: Соболев вообще был мне тогда очень важным человеком. Знаете «Запасный выход»? Это была такая школа перформанса. Она располагалась в Царском Селе, в Запасном дворце, там был филиал факультета Театрального института. А Соболев – это Юрий Соболев-Нолев, очень известный московский концептуалист, он из Москвы переехал... в общем, у него почти не ходили ноги, он передвигался с палочкой, но обладал невероятной какой-то харизмой. У него был коллектив молодых перформеров, то есть он их учил перформансу, и для меня это было первое знакомство с такой школой. Он был сильнейший преподаватель.

Виленский: Что интересно у Соболева – он был таким мостиком [между Петербургом и Москвой], он все-таки был москвич и устраивал фестивали, куда привозил московских художников.

Цапля: На самом деле «КукАрт» был очень большой фестиваль, и туда приезжало много прекрасных коллективов, все это происходило белыми ночами, и атмосфера была

там феерическая. Наши любимые друзья, Нина Гастева и Миша Иванов – «ИгуанДансТеатр» – тоже там все время участвовали. Кстати, их мастерская на Мойке тоже очень важное место для нас. Сейчас его больше нет, к сожалению, но долгие годы это была мощная лаборатория современного танца.

Цапля: Ну еще была, конечно, «Навикула». В 1990-е годы она играла гигантскую роль. Сначала они были в Николаевском дворце, во Дворце Труда, они там делали проекты с Хлобыстиным... Хлобыстин был, кстати говоря, фигурой очень значительной. Издавал журнал «Микробиология». Это блестящее издание! Газета «Сусанин», «Художественная воля» – это все Хлобыстин. Какие смешные! «Микробиология», я помню, вообще крышу сорвала! Ну, это девяностые годы, там крышу сорвать, в общем-то, было легко, но вообще это очень интересно все. Значит, «Навикула». «Навикула» плюс половецкие пляски, ребята! У них там стоял проигрыватель – «Вега», наверное, – и пластинка Глеба Ершова с «Половецкими плясками». Время от времени, когда компания доходила до полного, в общем-то, восхищения, он ее ставил, и вся «Пушкинская» приходила в невообразимое движение, все плясали... Представить себе «Навикулу» без «Половецких плясок» невозможно. Ну и они делали отличные выставки, которые переворачивали все.

Ключ к карте: сочинение жизни/формы локализации

Виленский: На самом деле петербургская среда воспроизводится по тому же международному принципу тусовки. Люди ходят на вернисажи, на вернисажах их приглашают на другие выставки и на вернисажи. Они получают работу на вернисажах... И обрати внимание, что для нас практически никакой роли не играет институциональный ландшафт. Ни Русский музей, ни Эрмитаж... С другой стороны, здесь есть много истории, много потенциала. А когда есть потенциал, он выстрелит. Плюс много миграции, много приезжающих людей. И тут с точки зрения культурной социологии, антропологии очень интересный вопрос – почему люди приезжают в Питер, а не в Москву.

А если мы говорим о самиздате, все-таки самиздат – это манифестация сообщества. Вот «Максимка» – «Новые тупые». Вот классический пример. Есть сообщество, и вокруг него образуются какие-то интерпретационная сетка, фан-клуб, группиз – и возникает органически какая-то вот штука. Сейчас опять же тоже... Интернет оказался довольно-таки сложным местом для создания издания, которое бы объединяло... Мне кажется, история «Север-7» очень интересная. Я вот посмотрел – действительно, очень органическое сообщество, очень любопытное и очень местное. Я думаю, что их просто очень быстро приняли – потому что они очень вписываются в историю петербургского безумия, идеально. С другой стороны, история петербургского безумия не самое стыдное, что у нас есть. А, может быть, самое ценное.

НА КАРТЕ:

1. ДК Цюрупы, Дом культуры им. А. Д. Цюрупы – клубное учреждение, центр культурно-массовой и просветительской работы. В 1980-е гг. при ДК работали кружок Виктора Сосноры, фотокружок Натальи Цехомской, изостудия Феликса Волосенкова. Расположен по адресу: наб. Обводного канала, 181.
2. «Фотопостскрипtum», «ФотоPost-scriptum» – творческое объединение, основанное в 1994 г. И. Васильевым, Д. Виленским, Вад. Гузиным, Вл. Куприяновым, Д. Пиликиным, А. Титаренко, А. Чежиним.
3. Фестиваль «Современное искусство в традиционном музее» – ежегодный фестиваль современного искусства, организованный фондом «ПРО АРТЕ».
4. Музей нонконформизма, Музей нонконформистского искусства – выставочный, научный и архивный центр по изучению и пропаганде нонконформистского искусства. Был создан в 1998 г. на базе арт-центра «Пушкинская, 10».
5. «ПРО АРТЕ», Петербургский благотворительный фонд культуры и искусства «ПРО АРТЕ» – некоммерческая негосударственная организация. Деятельность Фонда связана с изучением и продвижением явлений современной культуры и искусства. Расположен по адресу: Петропавловская крепость, 3.
6. «Что делать» – неформальное объединение художников, критиков, философов и писателей с целью соединения политической теории, искусства и активизма. Группа была создана в мае 2003 г. в Санкт-Петербурге.
7. Коммунальная галерея «Егорка» – галерея, открытая в жилой квартире художниц Анны Терешкиной и Анастасии Макаренко. Основана зимой 2016 г., расположена по адресу: ул. Егорова, 28.
8. ДК Розы, Дом культуры им. Розы Люксембург – культурная площадка и публичное пространство, место творчества и просвещения, основанное в 2013 г. художниками группы «Что делать». Расположен по адресу: Большая Разночинная ул., 24.
9. ШВИЧД, Школа вовлеченного искусства группы «Что делать» – образовательная платформа, занимающаяся обучением в области современного социально ориентированного искусства. Основана в 2013 г. участниками художественной группы «Что делать».
10. Коммуна на Кузнечном – коммунальная квартира в Кузнечном переулке, где с 2009 по 2014 г. жили художники, поэты, активисты (Роман Осминкин, Павел Арсеньев, Дина Гатина, Олег Журавлев, Сергей Югов и др.).
11. «Порядок слов» – независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу: наб. реки Фонтанки, 15.
12. Лаборатория «Интимное место» – галерея, открытая в жилой квартире художницы, кураторки, феминистки Марины Маравевой и лабрадора Гвидона. Основана в декабре 2014 г. Расположена по адресу: Шпалерная ул., 3.
13. Галерея «Люда» – галерея современного искусства, созданная художником Петром Белым. Закрылась в 2017 г. Располагалась по адресу: Моховая ул., 42.
14. Манеж, Центральный выставочный зал «Манеж» – крупнейшее экспозиционное пространство в центре Петербурга. В 1990-е гг. – место проведения крупных выставок, в том числе Петербургской биеннале. Расположен в историческом здании полкового манежа императорской Конной гвардии по адресу: Исаакиевская пл., 1.

15. «Новая Академия изящных искусств» – «нео-академическое» направление в петербургском искусстве, противостоящее модернизму и выступающее за сохранение и возрождение классического искусства, проект Тимура Новикова, основанный в 1989 г.

16. Музей Фрейда, Музей сновидений З. Фрейда – музей, основанный в 1999 г. Виктором Мазиним в помещении Восточно-Европейского института психоанализа. Не связан ни с конкретным местом, где жил З. Фрейд, ни с окружавшими его материальными вещами, но с его идеями и сновидениями. Расположен по адресу: Большой проспект П. С., 18А.

17. «Галерея 21» (после 2000 г. – «Галерея Экспериментального Звука»). Выставочное пространство, основанное Ириной Актугановой. Располагалась на территории арт-центра «Пушкинская, 10».

18. «Пушкинская, 10» – культурный центр, основанный в 1989 г. независимыми художниками в засквотированном доме.

19. «Магазин путешествующих вещей» – проект Ольги Егоровой, переосмысляющий одежду как средство эмансипации и творческого поиска. Существовал как реальный магазин на территории «Пушкинской, 10».

20. Киберфеминизм – направление феминизма, осмысляющее интернет как социальное и культурное пространство, (потенциально) свободное от гендерного угнетения. В России у его истоков стояли Ирина Актуганова и Алла Митрофанова.

21. ФНО, «Фабрика найденных одежд» – творческий союз художниц Натальи Першиной-Якиманской (Глюкли) и Ольги Егоровой (Цапلي).

22. «Навикула Артис», Navicula Artis – галерея, основанная в 1992 г. Иваном Чечотом и выпускниками кафедры истории искусств ЛГУ. С 1998 г. располагается на территории арт-центра «Пушкинская, 10».

23. Сорос, Фонд «Открытое общество» – международная благотворительная организация, учрежденная финансистом и филантропом Джорджем Соросом. Иницирует и поддерживает программы в области образования, культуры и искусства, здравоохранения, гражданских инициатив, способствующие развитию идей и механизмов открытого общества. Был активен в России с 1995 по 2015 г.

24. Мастерская Глюкли (Натальи Першиной-Якиманской) на Каменноостровском проспекте.

25. «Игуан Данс Театр», Iguan Dance Theatre – танцевальная компания, созданная в 1995 г. Михаилом Ивановым и Ниной Гастевой.

26. КУКАРТ – российский фестиваль, посвященный театру кукол и синтетическому театру. Создан в 1993 г. Михаилом Хусидом и Юрием Нолевым-Соболевым. Место проведения – Запасной дворец, (Пушкин) Царское Село.

27. Галерея «Борей» – некоммерческий выставочный и творческий центр. Основан в 1991 г. Расположен по адресу: Литейный пр., 58.

28. «Новые тупые» – товарищество художников, образовавшееся в апреле 1996 г. в галерее «Борей» вокруг идеи жизни как перформанса. В товарищество входили Вадим Флягин, Игорь Панин, Сергей Спирихин, Инга Нагель, Владимир Козин, Максим Райский, Олег Хвостов, Александр Ляшко. Издавали печатный журнал «Максимка». Распались в 2002 г.

29. Мастерская Глюкли (Натальи Першиной-Якиманской) на Гороховой.

АННА ТЕРЕШКИНА

(род. 1986) – художница, куратор, соосновательница коммунальной галереи «Егорка» (совместно с Анастасией Макаренко). Закончила Школу вовлеченного искусства. Участница художественно-активистского международного швейного кооператива «Швемы», кооператива «ередовое удожество», экспериментальной перформанс-группы «НДТМР Цвела», Феминистских мастерских имени Люси Липпард, а также музыкального коллектива «Девичья фамилия вашей матери». Переехала в Петербург из Омска в 2012 г.

**что делать
или не делать**

Современная ситуация

Есть некоторые барьеры между сообществами. В чем-то они преодолеваются... Например, «Север-7» и тусовка вокруг него – художники, искусствоведы – почти не пересекается со Школой вовлеченного искусства. Я стараюсь ходить везде, кого-то приводить, знакомить: мне кажется это важным.

Границами служат личные разногласия или идеологические?

Ну, личные – они же и в идеологические места переходят. И наоборот. Вот в «Ребрах Евы» немного художников тусуется, а в ДК Розы ходит именно много художников, левых и около-левых. В «Ребра» их можно затащить только на мероприятия. А с «Севером-7» я познакомилась через Илью Гришаева,

проекта «Ребра Евы»] фейсбук. Все говорили, что она самая радикальная феминистка... Еще был проект «Право на аборт» в «Интимном месте». Там же был кастинг на Ледин новый спектакль кампании V-Day, тоже по пьесе Ив Энцлер. Я туда ходила. <...> А потом у «Ребер» возникло помещение на Биржевом переулке, и все стали ходить на мероприятия туда. В какой-то момент меня туда позвали курировать выставки. <...> Сейчас они [«Ребра Евы»] на Фонарном [переулке].

Можно еще отметить, что внизу, на «Парке Победы», – место, где мы репетируем с «Девичьей фамилией вашей матери». Но это не публичное место, это просто квартира Араика [Фитингофа].

Места в городе во многом связаны с личной жизнью. Лиговский, конечно. Я много на нем прожила. Марсово поле. На нем были какие-то перформансы, на нем собирались, обсуждали какие-то вещи. И все эти митинги тоже [рисует]. Можно еще отметить дом Саши Качко на Черной речке, она там тоже делала квартирные выставки, правда, две всего. Пытаюсь понять куда вместишь... Торжковская... она уже там, за центром [берет второй лист].

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Я приехала [в Петербург] в 2012 году, летом, во многом этому поспособствовал мой бывший супруг, потому что у меня в Омске все было так неплохо, я там вела какую-то художественную жизнь, хотя многого не хватало, мне казалось, я могу продолжать что-то там мутить. В 2010

3

а с Ильей – на фестивале стрит-арта в Перми, потом я ходила к нему в гости, он мне рассказывал про «Север-7», на «Арт-проспекте» я видела их перформанс – вот как-то так [границы преодолеваются].

Значимые места, свои места

Да, есть еще «Открытое пространство», в котором много политических мероприятий проходило. И первые встречи по газете «Насреддин в России». Для меня это скорее политическое место, нежели культурное, но очень важное. Так... какая там? Достоевская, 34. Мы всю весну 2015 года делали чаепития, вначале в ОП с родителями, которые ждут детей с занятий по русскому языку, «Дети Петербурга», а потом мы там познакомились со многими, раздали флаеры, в чайханах стали делать, сначала в одной, потом в другой... нет, это было в 2014 году! Потому что мы делали в конце с нашими участниками пьесу в Публичной программе «Манифесты».

Пытаюсь понять, как же возникли «Ребра Евы»... Я просто стала читать ее [Леды Гариной, основательницы

Отношения с пространством. Архитектура, география, маршруты

[О газете «Насреддин в России» – совместном проекте трудовых мигрантов и художников Петербурга.] Самое важное проходило именно в этих чайханах: все эти разговоры, общение, рисунки, которые я делала, которые потом... все это сложилось в газету. Одна возле Новой Голландии, называлась «Аъло», на улице Писарева. Еще была чайхана на Апрашке, она была немножко тайная, для своих, никакой вывески там не было, просто в одной из многоэтажек поднимаешься на второй этаж – и там ковры, плов, вот это все.

[Об участии команды газеты «Насреддин в России» в публичной программе «Манифесты».] На самом деле самая веселая была часть, которая не была всем видна. Мы сделали sound system, как в латиноамериканских странах. Гигантские колонки водружаются на машину, это все едет – дискотека такая. Мы расписали ее в стиле «Насреддина в России». Это было самое веселое.

мы съездили в отпуск. Познакомились с Осминкиным и Арсеньевым, они тогда жили в коммуне на Кузнечном. Нам открылась какая-то левая питерская тусовка, мы ею были очень очарованы. <...> Захотелось быть ее частью. И мы переехали. И первый год я практически ни с кем не общалась. Потому что довольно сложно, наверное, стать частью этой тусовки. Я занималась еще стрит-артом, в Омске начала. И когда я приехала, я целый год не могла подступить к этим стенам Петербурга...

Первая девушка, с которой я стала общаться, была Саша Качко, [художница] Зоя Зоа. Потому что она организовала выставку «Голос улиц». И я ей написала типа: «Привет, а почему меня не взяли на эту выставку? Вот мои работы». Она написала: «Давай встретимся»... И мы стали вместе ней ходить по улицам, что-то клеить, делать трафареты. А потом однажды она мне говорит: «А ты видела набор в Школу вовлеченного искусства»? <...> И я туда подала заявку и прошла. <...> И, наверное, через Сашу [Качко] и потом через Школу вовлеченного искусства удалось познакомиться с людьми, показать, что я делаю. То есть

пока я не могла никому показать, что же я делаю, я как будто была таким слепым пятном, которое только ходит и восхищается другими. После того, как в этой Школе я познакомилась с кучей классных людей, феминисток, вот с Полиной [Заславской], с Настей Вепревой, получилось на равных войти в сообщество...

[О спектакле «Монологи вагины» и Швейном кооперативе «Швемы»]. Как раз учился второй набор Школы «Что делать», они приходили к нам на выставку. Это была середина их обучения. Потом Соня [Акимова] в эту зиму искала актрис, и я довольно плотно вовлеклась в репетиции, часть студенток нового набора – тоже... А в конце 2015 появились «Швемы» как выпускной проект второго набора на самом деле. «Швемы» придумала Тоня [Мельник] как утопическую модель швейного кооператива, неиерархического,

года. <...> Потом поняли, что нам трудно в этом пространстве все время быть. <...> Мы очень устали и решили больше не работать в ДК Розы как в мастерской, хотя в новом помещении на Петроградке несколько комнат и они очень нас звали. Просто было ощущение, что «Швемы» принадлежат ДК Розы... А ДК Розы – это проект группы «Что делать». В основном это была моя инициатива – уйти оттуда. Мне стало казаться, что я никак не могу оторваться от Школы. Что вот я закончила в 2014-м, а сейчас 2016-й, а я продолжаю с ними тусоваться бесконечно, шить их проекты, работать на них координатором, сниматься в их фильмах... и я решила, что пора... отцепляться.

И куда ты отцепилась?

Ну, в «Егорку». У меня тогда как раз произошел развод, и я стала жить отдельно. Вот из третьего набора

выставку, которая состоится уже через неделю. Есть и такие проекты, которые долго планируются, через опен-коллы.

Можно сказать, что твоя музыкальная деятельность связана с художественной?

Мне кажется, да... Тексты мои все растут из вот этих всех связей. Дело в том, что первые мои опыты феминистского рэпа были с [Романом] Осминкиным и [Антоном] Командировым. Рома любит замутить такую штуку: всех позвать, чтобы каждый показал свой талант, сказать: «Делайте что хотите», – это у него называется пьеса. И кто-то говорит: «Рома, ты как-то странно задачу поставил! Я не буду...» А кто-то делает то, что давно хотел сделать. И я пару раз читала что-то свое, мы даже хотели альбом записывать.

где нет разделения труда, где все занимаются всем в равной степени. И первым заказом этого швейного кооператива были платья для спектакля... А я вовлекалась в «Швемы», потому что я участвовала в «Монологам» и хотела свое платье сшить.

«Швемы» сшили костюмы для «Монологов вагины», и у нас оставались машинки, которые мы брали у друзей. <...> «Что делать» дали нам заказ – огромные полотнища по Колиным [Николая Олейникова, члена группы «Что делать»] эскизам. Это все было чтобы украсить сцену образовательного саммита при Венецианской биеннале. После этого Тоня осталась в Питере, и мы стали пробовать брать заказы. Я через полгода ушла из школы, где работала учителем рисования, и стала пробовать жить на заказы. Получалось не очень. Так благодаря «Швемам» началась моя жизнь прекарной художницы.

А потом ДК Розы переехал на Лиговский. Лиговский, 50. Больше всего времени мы там провели. С осени 2015 до лета 2017, почти два

[Школы вовлеченного искусства], кстати, Настя [Макаренко], мы с ней были знакомы еще с Омска. Она сказала, что хочет переезжать в Питер и не может найти комнату. А у меня тогда у соседей умерла жилища и непонятно что было с этой комнатой, я договорилась с хозяином – и вуаля. Осенью, в ноябре 2016 года, я – в начале, Настя – в конце, мы обе переехали и поняли, что надо делать «Егорку».

Но это все получается карта какого-то прошлого, потому что сейчас все мои ресурсы занимают «Девичья фамилия вашей матери» и «Егорка». И «Ребра Евы» так эпизодически дедлайном встанут, потом исчезнут... Ну, я их тогда желтеньким обведу [рисует].

[В коммунальной галерее «Егорка»] мы стараемся открывать что-то новое, при этом не нарушая наши границы. «Егорка» – это такая спонтанная ситуация. То есть вот у нас нет планов, и тут внезапно приезжает художник из Чили, с ним приезжает девушка из Москвы, я случайно узнаю, что она рисует порно-рисунки, тут же мы планируем

А ты была феминистской художницей еще в Омске?

Нет, я в Омске не думала о том, феминистская я художница или нет. Слово «феминистки» я услышала в 17 лет, мне тогда объяснили, что это такие сумасшедшие женщины, которые не бреют подмышки. Я подумала: «Да-а, действительно сумасшедшие!». А когда я вышла замуж в 2010-м, я поняла, что меня догоняет мое патриархальное воспитание, патриархальное сознание, что что-то не то происходит. Почему я мыслю так и делаю вот это? Я же на самом деле... этого не хочу. И я, сама того не зная, стала делать феминистские работы, коллажи. Я вам не показывала «Книгу для девочек» свою? В общем, я за год сделала из «Книги по домоводству», которая у меня была, которую я в детстве читала... Я за год ее превратила в полный беспредел с помощью всех подручных средств. И потом, когда я приехала в Питер, я поняла, что это была феминистская работа...

Получается, ты осмыслила себя как феминистскую художницу уже в Школе «Что делать?»

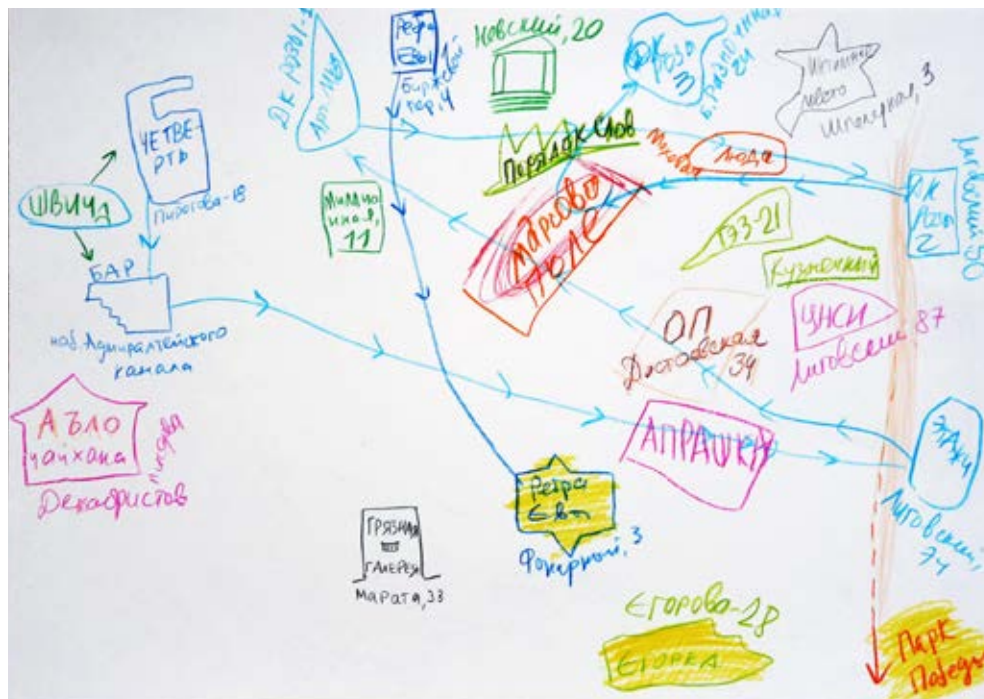
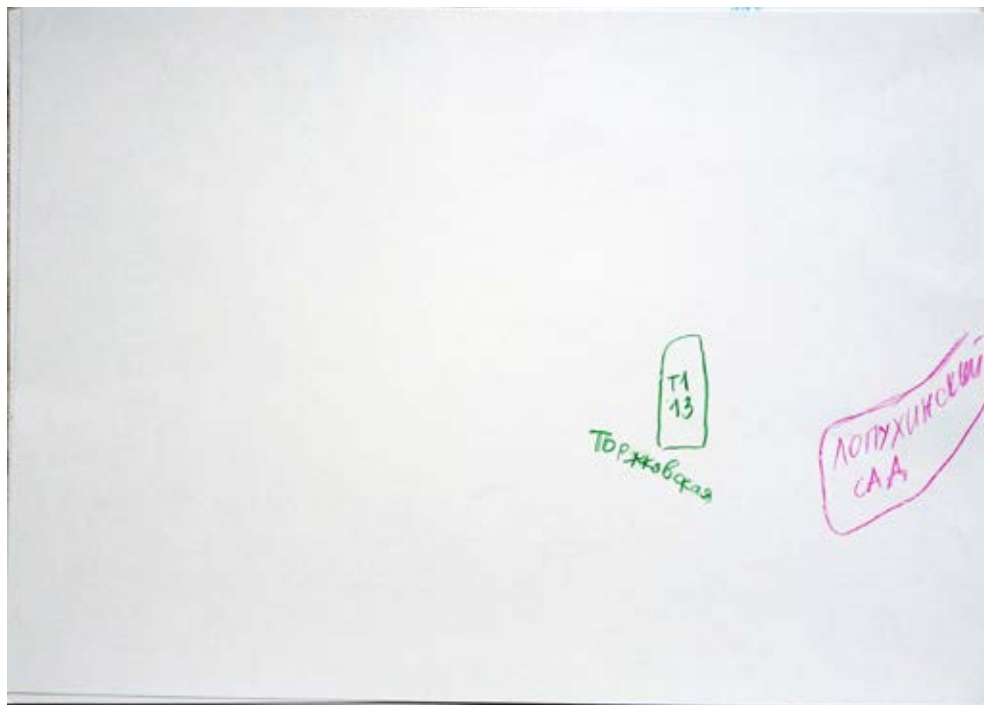
Уже даже после. У нас организовалась такая группа во время учебы, она называлась «Не для тебя моя роза цвела», «НДТМР Цвела». И мы пытались делать перформансы и даже показывали видео на «Феминистском карандаше», он потом еще в Питер приехал. И нас там спросили: «Что это такое вы нам показали? Вы вообще феминистки?» И мы сказали: «Нет, нет, мы не феминистки, мы не против мужчин!» И, я помню, еще тогда Алла Митрофанова засмеялась и сказала: «Вы хоть почитайте, что это такое!» И сейчас мне немного стыдно это вспоминать [смеется]. В Школе нам не преподавали никакой гендерной теории. Я многое узнала от Полины [Заславской] и взяла с «Феминистского карандаша», потому что там были лекции, артистки, общение с художницами. [Кураторки выставки] Вика Ломаско и Надя Плунгян очень сильно на меня повлияли в этом смысле.

Ключ к карте: что делать или не делать

...«Грязная галерея», в которой проходила часть выставок Публичной программы [«Манифесты»]. Там тогда поселились Рома Осминкин и Настя Вепрева, они как бы были кураторами и жили в галерее, у них каждые выходные сменялись выставки. <...> Они протащили туда нашу первую феминистскую выставку. Нашего коллектива, который стал потом «Мастерскими Люси Липпард». Я, Настя, Полина, еще к нам присоединилась Лилу Дейл, это все студентки первого выпуска [Школы] «Что делать» тоже. Выставка называлась «Жена-художник – горе в семье». А потом мы сделали выставку «А как же любовь» в итоге – через год. Мы собрали художниц и стали беседовать о любви. О том, как вообще к этому понятию относиться, если ты феминистка: что с ней делать, или не делать, как к ней относиться... или ее нет. И мы попали с этим на Невский, 20. Получилось очень интересно, потому что там очень много посетительниц пожилого возраста, они подходили, смотрели все это. Там, правда, была работа «Женщина-Иисус» – фотография Алены Петит, ее автопортрет. Я очень боялась, что кто-то там начнет жаловаться и

прессовать. Действительно, у каких-то психов вышла статья с заголовком «Феминистки заявили, что Христос был женщиной!»

В тот год, когда у нас была выставка на Невском, 20, Марина [Мараева] организовала «Интимное место». Это тоже была важная такая штука [рисует].

НА КАРТЕ:

1. ШВИЧД, Школа вовлеченного искусства группы «Что делать» – образовательная платформа, занимающаяся обучением в области современного социально ориентированного искусства. Основана в 2013 г. участниками художественной группы «Что делать».
2. ДК Розы – культурная площадка и публичное пространство, место творчества и просвещения. На территории ДК располагаются художественные, театральные, швейные мастерские, Школа вовлеченного искусства, библиотека и пр. Основан в 2013 г. художниками группы «Что делать». Расположен по адресу: Большая Разночинная ул., 24.
3. «Четверть» – лофт-проект, на территории которого располагались мастерские, шоу-румы, офисы, студии и магазины, рестораны, кафе и бистро. Существовал в 2013 г. по адресу: пер. Пирогова, 18.
4. Real Deal's Oldschool Bar – бар, просуществовавший с 2012 по 2015 г. Располагался по адресу: наб. Адмиралтейского канала, 27.
5. Чайхана «Аъло» – чайхана на наб. канала Грибоедова, 52.
6. «Арт-Муза» – музей современного искусства и творческий кластер. Основан в 2013 г., расположен по адресу: 13 линия В. О., 70–72.
7. Миллионная, 11 – место проведения занятий по английскому языку, которые посещает Анна.
8. Dirty Gallery, бывшая Грязная галерея – перформанс-общепитие, где в 2014 г. была предпринята попытка реконструировать Коммуну на Кузнецком и осуществлен арт-проект «Текст на улице / Текст в помещении» в рамках биеннале «Манифеста 10». Галерея располагалась по адресу: ул. Марата, 33, кв. 7.
9. «Ребра Евы» – социально-художественный проект, посвященный борьбе с гендерной дискриминацией. Расположен по адресу: Фонарный пер., 3. До этого находился по адресу: Биржевой пер., 4.
10. Библиотечный центр искусства и музыки библиотечного им. В. Маяковского (БИКЦИМ) – музыкальный фонд и фонд литературы по искусству на русском и иностранных языках, медиатека, фонд периодики, информационный голландский центр «Друзья Санкт-Петербурга», выставочная, концертная и лекционная площадка. Расположен по адресу: Невский пр., 20.
11. «Порядок слов» – независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу: наб. реки Фонтанки, 15.
12. Марсово поле – площадь в центре Санкт-Петербурга, существует с XVIII в. Мемориальный комплекс, место захоронения погибших в дни Февральской революции, деятелей Октябрьской революции и павших в годы Гражданской войны. До 2017 г. – единственный гайд-парк в центре Петербурга.
13. Галерея «Люда» – галерея современного искусства, созданная художником Петром Белым. Закрылась в 2017 г. Располагалась по адресу: Моховая ул., 42.
14. Лаборатория «Интимное место» – галерея, открытая в жилой квартире художницы, кураторки, феминистки Марины Мараевой и лабратора Гвидона. Основана в декабре 2014 г. Расположена по адресу: Шпалерная ул., 3.
15. «ГЭЗ-21», «Галерея Экспериментального Звука» (с 1994 по 2000 г. – «Галерея 21»). Концертная площадка, выставочное пространство, культурный центр и центр исследования музыки. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10», основанного

художниками-нонконформистами в сквотированном здании в 1989 г.

16. Коммуна на Кузнецком – коммунальная квартира в Кузнецком переулке, где с 2009 по 2014 г. жили художники, поэты, активисты (Роман Осминкин, Павел Арсеньев, Дина Гатина, Олег Журавлев, Сергей Югов и др.).

17. «Открытое пространство» – общественный коворкинг, место проведения встреч, дискуссий, лекций, собраний. Основано в гражданскими активистами в 2012 г., существует по системе краудфандинга. Расположено по адресу: ул. Достоевского, 34.

18. Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ) – негосударственный исследовательский институт, основанный в 1991 г. Располагается по адресу: Лиговский пр., 87.

19. Лиговский, 50 – бывшие склады Северного страхового общества, основанного купцом Василием Кокоревым. Сейчас здесь располагаются культурные и развлекательные места, музыкальные клубы. Место проведения выпускной выставки третьего набора Школы вовлеченного искусства «Бедные диалектики».

20. Апраксин двор – старейший и крупнейший рынок в центре Санкт-Петербурга. Основан в 1754 г. Расположен по адресу: Садовая ул., 28/30.

21. Лофт-проект «Этажи» – торгово-выставочный центр, популярное место развлечений и отдыха петербургской молодежи. Основан в 2007 г. Расположен по адресу: Лиговский пр., 74.

22. Коммунальная галерея «Егорка» – галерея, открытая в жилой квартире художниц Анны Терешкиной и Анастасии Макаренко. Основана зимой 2016 г., располагается по адресу: ул. Егорова, 28.

23. Парк Победы – район, где расположено место репетиций музыкального коллектива «Девичья фамилия вашей матери».

24. Торжковская, 1 – дом Александры Качко (художницы, феминистки), место проведения групповых квартирных выставок.

25. Лопухинский сад – сад на Петроградском острове, основанный в XVIII в. Место проведения фестиваля публичного искусства «Критическая масса» в 2015 г. Расположен по адресу: ул. Академика Павлова, 13.

ЛЕОНИД ЦХЭ

(род. 1983) – художник, книжный иллюстратор. Выпускник и преподаватель графического факультета Академии художеств им. И.Е. Репина. Закончил Школу молодого художника фонда «ПРО АРТЕ». Член Союза художников России. Участник группы «Север-7», работающей на стыке перформативных, театральных и традиционных художественных практик.

перформативное рисование

Значимые места, свои места

А сейчас у «Севера-7» есть какое-то место, где они собираются?

«Север-7» много кочевал в разных местах. На Звенигородской было место, на Суворовском. <...> А сейчас ребята на Смоленской набережной в промзоне, у них там небольшое пространство. Работы находятся и кто-то из ребят работает у моей студентки. Мансарда на улице Зеленина, на Петроградке. Сейчас там активно как-то стало. Там собралось много работ, студентов, северян-художников. <...> У нас осенью будет выставка «Севера-7», и сейчас все ребята собираются там это обсуждать.

шкафы. Советские кресла. Все сидят курят и пьют чай. [Как будто сейчас] 1970-е или 1980-е годы Советского Союза.

Взаимодействие с пространством. Архитектура, интерьер, география, маршруты

Мы в последний раз в Академии рисовали, в конференц-зале, и одна моя знакомая художница сказала, что там совершенно невозможно находиться, просто ужас. Там есть такое немножко казарменное ощущение, системы, причем вне времени тоже как будто. При том что прекрасная архитектура. Идешь по коридору – давяще. У всех такое ощущение. Когда я прихожу в Академию, ухожу оттуда, будто я... очень тяжело. Сама архитектура этого пространства, сама организация тоже влияет.

то взаимодействие началось. Дружба и какие-то совместные практики художественные. Я всегда рисовал больше, а ребята тяготели к перформативным практикам. Как-то мы вместе существовали. В 2013 году появился «Север-7», заявил о себе как о сообществе. У них была мастерская в Коломне и выставочный зал рядом с Никольским собором. <...> В полуподвальчике. Это все длилось года два, наверное. Постоянные выставки. Я там тоже выставился. По-моему, это была одна из первых выставок на Никольском. Я выставил там холсты, что-то рисовал на стене, а ребята играли на сломанных музыкальных инструментах. Как доктора какие-то в халатах.

Общая идея была в том, что мы самоорганизация, будем сами что-то делать. Будем сами показывать и будем независимыми. Каждый будет делать что-то свое, автономное.

4

А что это за место, «Детгиз», как там было работать?

Ну это такое небольшое на самом деле издательство, старое уже очень. Его основал Маршак, и там был главный художник Лебедев еще в 1930-е годы. Когда мы там работали [2007–2009], там было много молодых художников, которые закончили Штиглица. Из «Митьков» кто-то, [Андрей] Филиппов главный редактор. [Дмитрий] Шагин периодически рисовал иллюстрации в журнал. <...> Многие неформальные художники там что-нибудь да делали. Из тусовки не академической, а «с Пушкинской, 10», как это в Академии называют. <...> Хотя и академисты тоже. <...> Там была особая атмосфера, в Петербурге как-то сохраняется все. Приходишь, старые вот эти диваны, обитые красной материей, они как были в 1970-е годы, так до сих пор там и стоят. Шкафы с книжками, пачки книг. Все это лежит вместе. Стол старый, сувениры. Все курят постоянно. Все в дыму и в желтом налете, особая атмосфера. Дом в стиле эклектики или модерн, я не помню точно. Там были очень высокие потолки. Какие-то закутки,

В «Люде» [галерее] просто было интересно находиться. Два этажа – похоже на мастерскую даже отчасти. Большой красивый полукруглый свод. Второй этаж, можно там сидеть. Мне там нравилось. Подвал «Севера-7» [первое помещение объединения] был совершенно другой. У Петра Белого было особенное свое минималистичное устройство [в галерее «Люда»]. А в Никольском переулке – там все было так «по-северному» трешевое больше. Ребята застелили жостью пол. И там было все совершенно безумно часто. Выставки, зимние особенно. Сашина выставка, Олега Хмелева, бывало, там ребята готовили. Варили картошку, какое-то мясо, еще что-то... дрейфование, как на льдине. В представлении северян это было как будто мы зимуем.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Тогда я в «ПРО АРТЕ» еще поступил, и тогда же начал участвовать в «Севере-7». Они все со мной в СХШ [Средней художественной школе] учились. <...> Мы встретились заново, когда я начал преподавать в Академии, и что-то у нас какое-

Одна из выставок была перформанс – странное рутинное какое-то действие или занятие, которое каждый придумал к выставке и воспроизводил. Главное было ни с кем не разговаривать. Такая автономность каждого и какой-то процесс.

С чем было связано появление «Севера-7»? С недовольством институциями или желанием делать что-то свое?

С желанием делать что-то свое, самоорганизоваться. Саша Цикаришвили, Аня Андржиевская, Илья Гришаев и я тогда учился в «ПРО АРТЕ». Собственно, в Петербурге не так много мест, где можно выставиться, – и сами создали выставочную площадку на Никольском.

Ключ к карте: перформативное рисование

Я еще был в творческой мастерской [Российской Академии художеств], и у нас тогда часто были практики натурного рисования. На самом деле перформативные

рисования из них и родились. Практики совместных рисований любительских, когда собираются те, кто учится в Академии, и делают что хотят. Позже я начал со студентами проводить это, потом подключились «Север-7». Они стали приходить и позировать, потом уже пошло-поехало в разных местах. Это был 2015, 2016 год. <...> Мы собирались там, мазались краской, рисовали. Но сейчас уже приходится закрываться, чтобы все косо не смотрели.

Я думаю о том, что, когда есть напряжение какое-то, когда ты учился шесть лет и владеешь этим рисованием академическим, хочется осознать это все, как-то выйти. <...> Переформатировать или как-то деконструировать этот язык. Академический рисунок – об идеальном прекрасном, а если его применить к неидеальному прекрасному? <...> Академия до

НА КАРТЕ:

1. Улица Володи Ермака – на этой улице в коммунальных мастерских раньше располагалась мастерская Леонида.
2. Академия художеств (Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств) – главный, крупнейший и старейший художественный вуз Санкт-Петербурга. Основана в 1758 г. Расположена по адресу: Университетская наб., 17.
3. Творческие мастерские Российской академии художеств – студия, где студенты академии проходят стажировку. Основаны в 1947 г. Расположены по адресу: Университетская наб., 17.
4. Дом Матюшина (Музей петербургского авангарда) – музей, посвященный русскому авангарду, бывший дом Михаила Матюшина и Елены Гуро. Филиал ГМИ СПб. Открыт в 2006 г. Расположен по адресу: ул. Профессора Попова, 10.
5. Музей стрит-арта – музей уличного искусства, расположенный на территории действующего завода. Основан в 2014 г. Расположен по адресу: ш. Революции, 84.
6. Галерея «Люда» – галерея современного искусства, созданная художником Петром Белым. Закрылась в 2017 г. Располагалась по адресу: Моховая ул., 42.

в Санкт-Петербурге, расположенная на Заячьем острове. Основана в 1703 г.

16. Лаборатория «Интимное место» – галерея, открытая в жилой квартире художницы, кураторки, феминистки Марины Маравей и лабратора Гвидона. Основана в декабре 2014 г. Расположена по адресу: Шпалерная ул., 3.

17. 5 канал – телевизионный канал, где выступал отец Леонида, работавший в «Государственном академическом русском оркестре им. В. В. Андреева». Расположен по адресу: Итальянская ул., 27.

18. Музей политической истории России в Санкт-Петербурге – первый историко-политический музей в России. Основан в 1919 г. Расположен в здании особняка Кшесинской по адресу: ул. Куйбышева, 2–4.

19. Издательство «Детская литература» (первоначально «Детгиз» – Детское государственное издательство) – советское и российское издательство. Основано в 1933 г. Расположено по адресу: наб. реки Фонтанки, 78.

20. «Новый музей» Аслана Чехова – частный музей современного искусства в Санкт-Петербурге. Основан в 2010 г. Расположен по адресу: 6-я линия В. О., 29.

21. Мастерская и выставочный зал объединения «Север-7», которые в 2013 г. располагались в Никольском переулке.

сих пор очень герметичная система: большинство преподавателей очень мало знает о современном искусстве, на просмотрах если встречаются работы, идущие вразрез [с их представлениями], то часто можно услышать реплики «это вам на «Пушкинскую, 10» надо, это не наше».

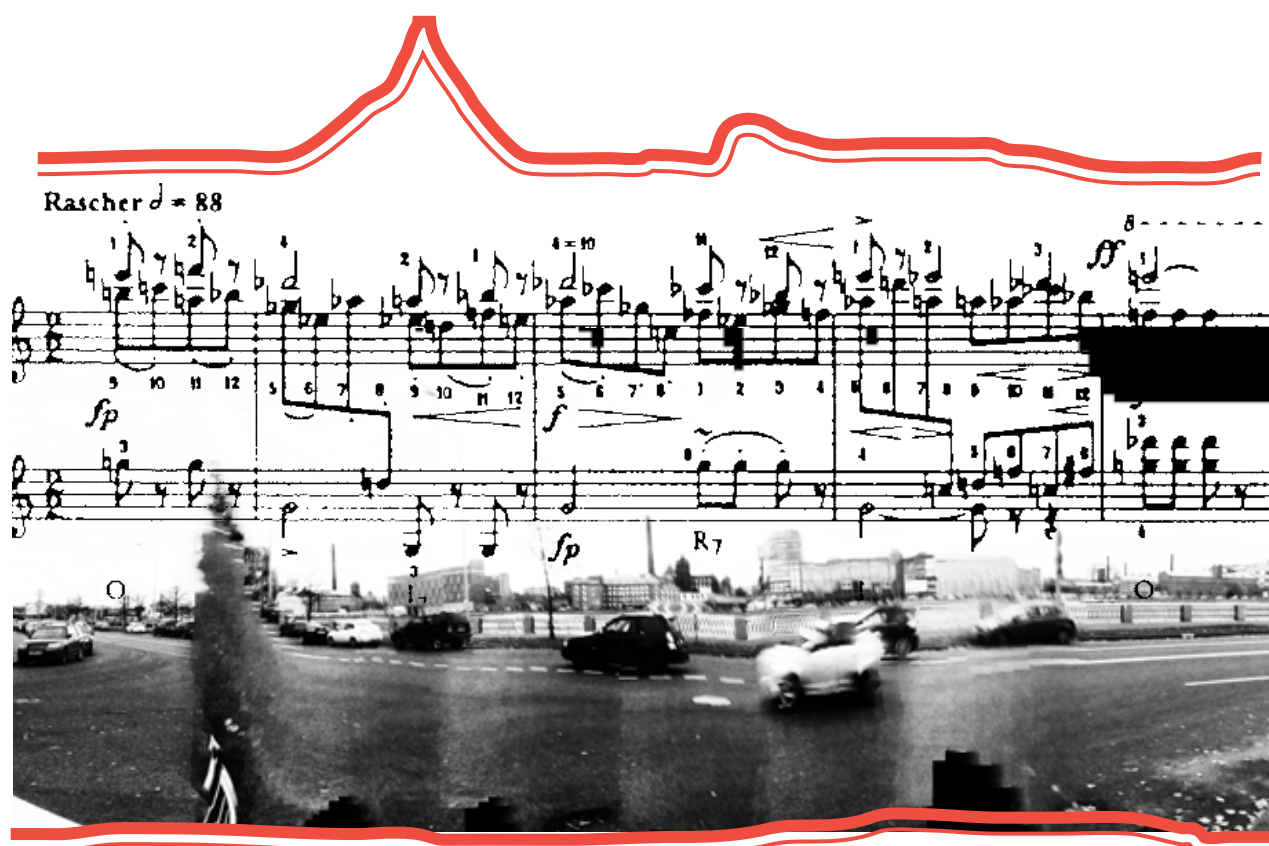
7. «Тайга» – творческий кластер на Дворцовой наб., 20. Закрылся в 2017 г.
8. Центр современного искусства им. Сергея Курёхина – концертная площадка, место проведения крупнейших музыкальных фестивалей, культурное и выставочное пространство. Основан в 2004 г. в здании бывшего кинотеатра «Прибой» по адресу: пр. Средний В. О., 93. На данный момент здание демонтировано.
9. Санкт-Петербургский государственный академический художественный лицей им. Б.В. Иогансона при Российской академии художеств (бывшая Ленинградская средняя художественная школа) – учреждение среднего общего образования с углубленным изучением предметов в области изобразительных искусств. Основан в 1934 г. Расположен по адресу: Детская ул., 17, к. 1.
10. Мини-отель «Гавань» – небольшая гостиница, располагавшаяся на Васильевском острове по адресу: 27-я линия, 8.
11. Мастерская объединения «Север-7», располагающаяся в промзоне на наб. реки Смоленки.
12. Группа «Север-7» – объединение молодых художников Санкт-Петербурга, возникшее в 2013 г. Александр Цикаришвили, Нестор Энгельке, Петр Дьяков, Леонид Цхэ, Анна Андриевская, Олег Хмелев, Нестор Харченко и друзья.
13. Дом Перцова – доходный дом, памятник архитектуры, историческое здание в стиле модерн, построенное в 1910–1912 гг. Расположен по адресу: Лиговский пр., 44.
14. Мансарда на Большой Зелениной улице – место, где в данный момент собираются студенты Академии художеств и участники объединения «Север-7».
15. Петропавловская крепость – крепость

22. Неизвестное место, которое Леонид рисует во время интервью.

ДМИТРИЙ ШУБИН

(род. 1963) – художник, фотограф, музыкант. Основные сферы музыкальных интересов: импровизационная музыка, звуковые инсталляции, электроакустика, фортепиано и электроника, дирижируемая и структурная импровизация. Основатель и дирижер Санкт-Петербургского оркестра импровизации и Импровизационного хора, куратор Школы импровизационной музыки при Галерее Экспериментального Звука («ГЭЗ-21»).

пространство звука

Значимые места, свои места

Важным ли был для вас опыт обучения в музыкальной школе? Важным, конечно. Есть несколько человек, которых я считаю своими учителями по жизни. Один из них – это преподаватель собственно из музыкалки, который специальность у меня вел [фортепиано]. Школа была напротив «Крестов». За время обучения я мог там организовать побег, потому что выучил все расписание смен и караулов. Когда какой грузовик выезжает, маршруты конвоев и так далее. Приходишь в музыкалку, приезжаешь – руки холодные, надо их греть. Говоришь «Здравствуйте!» – и, значит, к окошку. Потому что холодными ты сейчас наиграешь, тебя взащей и выгонят. Руки на батарею, греешь и на «Кресты» смотришь – романтика.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

В Доме композиторов было знаменательное для меня событие. Меня учитель в принудительном порядке отправил на концерт. Исполняли Шенберга или Кейджа, что-то подобное. Я с собой взял приятеля, одноклассника. Мы были такие, в общем, гопники. Я был, в отличие от приятеля, гопник, который худо-бедно в музыкалку ходил, а он и вовсе не ходил. И вот понятно, что он услышал Шенберга и у него случились изменения в сознании. И мы полконцерта тихо хихикали, а потом очень громко. И нас оттуда выгнали. Так я познакомился с современными композиторами. Это был 1978 год. <...> Я там играл этим летом, но это был второй раз после этого случая. Я удостоверился, что там ничего не изменилось. За нами ходил дяденька, говорил, что «не дай

Получается, 20 лет существует ГЭЗ. И за это время он менялся?

Там просто была другая ситуация сначала. Ведь клубов практически было очень мало. И здесь играло еще много такого, чего играло в разных других заведениях. То есть могло играть. Люди могли выступать в «Фишке», а через неделю здесь. Нормальная история. Потом количество заведений стало размножаться и стало происходить какое-то разделение, что, в общем, к лучшему, потому что всякая такая альтернативная, но не экспериментальная музыка, она куда-то самоликвидировалась. В более рыбные места. А здесь осталась экспериментальная сцена. И долгое время это было вообще единственное место, где мы все играли.

5

Моя первая выставка была в «Борее», и сразу после моей открывалась первая выставка Першиной [Натальи]. Там покойный Драгомощенко проводил такие мероприятия, назывались «Коллегия воды и песка». А оттуда мы ходили в мою мастерскую, которая находилась рядом, в Ковенском переулке, а потом на канале Грибоедова.

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

Нас интересует вот это пространство, потому что это подземная река. И там перепад на самом деле. Вот вы сейчас шли, значит. Вы прошли арку, вошли вот в этот флигель, вышли из него. И на самом деле вы спустились. Но когда вы идете по Невскому, это незаметно. Если стоять у стамески со звездой, вы увидите, что Невский имеет наклон. Там все сглажено. И вот здесь – это редкое место, где виден переход к берегу реки. Здесь можно открыть дверь и его увидеть [показывает].

Бог вы что-нибудь в рояль воткнете, я вас выгоню, я концерт остановлю». Так мы и отыграли. И в коридоре там всякие прекрасные издания выставлены, и в 1978 году они тоже были выставлены. Времени нет, а есть чистое пространство циклическое. Можно расценивать [наш концерт] как вторжение в чужое пространство. Там вот эти ноты лежат, «Снегурочка», человек рояль охраняет. Все такое дубовое, портреты висят прекрасные. Соцреализм во всей красе.

Когда «Галерея 21» закрылась и открылся ГЭЗ, в музыкальном плане что-то изменилось? Ну, «Галерея 21» же не была заточена под музыкальные дела. То есть там по ходу дела происходили какие-то концерты, но, в общем, это не было ее задачей. Она там всякими медиаделами занималась. А здесь уже было только звуковое пространство. Соответственно, сказалось только хорошо. Практически в первые годы было очень сложно зайти в буфет ГЭЗовский и не встретить там кого-то из музыкантов. Сейчас это все не так. Аудитория буфета – она сама по себе, а аудитория концертов – сама по себе. Это такие малопересекающиеся сосуды.

А сейчас где еще играют?

Нет других специализированных заведений для такой музыки, а мест, где периодически это играют, стало много. «Нико», Vinilla Sky и так далее.

Ключ к карте: пространство звука

Вы пришли к музыканту и спрашиваете про пространство. Это странная идея. Это не та категория. Я ею занимаюсь, но с точки зрения звука, а не с точки зрения хождения ногами, социального и так далее.

[О Музее сновидений Фрейда] Был там несколько раз, в этом музее. Мы там играли концерт. Один раз я учеников своих туда отправлял играть. Там хорошее как раз пространство. Мы там делали такую вещь с оркестром, которая называется «Ариадна». Она вообще про пространство в чистом виде. Когда зашла речь о том, чтобы играть там, я пришел туда, посмотрел общую комнату: чай пить – нормально, а играть как бы не очень. Тем более оркестром играть. Они же находятся в этом странном Институте психоанализа. И там длинные

коридоры. Не знаю, сколько метров. [Рисует] То есть, допустим, коридор, поворот, потом еще поворот, потом лестница, потом еще коридор. Смысл был вот какой. Вот у меня один музыкант сидит у музея, а другой музыкант сидит здесь, третий – здесь... Музыканты должны были слышать только двух своих соседей справа и слева. Все, что играет дальше, они слышать не могли и не должны были. Всю композицию можно было услышать, только проходя по этому маршруту, по пространству. Она меняется в зависимости от скорости перемещения зрителя в пространстве.

Давайте вам еще пространство нарисую, но не питерское. В покемоны знаете игру? Покемон – это же необязательная штука. Почему на месте покемона не быть звуку. Тогда у нас есть земной шарик. И понятно, значит, здесь Австралия

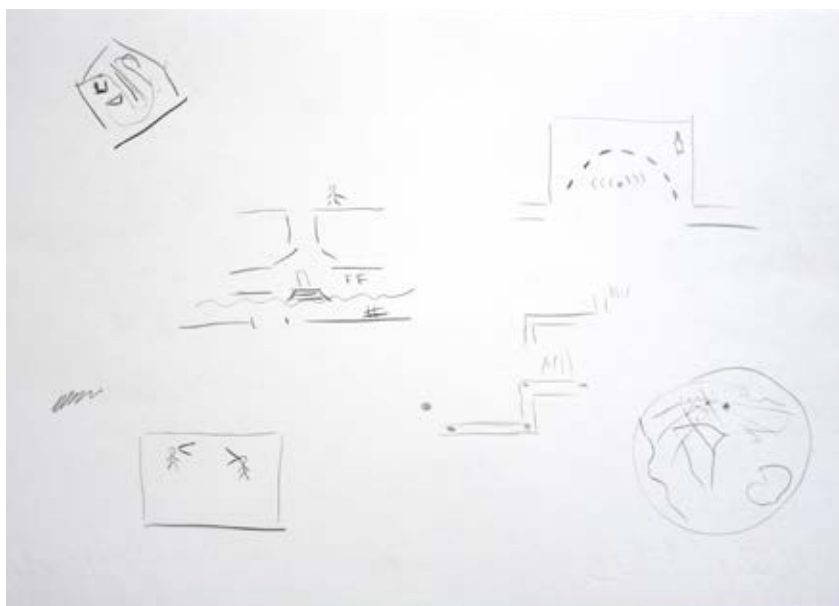
живет. Тут – Африка. Тут город СПб. Ну и там что-то такое [рисует Европу и Америку]. <...> И по нему летают самолеты. На флайт-радаре можно всю эту красоту увидеть. Есть геотеги́нг. Откуда появляется покемон? Потому что проставлена метка в пространстве. Ставим 10 000 меток. Там, где эта метка, где gps-смартфон ее видит, начинает играть звук. По определенным правилам. Так, что получится, если мы летим на самолете по маршруту Москва – Нью-Йорк. Это будет означать, что у вас музыка, которая исполняется на протяжении полета и будет зависеть от скорости самолета, от эшелона. А у другого маршрута, Лондон – Йоханнесбург, – у него будут другие звуки. И, соответственно, будет складываться другая музыка. <...> Если ехать на машине вниз, то музыка будет гораздо медленнее... [говорит, что это его проект].

НА КАРТЕ:

1. Зал в Перми, где будет осуществлен музыкальный проект под названием «Улисс».
2. «Пушкинская, 10» – культурный центр, основанный в 1989 г. независимыми художниками в засквотированном доме.
3. «Музей звука», «ГЭЗ-21», «Галерея Экспериментального Звука» (с 1994 по 2000 г. – «Галерея 21»). Концертная площадка, выставочное пространство, культурный центр и центр исследования музыки. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10», основанного художниками-нонконформистами в сквотированном здании в 1989 г.
4. Мраморный дворец – дворец в историческом центре Санкт-Петербурга. Филиал Русского музея. В 2017 г. в Мраморном дворце проходили концерты в рамках проекта «ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС: Современная импровизационная музыка в Русском музее».
5. Галерея «Борей» – некоммерческий выставочный и творческий центр. Основан в 1991 г. Расположен по адресу: Литейный пр., 58.
6. Музей Фрейда, Музей сновидений 3. Фрейда – музей, основанный в 1999 г. Виктором Мазиным в помещении Восточно-Европейского института психоанализа. Не связан ни с конкретным местом, где жил 3. Фрейд, ни с окружавшими его материальными

вещами, но с его идеями и сновидениями. Расположен по адресу: Большой пр. П. С., 18А.

7. Будущий проект Дмитрия по озвучиванию аэротреков при помощи геотэггинга.

АЛЕКСАНДРА АБАКШИНА

(род. 1983) – театральный режиссер, закончила магистерскую программу «Проектирование спектакля» РГИСИ. Соосновательница проектного театра Maailmanlorri (совместно с Алиной Шклярской). В спектаклях/перформансах использует современные гендерные, квир- и постфеминистские теории в качестве материала/методологии. Участница Семинара новой философской грамматики, член группы *ни и ч е г о д е л а т ь*. Переехала в Петербург из Москвы в 2014 г.

чужой+чужой

Современная ситуация

Потом, если про места... Вот сейчас я ГЭЗ нарисую. Это первое место в Питере, которые согласились показывать у себя наш спектакль «Невесомость», [в других местах] всегда отказывали. Тогда еще очень сильно было... не знаю, как сейчас. Но сейчас тоже отказывают, если честно. Но тогда еще был Милонов в городе. И все думали, что он придет плясать на входе. Но не только из-за этого. Просто многие считают, что это больные люди [трансгендерные люди], и проблемы с монетизацией, видимо, их тоже беспокоят. ГЭЗ нам сказали да.

Значимые места, свои места

Я хожу в клуб «Малевич». Мне очень нравятся там спектакли. Я их просто обожаю. Ребята, девчонки,

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

Я посетила в Выборге библиотеку Алвара Аалто. Вот впечатлила меня эта библиотека. Заботой такой... что вот этот Алвар Аалто... мы сидим уже девятый час, только дневной свет работает. Никакого электричества, светло. Круглые огромные дырки в потолке, еще отверстия, и библиотека наполняется дневным светом, пока солнце не зайдет. Мягкая она такая. <...> Родство у меня с этим архитектором, потому что он тоже работал с матрицами. У нас же пьеса-матрица и проекты-решетки. Он тоже работал с решетками. Но у него вертикальные линии жесткие, а горизонтальные – очень мягкие.

На РБОБ была возможна коммуникация чужой+чужой?

Там только такая и возможна. <...> Нет идеологической сферы. Свой – это когда ты свой. Это когда ты белый, или либеральный, или ты что-то там поддерживаешь. Сама их заявка выглядела как какое-то лукошко. <...> Как маленькие грани. И ты если гранью совпадаешь, ты точно понимаешь, что это за грань. Там пункты, например, «расширение». Я понимаю, что «Обрезание бескрайней плоти» [название спектакля театра Maailmaorpu] и я сама, вот эта грань, я с ней совпадаю.

Ключ к карте: чужой+чужой

Есть какое-то комьюнити, частью которого ты являешься?

Можно сказать, что я являюсь частью группы и ничего делать,

6

травести-артисты, дрег-квин делают спектакли. Я в театр не хожу, но там – спектакли, и они выглядят так, как я люблю. Это тянется еще, видимо, от кабаре – традиция острого. Как только какая-то новость, они тут же ее берут в этот спектакль. Вот там политика какая-то происходит. Без купюр и смешно. Там никто не заморачивается на предмет репрезентации. Голоса записанные, и важно попадать в фонограмму. От этого странное ощущение каких-то вот... знаешь, типа мясные куклы. Очень трогательные, разные. <...> Скабрезные шутки, маты. Так и должно быть. И это весело. <...> Это спектакли реальные, но никто не будет писать об этом. Ни один театральный журнал.

У меня какие-то маргинальные все пространства. Мы с Йожи [Столет] предпочитаем учредить бары. Это просто магазин, выступ бетонный. Мы туда пришли и сказали: «Это наш бар». Он называется «Сколопендра». Там мы планируем и обсуждаем культурные происшествия. Мы с Йожи и девчонками из н и и ч е г о д е л а т ь.

Есть ещё парк Сен-Галли. Мы туда ходим с Йожи [Столет], с подругами [н и и ч е г о д е л а т ь]. Мы туда приходим и начинаем обсуждать: проекты, стратегии. Очень приятное место, хотя иногда можно почувствовать, что оно опасное. Там собираются все такие: бездомные, ЛГБТ, собаки, пенсионеры. Детей там нет и семейств. Все уязвимые, в общем, там собираются. Подростки делают маленькие дискотеки с bluetooth-колоночками. Там приятно сидеть на траве и разговаривать про радикальные планы.

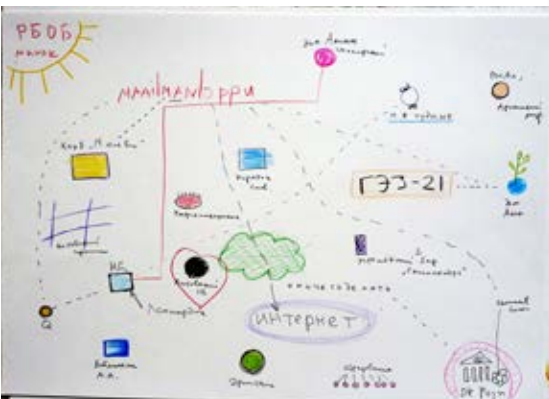
Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Сейчас пора отметить точку на карте не Санкт-Петербурга. Минск хочется отметить, РБОБ, Работай Больше Отдыхай Больше. <...> Нет ощущения законченной формы, но есть ощущение плотного смыслового поля. Фестиваль «Точка доступа» – я вижу обратную фигуру. Есть какая-то форма, и я абсолютно не чувствую смысловое поле. Никак. РБОБ меня освободило от желания эту форму искать. Наши проекты – это не придуманная форма, а необходимость.

но комьюнити – довольно проблемное слово. То есть все равно это более сложное... скорее, самоорганизация. Так-то мне сложно... комьюнити – оно обязывает. Обязывает не примыкать к другому комьюнити. И вот есть еще такое место... не знаю, как этот район назвать. Часть Лиговского проспекта. И вот в этой почему-то части мы все время встречаемся. Узбеки, таджики. Мы вот с Йожи [Столет] все время ходим. День видимости узбеков и лесбиянок. Мы сталкиваемся. Они начинают что-то говорить нам: «Возьмите меня с собой. Я всегда мечтал». А ты: «Нет-нет». Если ты одно комьюнити, то ты тогда: «Узбеки – нет». Но мы в одной ситуации. И мы невидимые, и они невидимые. И одновременно максимально видимые. Настолько, что можно схлопотать в таблет. И тут мы вместе оказываемся, никто в таблет не схлопывает. Но все равно... тремся. <...> И вот я понимаю, что, скорее, мне ближе не комьюнити, а вот такое... что-то калейдоскопичное.

НА КАРТЕ:

1. Новая (малая) сцена Александринского театра – театральная и культурная площадка, начавшая работу осенью 2013 г. Расположена по адресу: наб. реки Фонтанки, 49.
2. Дом Алины Шклярской, драматурга, соосновательницы театра Maailmanlorpu.
3. «ГЭЗ-21», «Галерея Экспериментального Звука» (с 1994 по 2000 г. – «Галерея 21»). Концертная площадка, выставочное пространство, культурный центр и центр исследования музыки. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10», основанного художниками-нонконформистами в сквотированном здании в 1989 г.
4. Дом Аллы Митрофановой, исследовательницы, художницы, философа, киберфеминистки.
5. Сад Сан-Галли – небольшой сад на Лиговском проспекте, основанный Ф. К. Сан-Галли в 1853 г. на территории принадлежавшего ему чугунолитейного завода.
6. и ничего делать – общественное движение, образовавшееся в 2017 г. на базе Школы вовлеченного искусства группы «Что делать». Движение формируется вокруг и по поводу вопросов труда, отдыха, безделья, прокрастинации и т. д.

«7 предикатов Саломеи / OYAGG» театра Maailmanlorpu. Расположена по адресу: Казанская ул., 7.

16. Образовательные учреждения – академии, вузы, колледжи, институты, которые отказываются проблематизировать и радикализировать преподавание театральных дисциплин.

17. «И я туда же» – магазин молодежной одежды, основан молодым драматургом, участником проекта Новой сцены Александринского театра. Расположен в лофт-проекте «Этажи» (Лиговский пр., 74).

18. «Философское кафе» – регулярный философский семинар, основанный Аллой Митрофановой в 2002 г. и базирующийся в «ГЭЗ-21» на Пушкинской ул., 10.

19. Семинар новой философской грамматики и методологии – философский семинар, основанный Йожи Столет в 2017 г. в культурном центре «ДК Розы» (Большая Разночинная ул., 24).

20. Лиговский, 116 – дом Йожи Столет, художницы, киберфеминистки, место производства культурных смыслов и форм.

7. «Сколопендра» – бар, учрежденный Александрой Абакшиной и Йожи Столет на бетонном крыльце одного из продуктовых магазинов на Лиговском проспекте.

8. РБЮБ! (Работай больше! Отдыхай больше!) – творческая платформа, созданная группой художников (Алексей Борисенко, группировка eeefff (Дина Жук, Николай Спесивцев), Оля Сосновская) в 2016 г. в Беларуси для исследования и воспроизведения форм коллективности в творчестве.

9. Клуб «Малевич» – ориентированный на ЛГБТ-публику ночной клуб, культурная площадка и бар. Основан в 2010 г.

10. Государственный Эрмитаж – музей изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Расположен по адресу: Дворцовая пл., 2.

11. Библиотека Алвара Аалто – центральная городская библиотека г. Выборга. Построена в 1933–1935 гг. по проекту финского архитектора-модерниста Алвара Аалто. Расположена по адресу: г. Выборг, Суворовский пр., 4.

12. «Порядок слов» – независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу: наб. реки Фонтанки, 15.

13. «Мастерская купольных инсталляций» – мастерская медиахудожника Майка. Место показа спектакля «Обрезание бескрайней плоти» театра Maailmanlorpu.

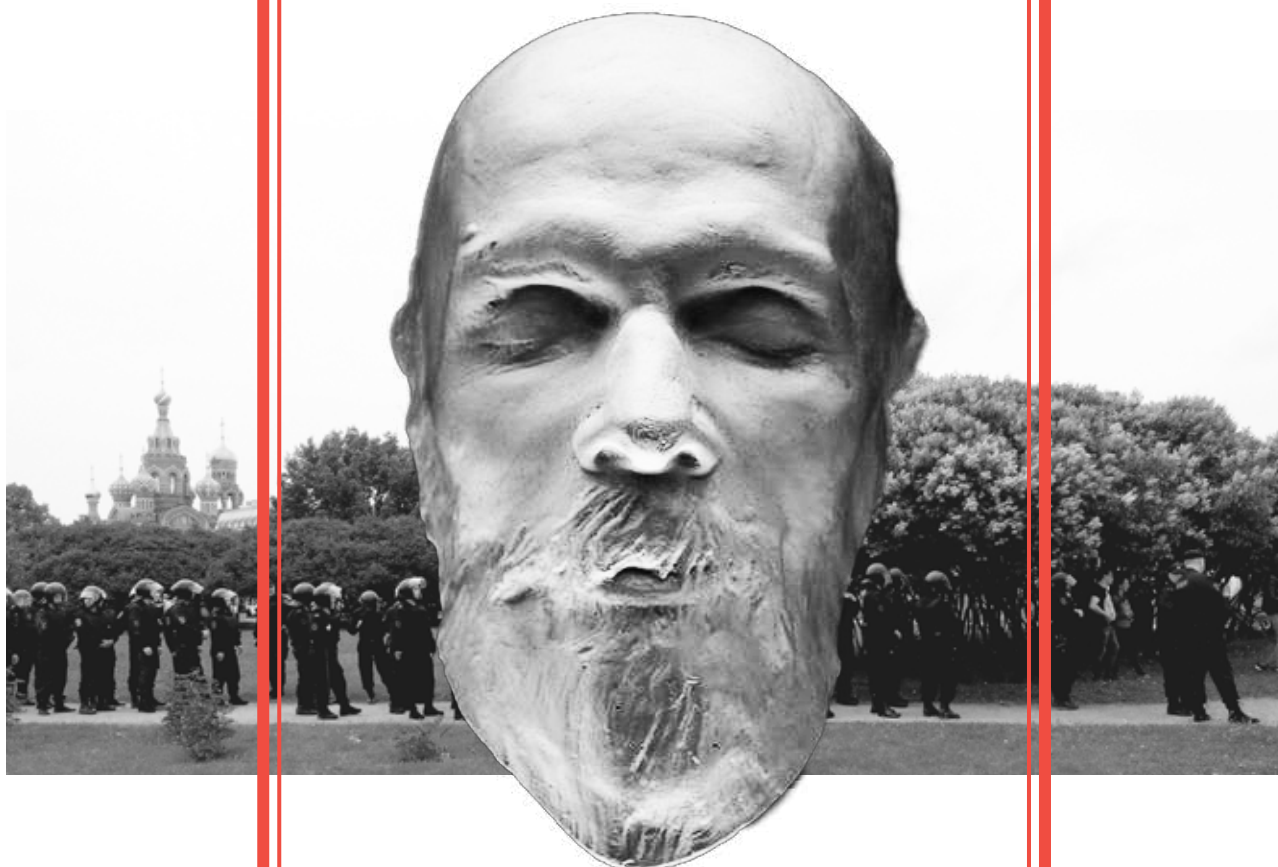
14. «РосАл», «Ароматный мир» – сетевые магазины, специализирующиеся на продаже алкогольных напитков. Места производства идей.

15. HairFucker – парикмахерская, фотостудия и творческая площадка. Место показа спектакля-softy/software

МАКСИМ ЕВСТРОПОВ

(род. 1979) – философ, поэт, музыкант, участник коллективов «Секта Феникса», «Сибирская импровизационная компания» («SIC!»), «Студия неосознанной музыки», «Жертвоприношения» и других; художник и куратор, сооснователь арт-группы {родина} и проекта «партия мертвых». Переехал в Петербург из Томска (Кемерово) в 2012 (2013) г.

партия мертвых

Современная ситуация

«Партия мертвых» – это, с одной стороны, один из дочерних проектов группы {родина}, с другой стороны – вполне самостоятельный. Все это появилось в самом начале 2017 года. <...> 1 мая 2017-го состоялась первая публичная акция: мы вышли на демонстрацию, на Невский проспект. У нас был лозунг тогда «Мертвых больше». И мы шли с черепами в руках. Это, естественно, такая пародия на «Бессмертный полк». С одной стороны, «партия мертвых» связана с петербургским пространством – некро-пространством, некрофильским... в Петербурге все пропитано смертью. Здесь слишком много напластований культурной памяти, с одной стороны, с другой – беспамятства и уничтожения, которое оставляет, тем не менее, какие-то следы. <...> Все населено какими-то

известно еще в Сибири, потому что я интересовался и занимался разного рода экспериментальной музыкой, и мне казалось, что это очень интересно – то, что там происходит. <...> Собственно, с чего начался мой переезд в Петербург – он начался с тура «СНМ» и «SIC!». «Студия неосознанной музыки» и «Сибирская импровизационная компания». Но первый концерт, в котором я участвовал, был даже не в «ГЭЗ-21», а в другой точке, которая для меня очень важна, о которой я на тот момент вообще ничего не знал, – место называлось «Саммер-бар» [рисует]. С ним у меня впоследствии тоже было много связано. Это был такой очень андеграундный и в то же время очень демократичный, очень открытый бар, и первый концерт у меня был там.

перформансы или... условно говоря, политический акционизм.

Сейчас на Петроградке располагается важное для меня место – ДК Розы, важное, как мне кажется, и на культурном ландшафте Петербурга. До этого оно располагалось на Лиговском, 50... Там у нас была, в этом ДК Розы, выставка «ПедАртУдар». А до этого ДК вообще был в «АртМузе». <...> Эти места – ДК Розы и, я сразу вспомнил, «Ребра Евы» еще – они такие плавающие, я бы не привязывал их к фиксированной точке на карте, и мне нравится, что они кочующие.

Есть еще одно место на Лиговском, правда, сейчас мы там уже ничего не делаем... под названием «Открытые мастерские». Это место при библиотеке Лиговской, что-то вроде библиотечного лофта, и там можно что-то делать –

7

призраками прошлого, которое никак не проходит. Ну и к тому же вот это традиционное самоопределение Петербурга как города-музея... некоторая законсервированность... и декаданс, который тут во всем царит. Город уже потерял свое непосредственное культурное и политическое значение... Тут все как бы немножко с краю где-то: на краю России, на краю мира в каком-то смысле, на обочине истории. Город, который уже прошел, но все-таки еще стоит на месте. С другой стороны, «партия мертвых» для меня связана с Томском, в котором зародилось движение «Бессмертный полк»...

Значимые места, свои места

...я переехал в Петербург лет шесть назад, несколько лет я приезжал в Петербург из Сибири, и первые мои точки входа в культурное пространство были связаны с музыкой. И самая важная такая точка была «ГЭЗ-21». Это будет центр, с которого все начнется. В то время это было очень важное для меня место... именно «ГЭЗ-21», не столько «Пушкинская, 10»... Это место, которое мне было

В «Саммер-баре» потом были первые перформансы группы {родина}. Самый первый был 1 сентября 2013 года, и неожиданно для нас мы стали заниматься политическим перформансом... 1 сентября была вечеринка, которую делал Леня Цой по поводу нового учебного года, и мы там с Дарьей [Апахончич] проводили урок русского языка и патриотического воспитания. Диктант был на тему «родина». И нам всем спонтанно пришло осознание, что этим вот мы будем заниматься дальше. И мы взяли себе такое название.

Есть еще одно довольно забавное место на карте – это Невский проспект, БИКЦИМ. Место, в котором тоже много всего происходило. Но оно остается каким-то... слишком официальным, немного чужим для нас местом, но там были и концерты экспериментальной музыки, и группа {родина} даже умудрилась там провести мастер-класс на тему «Как любить родину». В общем, это место, где так же, как и в «ГЭЗ», и в «Саммер-баре», сошлись разные линии моей деятельности: экспериментальная музыка и какие-то политические

выставки... мы там делали второй «ПедАртУдар», и это была победа для нас. Потому что нам хотелось что-то такое провести в довольно официальном пространстве, все-таки это муниципальная библиотека, и там как-то все прошло очень гладко.

А были проблемы раньше?

Да, конечно, были, мы же везде какие-то маргиналы... и вообще удивляемся, если нас не закрывают, не запрещают какую-то нашу выставку. С этим мы постоянно просто сталкиваемся, не только в Петербурге, но и в других местах. Но вскоре это наше удачное паразитирование на муниципальных ресурсах закончилось. Потому что мы там хотели сделать выставку «Беспокойники», посвященную живому мертвому и мертвому живому, но буквально за несколько дней до начала выставки директору библиотеки попала на глаза афиша. А там были похороны Брежнева, фотография. И это ее сильно испугало, она подумала, что нельзя этого допустить, это пропаганда суицида, «Синие киты»... И с тех пор мы не сотрудничаем больше ни с какими муниципальными институтами.

Собственно, места «партии мертвых» в Петербурге – Невский проспект, где проходит ежегодно шествие «партии мертвых»... в колонне профсоюзов. Это смешно, но колонна профсоюзов... независимых – единственный участок первомайской колонны, в которой можно практически всем идти. Вот в последний раз «партия мертвых» шла за небольшой кучкой психоактивистов, а сзади нас догоняла «Монстрация». В принципе, тут несколько родинских перформансов тоже было. Мы катали по Невскому проспекту детскую коляску с капустными головами... капустные кочаны, которые походили на отрубленные головы. Второе место – это Марсово поле.

И мало-помалу мы какие-то другие места осваиваем. В частности, одна из последних акций «партии мертвых» была в Новой Голландии,

Какое-то время назад довольно насыщенная жизнь была в квартирной галерее... Это тоже такая кочующая галерея, раньше это все называлось «бобо», потом это стало называться «в_моей_яме». Были выставки, в которых я тоже участвовал не раз, и они проходили как-то намного более живо, чем на вернисаже в каких-то более официальных пространствах.

Еще существовало, я вспомнил, такое довольно эфемерное образование в районе Введенской больницы. После того как разогнали «Четверть», народ из «Четверти» организовал там какое-то пространство временное в гаражах, галерея «бобби» там была. Тогда как раз была «Манифеста», и они вписались как-то в параллельную программу «Манифесты». Все это называлось «Лагерь беженцев». А {родина}, в свою очередь, вписалась в «Лагерь беженцев». <...> В Питере

посвященном «Преступлению и наказанию», и я там выступал в роли Раскольникова. <...> Я фигурировал в ее проекте как некий персонаж, который считает себя продолжателем дела Раскольникова, и у нас был такой перформанс: я довольно продолжительное время ходил по улице с топором. И никто практически мне ничего не сказал.

Для меня в Петербурге то, что мне ближе всего – это не Невский проспект, не центр, в котором я жил и живу, а мне милее всего в Петербурге промзоны старые, <...> очень мне нравится так называемый индустриальный модерн, краснокирпичные постройки. И для меня очень многое было связано с одним из корпусов завода «Новый Лесснер», или завода имени Карла Маркса. Он был на Выборгской стороне, и его разрушили уже, потому что там был сильный пожар и большая

кстати. Там был праздник, день Достоевского, и мы пришли туда с плакатами, на которых было слово «бобок». Это рассказ, в котором он описывает жизнь после смерти. Там один был мертвец, который изредка приходил в сознание и говорил только одно слово – «бобок» – и снова угасал. И никто, в общем-то, не понимал, что он хотел сказать... То есть это такое слово – на грани языка. И нам показалось, что с таким плакатом можно пикетировать все что угодно. Выходишь, к примеру, к заксобранию с плакатом «бобок» – и прекрасно... Тогда еще был Чемпионат мира – то есть можно было везде вставить с плакатом «бобок». Потому что везде вот... творится какой-то... «бобок».

Есть еще периферийные места, которые тоже важны. Где-то там, например, внизу – Автово [рисует], где у нас был «Увы-парад». Мы туда специально поехали, хотя никто там не жил. Удачно там все совпало: депрессивные сайты, стены бетонные, кладбище, завод, железная дорога, алкаши в парке – все сошлось.

очень много таких эфемерных образований – которые хорошо начинаются, но приходят к концу из-за недостатка ресурсов, сил, денег... из невозможности договориться с жадными властями.

В Петербурге для меня значимы естественные зоны... То, как город выходит к заливу... Любим туда выбираться. Для меня значимо, что город расположен рядом с морем, хотя довольно сложно к нему подобраться... Я часто представляю этот город затопленным... плавают разные рыбы... и прочие морские существа... между домами [рисует]. Это море... когда-нибудь оно возьмет свое... щупальца... это присоски... что-то такое, мне кажется, случится рано или поздно.

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

Сенная площадь и места «Преступления и наказания» так называемые тоже сыграли свою роль в моем вхождении в культурное пространство Петербурга, потому что я участвовал в проекте французской художницы Агаты Симон,

часть территории выгорела. В одном из его корпусов располагалась кузница. Там работали наши друзья, и мы там делали тоже концерты, и перформансы {родины} там были. Его больше уже не существует, к сожалению. Это тоже было место, где мы устраивали события культурные, праздники... там все было бесплатно, туда можно было приносить еду, выпивку... и все это превращалось в такой... праздник спонтанный.

Был еще один перформанс – по поводу голодовки Надежды Толоконниковой и Марии Алехиной, которые тогда были в заключении... На этом перформансе возникла такая важная тема для группы {родина}, как землеедение. Леня тогда ел землю. Ну и потом на многих перформансах

мы ели землю, кормили людей землей. На Марсовом поле у нас был перформанс, дважды он проходил, – посвящение в группу {родина}. С тех пор как {родина} стала популярной, многие люди спрашивали: «А как попасть?» Леня Цой опять-таки придумал такой ритуал: что надо постоять в очереди, съесть ложку земли и лечь на Марсово поле полежать. Марсово поле еще важно в этом плане, потому что это кладбище такое в самом центре города и место, посвященное войне.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Первый и последний раз, когда мы хотели сделать согласованную с властями акцию, – мы хотели сделать в конце 2015 года выставку-митинг под названием [НЕ МИР]. Трижды мы подавали разные заявки в разные инстанции: городскую администрацию, районные администрации, три раза нам отказывали по разным причинам. <...> А [НЕ МИР] – это наша затея совместная с Катрин Ненашевой и еще несколькими людьми. Коллективная выставка передвижная, посвященная войне, художественной рефлексии по поводу войны, которая ведется, в которую ввязана, которую развязывает Россия. И это даже не одна война, это несколько войн. <...> Тогда был разгар украинской войны, и мы собрали работы разных художников – российских, украинских, из нескольких других стран, разные работы на тему немира. Первый [НЕ МИР] был в формате выставки. Мы начали его возле Артиллерийского музея, напротив танков. Держали такие холстины на палках, где были работы, распечатки (в основном распечатки, конечно) работ.

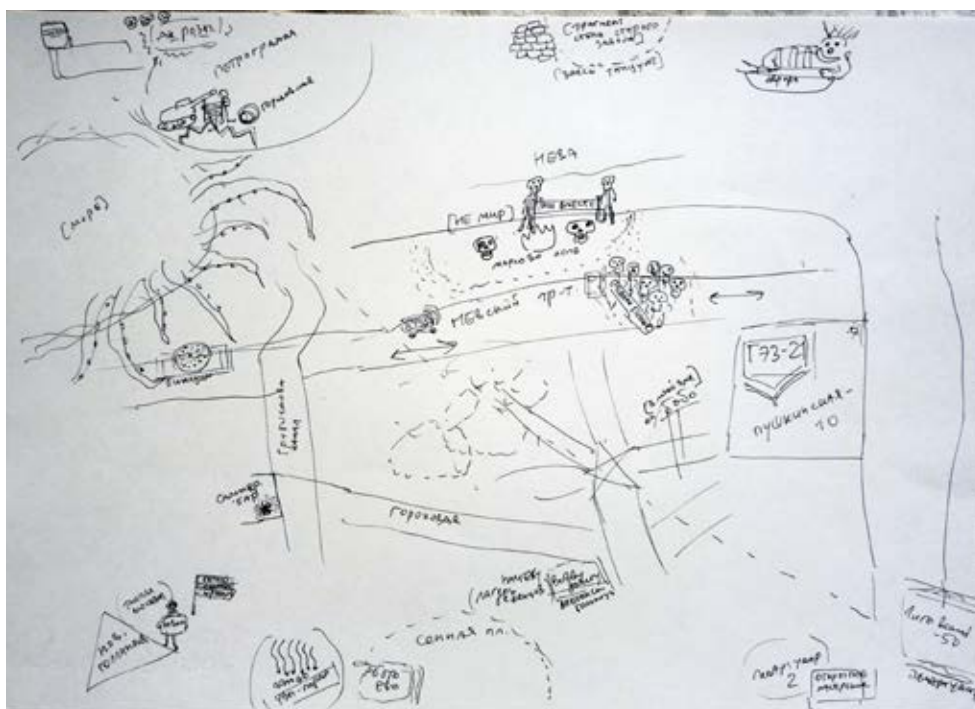
Сообщество [Петербурга]... представляет собой довольно странное образование, оно не является чем-то целостным, а представляет собой какие-то такие [рисует] круги. Это упрощенная схема, но все это выглядит примерно таким образом. Круги довольно разрозненные, и они как-то друг друга игнорируют или избегают, притом что в этих кругах могут находиться те же самые люди. Это такой феномен петербургской среды. Это происходит и в художественном сообществе, подобно же происходит в сообществе музыкальном, в сообществе каких-то культурных инициатив... И что-то

подобное происходит в активистских кругах, политических.

Ключ к карте: «партия мертвых»

...место, с которого тоже во многом началось вхождение в Петербург – это Марсово поле. Очень важное место... Важнее, чем Невский проспект, конечно... [рисует]. В первый приезд мы там, конечно, только отдыхали, пили вино, и у нас там были какие-то импровизации на свежем воздухе, но я потом уже приехал после тура летом, и на Марсовом поле была, наверное, первая политическая акция, в которой я участвовал в Петербурге. Это был митинг в поддержку Pussy Riot. Мы туда пришли вместе с Дашей [Апахончич], кажется, без плаката, просто... А первый выход с плакатом на Невском проспекте был, кажется, в поддержку политзеков. У меня был плакат «Государство требует жертв». И я уже не помню, в какой момент это было, в разгар процессов над болотниками – 2012 или 2013 год...

Чем дальше, тем больше в это втягиваешься. Это же постепенный такой процесс: сначала ты просто наблюдаешь, сочувствуешь тому, что происходит, пишешь что-нибудь, потом в какой-то момент ты выходишь на улицу – просто так там постоять, а в какой-то момент уже делаешь плакат и выходишь с плакатом. А потом уже... раскрашиваешься, как мертвец, и что-нибудь такое делаешь.

НА КАРТЕ:

1. ДК Розы – культурная площадка и публичное пространство, место творчества и просвещения. На территории ДК располагаются художественные, театральные, швейные мастерские, Школа вовлеченного искусства, библиотека и пр. Основан в 2013 г. художниками группы «Что делать». Расположен по адресу: Большая Разночинная ул., 24.

2. Артиллерийский музей – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Основан в 1703 г. Расположен по адресу: Александровский парк, 7.

3. Библиотечно-информационный и культурный центр искусства и музыки библиотеки им. В. Маяковского (БИКЦИМ) – музыкальный фонд и фонд литературы по искусству на русском и иностранных языках, медиатека, фонд периодики, информационный голландский центр «Друзья Санкт-Петербурга», выставочная, концертная и лекционная площадка. Расположен по адресу: Невский пр., 20.

4. «Саммер-бар» – домашний арт-бар. Закрылся в 2014 г. Располагался по адресу: наб. канала Грибоедова, 49.

5. Новая Голландия – место проведения акции группы {родина} «бобок».

6. Автово – муниципальный округ в Кировском районе, место проведения одной из самых медийно успешных акций группы {родина} «Увы-парад».

7. Кузница «Мастерская Горынина» – место проведения акции группы {родина} / концерта «Студии неосознанной музыки» «Здесь танцуют».

8. Марсово поле – площадь в центре Санкт-Петербурга, существует с XVIII в. Мемориальный комплекс, место захоронения погибших в дни Февральской революции, деятелей Октябрьской революции и павших в годы Гражданской войны. До 2017 г. – единственный гайд-парк в центре Петербурга.

9. Пять углов – неофициальное название перекрестка в Санкт-Петербурге, образованного пересечением Загородного проспекта с улицами Разъезжей, Рубинштейна и Ломоносова.

10. «бобо» – галерея, открытая в жилой квартире курожниц/ков из одноименной арт-группы.

11. Bobby Gallery – независимое выставочное пространство, pop-up галерея, активная весной и летом 2014 г. Располагалась по адресу: Большой Казачий пер., 11.

12. «Ребра Евы» – социально-художественный проект, посвященный борьбе с гендерной дискриминацией. Расположен по адресу: Фонарный пер., 3. До этого находился по адресу: Биржевой пер., 4.

13. Крейсер «Аврора» – крейсер 1-го ранга Балтийского флота типа «Диана», один из главных символов Октябрьской революции, объект культурного наследия Российской Федерации. Место проведения акции арт-группы «Клоунское государство».

14. «ГЭЗ-21», «Галерея Экспериментального Звука» (с 1994 по 2000 г. – «Галерея 21»). Концертная площадка, выставочное пространство, культурный центр и центр исследования музыки. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10», основанного художниками-нонконформистами в сквотированном здании в 1989 г.

15. «Открытые мастерские» – некоммерческая образовательная и производственная площадка при библиотеке «Лиговская». Расположена по адресу: Лиговский пр., 99.

16. Лиговский, 50 – бывшие склады Северного страхового общества, основанного купцом Василием Кокоревым. Сейчас здесь располагаются культурные и развлекательные места, музыкальные клубы.

ВЛАД ГАГИН

(род. 1993) – поэт, сооснователь журнала о современной культуре, искусстве и неформальных практиках существования «Stenogramme». Закончил магистратуру филфака СПбГУ, специальность «русская литература». Лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2016). Переехал в Петербург из Уфы в 2011 г.

ТИХИЕ ЛЕВЫЕ

Современная ситуация

Я очень люблю петербургское искусство и, в частности, поэзию андеграундную, но мне кажется, что почему-то иногда эти места перестают быть актуальными для меня лично, становятся элементами ностальгии по какому-то времени. <...> Наверное, невозможно, чтобы одно место всегда было актуальным. <...> В «Борее» что-то хотели такое сделать в какой-то момент. <...> Ну то есть они хотели что-то современное делать больше. Вопрос – насколько вообще можно поддерживать связь, когда есть искусство предыдущих поколений, потом появляются новые люди, которые приезжают в город или, может быть, даже здесь вырастают, но все равно зачастую вне этого контекста находятся и создают свои места. Мне кажется, важно все-таки поддерживать какую-

несколько мест, где все собираются. А есть очень много мест, где люди рассредоточены, курсируют внутри них и так далее.

Значимые места, свои места

Я хотел сказать про «Открытое пространство», потому что оно действительно открытое. В том смысле, что там совершенно разные мероприятия проводятся. В том числе мы не раз там проводили открытые планерки журнала. И наши друзья, журнал «Поиск», тоже периодически собираются в «Открытом пространстве». Ну и там всякие активистские штуки происходят. В целом, когда я там оказываюсь, я себя ощущаю в среде, где люди примерно... ну не то чтобы так же мыслят, но какие-то основные базовые штуки важные для меня разделяют. Поэтому довольно спокойно там находиться.

реализме, который всё схлопывает. <...>

У меня был любимый бар, он назывался «Малыш». Там довольно много происходило, и в какой-то момент он закрылся. Понятно, почему. Это было довольно маленькое помещение. Когда ты туда приходишь, не факт, что попадешь. Я читал какую-то книжку в подростковом возрасте очень смешную. <...> Там был бар, где барменом была обезьяна, и этот бар появлялся только в нужный момент (когда герой, например, спасался от кого-то).

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

Можно путешествовать в пределах одного пространства. Только тогда это будут темпоральные путешествия. И в этом смысле очень

8

то связь. Стараться, чтобы эти места продолжали существовать, но и создавать свои. <...> Вообще мне очень нравится история кафе вроде «Сайгона» и культура петербургская того времени, потому что, как кажется, тогда все было сконцентрировано в малом количестве мест. Было очевидно, что есть какая-то официальная культура, а есть неофициальная, хотя исследователи в последнее время говорят, что не такая уж это бинарная оппозиция, но все равно были точки, где целенаправленно собирались те, кто интересуется чем-то, что запрещено, и было четко понятно, кто представляет репрессивную силу, а сейчас это более распыленный спектакль. И власть, с одной стороны, давит, но менее, что ли, монолитными актами. Закроет одну институцию или посадит тех-то людей. С другой стороны, есть какое-то капиталистическое производство, которое тоже что-то странное производит и давит на независимые инициативы и места. Это другой тип давления, и поэтому мне кажется, что сегодня какая-то множественность, нет какого-то одного сообщества, нескольких сообществ даже или

Важное место – ДК Розы, где проходил семинар, который делали Йожи с Сашей. Семинар новой философской грамматики. У меня было очень странное и недоверчивое отношение к спекулятивному реализму, к объективно-ориентированным онтологиям, но потом я съездил в философскую школу под Москвой, которая при Вышке была. Йожи с Сашей тоже были на этой школе, и это, возможно, повлияло на семинар. Мне действительно радостно было посещать его. И он тоже картографировал мое время, потому что я знал, что, например, в это воскресенье я поеду обсуждать новый материализм. Для меня самой важной точкой стал семинар, посвященный Марку Фишеру, который был 31 декабря. А Марк Фишер покончил с собой в январе, чуть меньше года прошло. Это был очень странный семинар, потому что, с одной стороны, было ощущение праздника. Ты приходишь 31 декабря с утра, у тебя закончились все дела, у тебя свободное время очень. Но, с другой стороны, это грустный праздник. Вы говорите о политизации депрессии, о капиталистическом

важно картографирование или пересобирание города для самого себя.

Есть условный «Порядок слов», а есть эта квартира, например [где проходит интервью]. Эту квартиру уже несколько лет снимают мои друзья. Здесь постоянно проходили поэтические вечера. Сейчас мы здесь ведем семинар по субботам с утра, про современную поэзию. <...> Если мы говорим о личной карте, то это место, безусловно, меня формировало. Здесь была еще забавная история. До того, как построилась церковь Ксении Петербургской здесь. Там вот есть дом, я забыл архитектора, к сожалению. Там чумной доктор и демон – типа барельеф. В какой-то момент какие-то люди вроде казаков сбили барельеф демона. В тот момент как раз все друзья разъезжались отсюда. Мы переставали здесь тусить на какое-то время. И то, что они сбили этого демона, было символом того, что закончилось это время и началось что-то другое.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Все говорят, что поэтическое сообщество герметичное очень, замкнутое само на себе, и всех все знают. Я в какой-то момент понял, что вообще нет никакого поэтического сообщества. Есть очень много сообществ людей, которые занимаются поэзией. Просто есть люди, которые почему-то замкнулись на единичном. А я все время открываю для себя поэтов, которых никто не знает, но у них какое-то свое сообщество. <...> То же самое у нас было с кругом «Стенограммы». Мы все время вместе посещали какие-то мероприятия, и люди из того самого герметичного поэтического сообщества стали на нас смотреть: типа кто вы вообще такие? Потому что мы вас все время видим и не знаем, кто вы. Пожалуйста, расскажите, мы очень хотим узнать.

А как тогда формировался, как ты его назвал, круг «Стенограммы»?

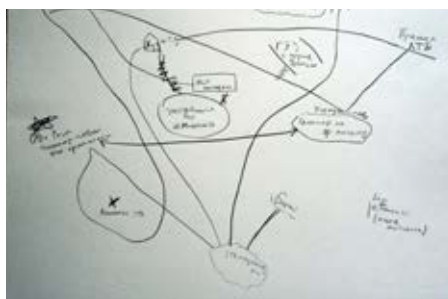
Я и два моих друга, Кирилл и Руслан, писали стихи и еще какие-то тексты. Они тоже из Уфы, но мы познакомились в Питере. И... мы просто писали всякие тексты, типа эссе или статьи и в какой-то момент поняли, что хочется куда-то их положить или опубликовать где-то. Было не очень понятно, где это делать, и мы решили сделать коллективный блог, чтобы эти тексты зафиксировать хотя бы в виртуальном пространстве. Когда мы пришли к тому, что хотим больше это как журнал делать, постепенно стали присоединяться разные люди. Например, Гоша, который работает в Эрмитаже и пишет про искусство. Или наш друг Ваня, который из Минска, занимается историей. Или Коля, журналист из Москвы. Меня радовало, что это было свое сообщество. Мне было тяжело встраиваться в уже существующую среду, потому что я довольно интровертный. <...> Плюс это не было замкнуто на поэзии, а связано с более широким теоретическим контекстом. Вначале, когда мы решили делать журнал, Руслан писал редакторские

правила, и там было что-то типа «не говорим о политике». Забавно, как все мы политизировались со временем.

Ключ к карте: тихие левые

Если говорить о личном, я помню, был митинг против коррупции и всего такого. И было прикольно, потому что это все проводилось на Марсовом поле, и все пошли к Дворцовой и потом на Невский. Как-то не особо задерживали до определенного момента. А потом начали задерживать там, где площадь Восстания и переход к Старо-Невскому. Много людей стояло на одном пятачке. Периодически приезжали омоновцы, отрезали часть людей и забирали. Мой друг пошел в туалет в «Кофе Хауз». Пока он был в туалете, очередная партия омоновцев вышла и мы кое-как успели убежать. Но они замкнули эту часть, к зданию прислонились. <...> В этом «Кофе

Хауз» было два выхода. Там много людей было, которые были на акции [их выпустили через другой выход]. Потом мы пошли в какой-то бар, усталые, вымотанные. Он назывался «Печка». Мне запомнилось, что там был кикер и тихая обстановка. Интересный контраст с митингом. У меня это ассоциировалось с тем типом левого, который мне интересен. <...> Для меня важно, чтобы это был не слишком «хэппи лефт». Левая политика через опыт нигилизма, может быть. Преодоление правого или сильная рефлексия над правым. Понимание того, что в нас очень много этого. <...> Тихая игра в кикер после митинга стала хорошим образом для того, чтобы пытаться описывать это.

НА КАРТЕ:

1. Мурино – поселок во Всеволожском районе Ленинградской области, где в данный момент проживает Влад (ст. м. «Девяткино»).
2. Семинар новой философской грамматики и методологии – философский семинар, основанный Йожи Столет в 2017 г. в культурном центре «ДК Розы» (Большая Разночинная ул., 24).
3. Ленина, 38 – по этому адресу находится квартира, где постоянно проходят поэтические вечера и семинар, посвященный современной поэзии.
4. Худ. и т. д., Hood Street Food – веганская бургерная. Расположена по адресу: Конюшенная пл., 2В.
5. Out cinema – частный кинотеатр, расположенный во дворе кластера по адресу: Ковенский пер., 14.
6. «Малыш», БУФЕТ МАЛЫШ – бар, всегда появлявшийся в нужный момент. Бар находился в кластере по адресу: Ковенский пер., 14.
7. Stenograme (или «Стенограмма») – интернет-журнал, проект о современной культуре, искусстве и неформальных практиках существования.
8. «Открытое пространство» – общественный коворкинг, место проведения встреч, дискуссий, лекций, собраний. Основано гражданскими активистами в 2012 г. Расположено по адресу: ул. Достоевского, 34.

9. «ГЭЗ-21», «Галерея Экспериментального Звука» (с 1994 по 2000 г. – «Галерея 21»). Концертная площадка, выставочное пространство, культурный центр и центр исследования музыки. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10», основанного художниками-нонконформистами в сквотированном здании в 1989 г.

10. «Порядок слов» – независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу: наб. реки Фонтанки, 15.

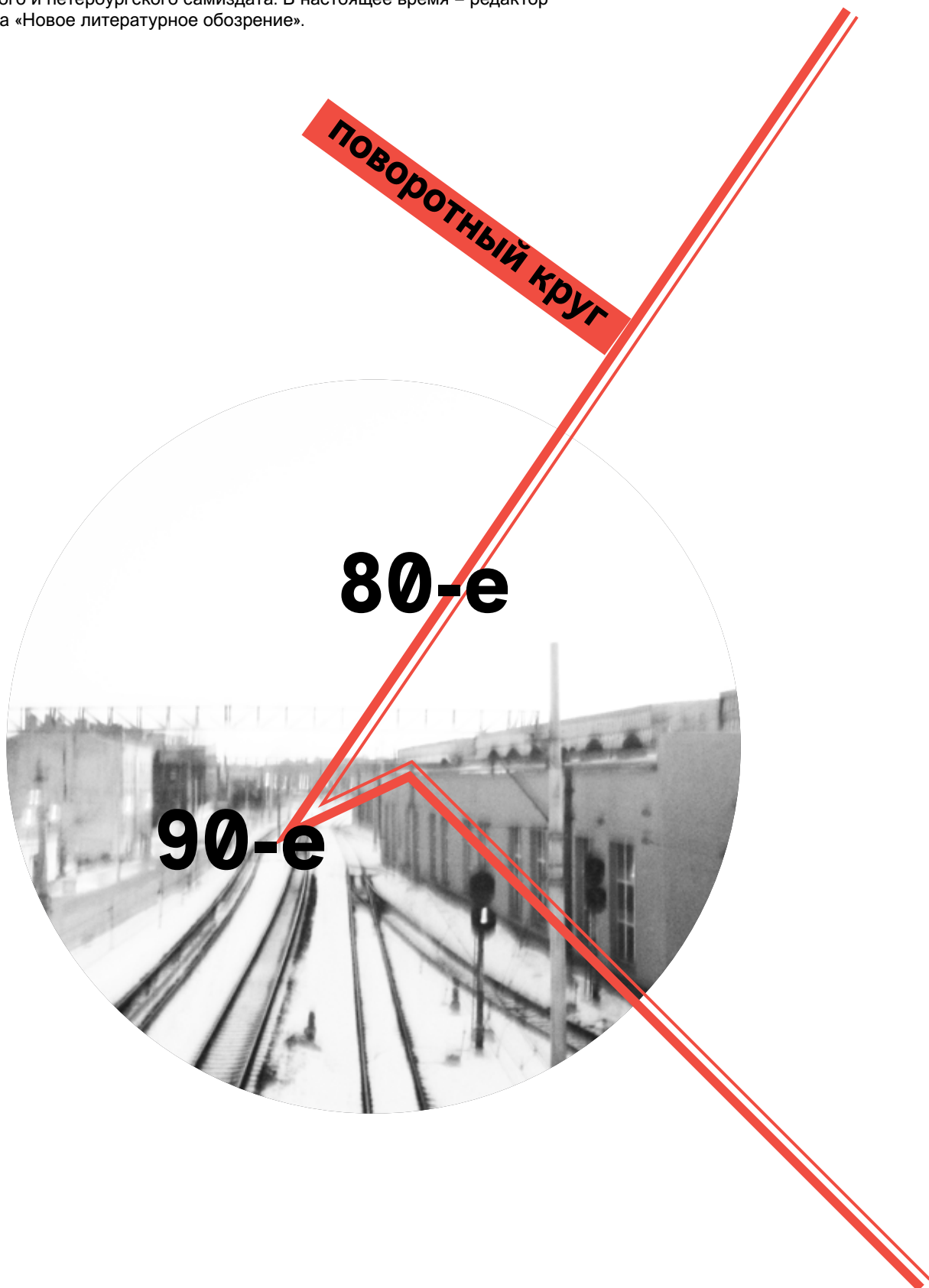
11. «Ф-письмо» – независимый исследовательский и практический семинар, посвященный изучению гендерной литературной и эстетической теории и феминистской философии, а также обсуждению актуальных текстуальных практик, затрагивающих гендерную и феминистскую проблематику. Существует с начала 2017 г.

12. Премия АТД (Премия Аркадия Драгомощенко) – ежегодная поэтическая премия для молодых авторов, пишущих на русском языке. Учреждена на базе книжного магазина и культурной площадки «Порядок слов».

13. Бар «Печка» – бар, расположенный по адресу: ул. Жуковского, 57.

АЛЕКСАНДР СКИДАН

(род. 1965) – поэт и прозаик, эссеист, критик, переводчик. Слушатель Свободного университета (1989–1992). Работал оператором газовой котельной (1985–2002). Переводил современную американскую поэзию (Чарльз Олсон, Эйлин Майлс, Майкл Палмер и др.), теоретические работы Славоя Жижека, Жана-Люка Нанси, Антонио Негри, роман Пола Боулза «Под покровом небес». Лауреат премии Андрея Белого (2006), стипендиат Фонда Иосифа Бродского (2018). В разные годы был участником и соорганизатором ряда независимых петербургских культурных инициатив: семинар «Коллегия песка и воды» (галерея «Борей»), Гуманитарное Ателье «Амплитуда» («Пушкинская, 10», Галерея 103), платформа «Что делать?», Уличный университет, альманах [Транслит], премия Аркадия Драгомощенко и др. Тексты Александра Скидана с конца 1980-х гг. регулярно появлялись на страницах ленинградского и петербургского самиздата. В настоящее время – редактор отдела «Практика» журнала «Новое литературное обозрение».

Современная ситуация

Сейчас сообщество формируется не через личное общение. По почте, по мессенджеру. Не знаю, может быть, у молодых людей есть жадность к новому, к общению, может быть, вы встречаетесь часто. Но вот у людей моего поколения – у меня такое чувство – почти совсем нет потребности видаться.

Книжные магазины появляются в последние годы, может быть, чтобы компенсировать отсутствие какого-то сообщества. Книжные магазины должны аккумулировать какую-то среду, но они не способны создать среду. Если проводится какая-то последовательная культурная политика: семинары, обсуждения, и все это на протяжении нескольких лет, – тогда да, они могут стать точкой кристаллизации сообщества. Но без

программу, но она просуществовала в таком поступательном активном режиме полноценного взаимобмена, взаимной подпитки философов, художников и активистов не слишком долго, лет десять, сейчас это скорее такая рабочая арт-рутина: выставки, биеннале, семинары. А вот Школа вовлеченного искусства – очень живая. Может быть, от студентов Школы стоит ждать попытки создания какой-то новой формы сообщества, это возможно, потому что я вижу, что потребность в этом у них есть. Но этому противятся все условия современной жизни. Все против этого. Новая темпоральность. Новая система труда. Новая система образования, которая заставляет нас быть селф-менеджерами. У нас отношение к другому совсем иное сегодня, более прагматичное. Сообщество подразумевает жертвенность и альтруизм. И,

15–20-минутные, крайне интересные. Вокруг «Спартак» тоже шла какая-то жизнь, как вокруг «Сайгона». Там тоже можно было встретить кого-то, скооперироваться после показа, куда-то пойти. В «Спартак» я ходил еще в школьные годы, знал, что там можно посмотреть что-то редкое. И опять же, это 15 минут ходьбы до Дома писателей. И полчаса до «Сайгона»! И что у нас осталось?.. Остался один «Борей»!

После того, как все позакрывалось, куда переместилось общение?

Галереи, вернисажи. Это более буржуазно-светские формы. Они уже в «Борее» начали культивироваться. Это все как-то стало формализоваться. Более по-деловому, что ли, общение происходило. Возникла какая-то прагматика отношений,

9

этого они просто паразитируют на уже имеющихся фрагментах каких-то сообществ и фактически не создают коммунитарной прибавочной стоимости.

Сообщество – это группа людей, которые в течение продолжительного времени живут общими эстетическими задачами или даже культурными и политическими целями. И разделяют базовые ценности. Возможно, даже именно ценности – общие задачи они могут и не ставить. Похоже, мы вошли в эпоху, когда уже не будет сообществ в том смысле, в каком они существовали еще в 1990–2000-е. Я подозреваю, что новые способы коммуникации просто вытесняют старые аффективные связи... хотя... Сейчас это все перемещается в сферу идентитарной политики, сексуальной, гендерной идентичности. Скорее вокруг этого теперь возможно возникновение каких-то сообществ, нежели чем вокруг культурных и эстетических задач.

Группа «Что делать» возникла из кризиса предыдущего типа сообществ. Мы попытались выстроить эстетико-политическую

самое главное, полностью исчез основной капитал советского человека – свободное время. Его не стало, у нас нет ни минуты свободного времени, у каждого по 10 проектов, по 10 дедлайнов. А раз нет свободного времени, то и нет разгрузочного механизма, нет избытка эмоциональных и интеллектуальных ресурсов, когда ты открыт к дружости, инаковости, когда ты просто расположен или испытываешь незаинтересованное любопытство к другому в силу своей праздности. Есть, конечно, люди, которые сопротивляются этому, но я говорю о структурообразующих, системных вещах.

Значимые места, свои места

Вот здесь еще Кирочная улица проходит [рисует]. На ней находился кинотеатр «Спартак». Он просуществовал года... до конца 1990-х в бывшей лютеранской кирхе. Там шли только старые фильмы. Четыре-пять сеансов в день, один зал только был. Показы предварялись лекциями Олега Ковалова, позднее известного кинокритика и режиссера. У него были короткие такие вступления,

которой раньше не было. И стало, конечно, многое меняться. На волне энтузиазма и независимого интереса года до 1994–1995-го все держалось – это была мощнейшая инерция 1980-х. Настолько был мощный культурный взрыв в восьмидесятые, что девяностым хватило это все протаскать. Девяностые ничего нового не изобрели по сравнению с восьмидесятыми – это было скорее освоение и популяризация, «тормозной путь», но уже в рамках новых институций. И, мне кажется, во второй половине девяностых начинается стагнация.

Очень симптоматично, что последний всплеск – это «Новые тупые», которые при «Борее» отчасти и родились. И это была реакция на затекстованность, избыточную дискурсивность тогдашней культурной ситуации. И они реагировали на это доминирование вербальной составляющей очень комично и нигилистично. Они отыгрывали теоретизацию искусства и пытались противопоставить этому телесную и языковую трансгрессию. И очень характерно, что это 1998 год, это «Борей», и это

реакция на кризис. После «Новых тупых» в «Борее» уже ничего радикально нового не возникает. Это уже такое институциональное, регламентированное существование. А потом – 2003–2004 год – это время, когда многие начали уезжать, видимо, почувствовав, что в России начинается пиздец, и все как-то резко омертвело. В том числе «Борей» стал скучнее... Фестиваль кончился.

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

Какая-то карта, которая имеет смысл в культурном отношении, это карта 1980–1990-х, рубежа, когда действительно были какие-то кофейни, в которых можно было встречаться. А потом эти пространства исчезли и появились совсем другие вещи, с культурой не связанные. Такой долго держащийся

ничего нельзя было достать, там всегда можно было рассчитывать на бутерброд с засохшей колбасой и рюмку водки, иногда даже вино. Собственно, маршрут так и строился: через Центральный лекторий, через «Десерт», через «Сайгон». Сейчас это «Рэдиссон-отель». Если вы зайдете с угла, там в баре еще до сих пор висит несколько фотографий Владимира Пешкова – на них персонажи «Сайгона» и как кафе выглядело когда-то. Там были подоконники внутри и снаружи, можно было на выйти на Владимирский с чашкой кофе, посидеть, покурить. Периодически подъезжала ментовская машина и самых длинноволосых и накуранных забирала. Упаковывала пачками. Но это случалось не так часто, раз в месяц-два. Там было четыре, кажется, аппарата и стояло соответственно четыре очереди, иногда, в послерабочий час-пик, – с хвостом на

особенно после закрытия «Сайгона»: вся публика перемещается в «Борей». Для меня эта карта связана с этим небольшим пятчком, на самом деле, я думаю, не для меня одного – для всех, кто был связан с неофициальной культурой 1980–1990-х. Что еще интересно: недалеко от «Сайгона» на Стремянной сохранилось кафе, тогда оно называлось «Эльф», и еще был «Белфаст» на Марата. Такой треугольник из кафе, там тоже были неплохие кофейные аппараты. Последняя точка, куда можно было вот так прийти и затусить на весь день, – кафе «Десерт» на Белинского. Там узнавали, где какие фильмы посмотреть, где какие выставки, концерты, новые книги и публикации и так далее. Кофейный аппарат служил своего рода магнитом. Потому что хороший кофе обычному человеку было непросто достать, и мы нуждались в компании.

маршрут, года три, когда я жил на Коломенской [рисует]. Это будет какая-то фантастическая карта тогда. Короче говоря, работал я в котельной, отапливал «Сайгон» и ресторан «Москва», это был угол Невского и Владимирского. А занятия Свободного университета проходили на Литейном проспекте, в доме Центрального лектория, ровно напротив улицы Белинского. Здесь на Белинского было замечательное недобитокафе, называлось «Десерт», в народе, кажется, «Сквозняк». Там уже в 1991 году не было чашек, все они пропали, и, по-моему, до 1993-го оно просуществовало, мы пили уже из пластиковых стаканчиков. А дальше, в конце Литейного, – Большой дом. А вот здесь Дом писателя [рисует]. Он тоже сгорел, как и «Спартак», он дважды горел. Первый раз в 1992-м, второй – и окончательный – в 1993-м [рисует]. Это был особняк Шереметевых, там проходили переводческие семинары Виктора Топорова, которые я посещал. А в 1989 году я участвовал в конференции молодых писателей Северо-Запада. Чудесный был особняк, очень уютный. Там имелся мини-бар. В голодные времена, когда

улицу. Лучшую кофеварщицу звали Муха, она варила лучший маленький двойной, самый крепкий. Что значило по-настоящему зайти в «Сайгон»? Это значило – на полдня. То есть ты выпил, скажем, один маленький двойной, потом второй, потом ты с кем-то затусовал, потом вы скинулись на бутылочку винца, пошли еще куда-то, потом вернулись, а может, и не вернулись... Вот это и значило «пойти в «Сайгон»».

А здесь еще был [показывает, где] кинотеатр «Титан», где Гаркуша работал киномехаником. Сейчас там ресторан «Палкин». Тут же, напротив «Сайгона» на Владимирском – мастерская, по-моему, она до сих пор там, знаменитого художника Боба Кошелохова. И у него тоже тусня. И это все буквально через дорогу. То есть если ты был знаком с каким-то кругом, ты с этого пятка мог неделю не выбираться.

А вот здесь, на Литейном, тоже через дорогу, было три главных антикварных букинистических магазина. Позднее, в 1992 году, напротив них открылся «Борей». И тоже стал важнейшей точкой,

Чем был хорош «Борей» в свое время, вплоть до конца 1990-х: он нес функции одновременно галереи, интеллектуального клуба и такого места неформального, где, когда бы ты ни пришел, всегда знакомых встретишь. То есть это была функция «Сайгона», но совмещенная с выставочной политикой, литературными чтениями, семинарами, фестивалями.

На «Пушкинской, 10» много было знакомых, там, конечно, и галереи были важные: «Галерея 21» и 103-я галерея, с которой я потом сотрудничал, вел семинары, начиная с 1996 года, уже после ремонта, когда от изначального сквота отрезали две трети. Но вообще «Пушкинская, 10» у меня ассоциируется с Черным вигвамом. Вы знаете, что там во время блокады трупари были? Я в какой-то книге блокадных документов обнаружил, что по этому адресу... Там трупы складывали штабелями. Их разобрали в 1944-м, после снятия блокады. И вокруг скрывались банды, которые готовили человечину. Поэтому над «Пушкинской» тяготеет... жуть. Я всегда, когда заходил туда, чувствовал какую-то тяжесть.

Семинар в 103-й галерее назывался «Амплитуда». Мы с Димой Голынко организовывали там всякие сборища. Это была попытка продолжить Свободный университет, но уже в новых условиях. То есть мы чередовали поэтические чтения с разговорами о поэзии. Приглашали классиков: Шварц, Драгомощенко, Кривулина, Стратановского... Устраивали круглые столы. Семинар, посвященный 100-летию со дня рождения Вагинова... Не просто поэтические чтения, а пытались выстроить вокруг поэзии рефлексивное поле. Года три просуществовала эта инициатива, а потом мы устали. Но «Пушкинская, 10» в начале 2000-х тоже пережила кризис. Началось какое-то замерзание всего. Хотя там и остались живые какие-то вещи, «Галерея Экспериментального Звука», «Философское кафе», еще чего-то. Но в целом «Пушкинская, 10» как институция, как центр силы перестала существовать на моей психогеографической карте.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Прорыв произошел в 1988 или 1987 году, когда кто-то мне рассказал, что при Доме писателей есть Студия (или мастерская?) свободного стиха, которую вел тогда поэт Эрик Шмитке, он вскоре репатриировался в Германию. Там я познакомился, в частности, с Дмитрием Шубиным, который рассказал мне про сборник «Круг», вышедший еще в 1985 году, и ткнул в опубликованный там цикл Драгомощенко «Великое однообразие любви». Там была представлена почти вся ленинградская новая поэзия и проза, хотя и в цензурированном виде. Дом писателей тогда казался мне дворцом, там были шикарные залы, обшитые деревом, гербы, множество помещений. Были и маленькие залы, где проходили занятия и семинары, очень уютные. Я ходил туда на переводческий семинар к Виктору Топорову, где познакомился с несколькими молодыми поэтами, в частности с Димой Голынко. Топоров нас журил, говорил, что мы пишем заумно, хотим переплюнуть «Кантос» Паунда (сам он предпочитал Ширали и Гену Григорьева), но относился при этом, в общем-то, с уважением...

Свободный университет открылся в 1988 году. Там была кафедра поэзии, которую возглавил

сначала Дмитрий Волчек, кафедра живописи, которую возглавил покойный Новиков Тимур, кафедра музыки, которую возглавил покойный Курехин, кафедру индивидуальной видеорежиссуры возглавлял Юхананов, театра – покойный Эрик Горошевский. А организовали это все братья Горошевские, двоюродные. Горошевский был такой интересный авангардный полуофициальный режиссер. И его младшие родственники варились, видимо, в этом андеграунде и решили, что нужно создавать независимый университет, где сами участники художественного процесса – ведущие деятели контркультуры – будут передавать свой опыт непосредственно, в обход профессоров, молодым. Дольше всего просуществовали кафедра поэзии и кафедра критики, которую вела Ольга Хрусталева. Я ходил и туда, и туда. Для меня это был формообразующий опыт, особенно в том, что касается поэзии. Борис Останин был соредактором самиздатского журнала «Часы», отцом-основателем премии Андрея Белого и, конечно, всех-всех-всех знал. Приглашал к нам и Драгомощенко выступать, и Владислава Кушева, и Кривулина, знакомил с самиздатом, приносил журналы. Мы разбирали стихи Парщикова, Елены Шварц, Ольги Седаковой. Он приучал к новой оптике. Потому что новая литература требует и иного инструментария... понимающего. Из кафедры критики Хрусталевой отчасти первый состав журнала «Сеанс» родился. Сначала все это происходило в Центральном лектории. По-моему, Литейный, 41 или 40... Но в 1990 году они стали с нас требовать арендную плату. Сначала все было бесплатно, но вот потом... потом начали проявляться акулы оскалы нового экономического порядка. Мы перебрались в Дом писателей, он через полтора года сгорел, тогда мы перебрались на квартиру одного из наших семинаристов. Просуществовал семинар почти пять лет, если говорить о поэзии. Остальные свернулись гораздо раньше.

Именно в Свободном университете сложилось поэтическое сообщество?

Одно из них! Параллельно существовал Дом писателей, и я ходил еще и туда. Еще в Ленинградском университете были философско-поэтические семинары, куда я тоже

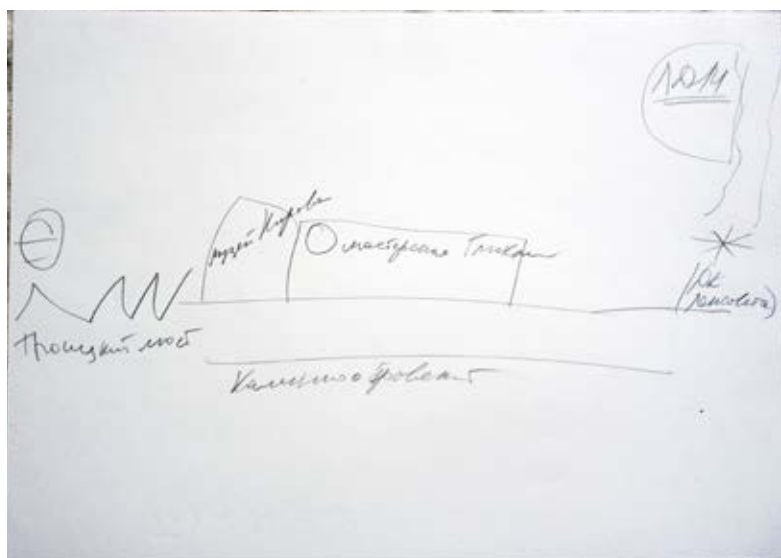
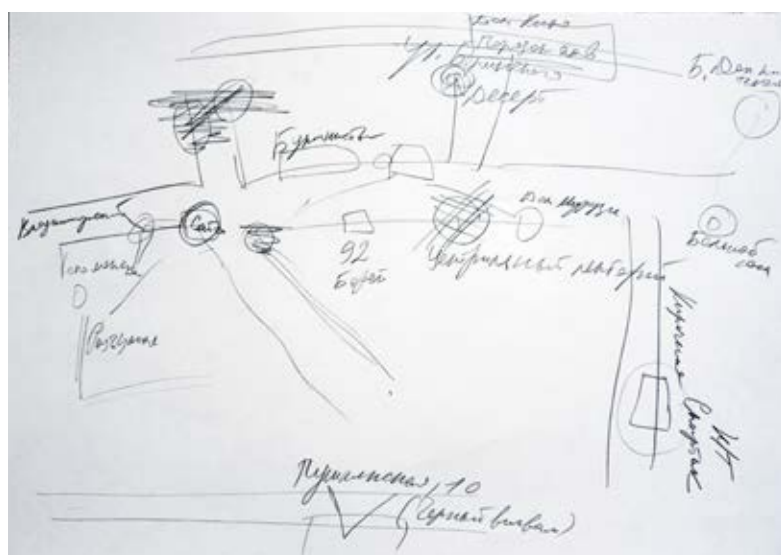
ходил. Вел их Драгомощенко, его пригласил, по-моему, Валерий Савчук или кто-то из тогдашней профессуры. Свободный университет был одной из точек стяжения. Для меня, может быть, и главной, но одновременно еще много чего происходило. И все-таки он был не типично поэтической, а скорее междисциплинарной институцией. Потому что мы там не столько стихи читали, сколько их анализировали. Это была такая настоящая школа. Мой Университет.

Тогда еще были в обиходе бесконечные домашние посиделки, с чтениями по кругу и тому подобным, очень многое значило личное общение, эротический клей. Социальных сетей не было, способов моментальной коммуникации не было, все как-то напрямую происходило. Очень важно было, в какие дома ты вхож.

Ключ к карте: поворотный круг

Интересно, что вот это место – кафе «Десерт» на Белинского... географически оказалось очень точным. Ведь сейчас вся улица Белинского – в каких-то барах несусветных... Публика туда стягивается. Думаю, что это не только потому, что по соседству расположены Театральная академия, музыкальное училище... Дебор назвал бы это поворотным кругом, одним из поворотных кругов Центрального района. Вот так же и вокруг «Сайгона» был свой поворотный круг... Знаете этот термин? Поворотный круг – это первоначально железнодорожный термин: чтобы паровозы, тепловозы можно было ставить на любые пути, на некотором расстоянии от вокзалов, в депо (от франц. *dépôt*) создаются такие платформы с рельсами, они вращаются, благодаря чему паровоз можно направить на любой путь. Они вращаются на 360 градусов. Дебор использует это понятие для психогеографической карты. Действительно, если погулять по Парижу с обычной картой, увидишь, что после того, как барон Осман перестроил город <...> возникла система широких бульваров и площадей, от которых лучами расходятся пять-шесть больших авеню. И на каждом углу в точке схождения-расхождения позднее возникли кафе. Соответственно, поворотный круг – это большая площадь, где можно неформально, просто случайно, как в «Сайгоне»,

встретиться с друзьями и – тебя поволокет, ты попадаешь в некий водоворот, брожение... Но помимо больших площадей с бульварами и авеню в каждом округе, в центре Парижа особенно <...> есть места, где возникает похожий водоворот, но уже в меньшем масштабе. То есть в каждом округе есть основные и маргинальные «поворотные круги», известные только или насельникам этого района, или дрейфующим... думаю, что улица Белинского – это такой поворотный круг... он захватывает и мост, ведущий от Белинского к цирку. В нем есть какая-то... хуевина... может быть, чисто архитектурная, но и психогеографическая тоже... это точно точка завихрения, сквозняк депо. Это своего рода коридор, портал, создающий ощущение прохода, веера возможностей: потому что когда стоишь на этом мосту – с одной стороны Летний сад, за спиной «Порядок слов», в Дом кино можно пойти, в какое-то кафе или к Неве...

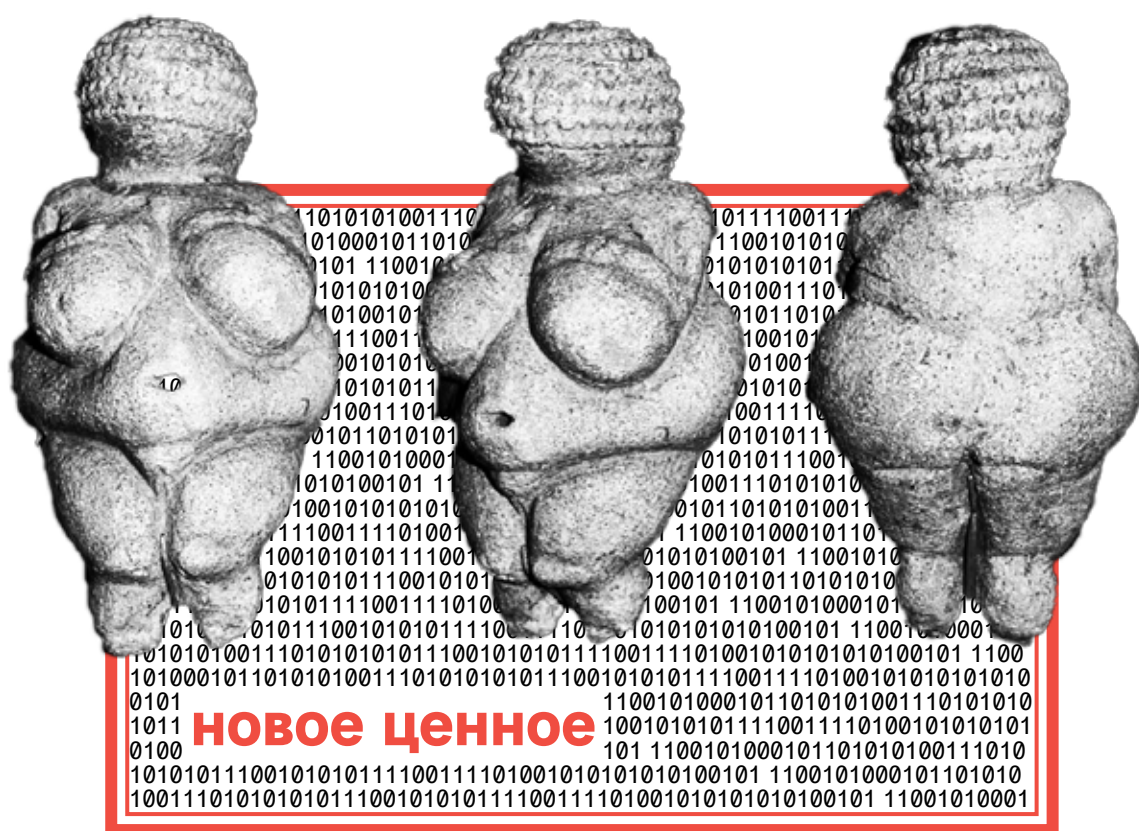

НА КАРТЕ:

1. «Сайгон» - неофициальное название ставшего знаменитым кафе при ресторане «Москва» на углу Невского и Владимирского проспектов. Закрылось в 1989 г.
2. Букинистические магазины на Литейном – крупнейшие магазины антикварной и редкой книги, в советское время бывшими предметом «охоты».
3. «Белфаст» - неофициальное название кафе неподалеку от «Сайгона».
4. «Эльф» - неофициальное название кафе неподалеку от «Сайгона».
5. «Гастрит» - неофициальное название гастронома неподалеку от «Сайгона».
6. Галерея «Борей» - некоммерческий выставочный и творческий центр. Основан в 1991 г. Расположен по адресу пр. Литейный, 58.
7. «Дом кино» - киноцентр Санкт-Петербургской организации Союза Кинематографистов России. Расположен по адресу ул. Караванная, 12.
8. «Порядок слов» - независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу наб. реки Фонтанки, 15.
9. «Десерт» - кафе на ул. Белинского. Закрылось в начале девяностых.
10. Дом писателей им. В. В. Маяковского – учреждение культуры, основанное в 1934 г. Располагалось во Дворце Шереметева на Шпалерной ул.
11. Большой дом - неофициальное название административного здания в Ленинграде на Литейном проспекте, в котором находилось ОГПУ НКВД. В настоящее время в здании расположено управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
12. Дом Мурузи – бывший доходный дом, знаменит тем, что в нем жили Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус; И.А. Бродский. Расположен по адресу Литейный пр., 24.
13. Центральный лекторий - учреждение, созданное в 1951 г. Обществом «Знание». Лекторий предоставлял свои залы для выступлений видных ученых, известных писателей, артистов. Расположен по адресу Литейный пр., 42.
14. Кинотеатр «Спартак» - открывшийся в 1939 г. в здании кирхи Святой Анны кинотеатр. Был единственным в Ленинграде кинотеатром Госфильмофонда. Здание расположено по адресу ул. Кирочная, 8.
15. «Пушкинская, 10» - культурный центр, основанный в 1989 г. независимыми художниками в заскотированном доме. По мнению информанта, атмосферой напоминает Черный вихрь из «Твин Пикса».
16. Музей Кирова - мемориальный музей-квартира, посвященный памяти первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии ВКП(б) С. М. Кирова. Расположен по адресу Каменноостровский пр., 26-28.
17. Мастерская Глюкли – мастерская художницы Натальи Першиной-Якиманской (Глюкли) на каменноостровском пр.
18. ЛДМ, Ленинградский Дворец молодежи. В 80-е годы – место концертов рок-исполнителей и групп. Расположен по адресу ул. Проф. Попова, 47.
19. ДК Ленсовета – учреждение культуры. В 80-е годы – место проведения крупных музыкальных фестивалей и концертов. Расположено по адресу Каменноостровский пр., 42.

АЛЛА МИТРОФАНОВА

(род. 1959) – независимый художественный критик и философ, участница Киберфеминистского интернационала, одна из создательниц открывшегося в 1994 г. в «Галерее 21» на «Пушкинской, 10» «Кибер-Фемин-Клуба». Куратор открытого семинара по современной философии «Философское кафе». Активная участница творческой и интеллектуальной жизни города в качестве зрителя, слушателя, преподавателя, куратора, критика и вдохновителя.

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

Ну вот тут у меня в уголке... простым карандашом... будет университет [рисует]. Который тогда назывался ЛГУ. Кафедра искусствоведения. Иван Чечот. Почему Чечот – потому что он пытался сделать новую эстетическую теорию на основе исторической феноменологии восприятия, то есть сдвинуть нас от структурного, семиотического понимания искусства <...> к анализу перцепции и при этом увидеть, как даже в чувственном восприятии искусства меняются эпохи... меняются культуры.

Мы, естественно, ходили на всякие мероприятия, которых тогда было очень много в неофициальной художественной среде... Был «Клуб-81»... это скорее конец 1980-х,

техно-теоретический семинар. Для меня было это очень важно, потому что я отрывалась от университета. Мне же раньше казалось, что всякие семинары возможны только в академическом пространстве. А тут... это была подача миланского панка Гомо, с которым я встречалась на всяких техно-арт-тусовках еще в начале 1990-х. Он говорил, что у них вся культура левая существует в тех подвалах, где «Красные бригады» делали свои библиотеки.... Это же наша ситуация, решила я! И тут у нас был семинар, это 1993 год. <...> Сначала мы проводили семинар, а потом мы танцевали до утра. В 9 семинар, в 11 он заканчивался, и в 12 начинался дансинг.

[О «Философском кафе»] И из этого – ну это же 15 лет – из этого стали возникать поколения, потому что люди в «Философское кафе»

проблематики, с которой мы работаем. Это не значит, что здесь есть преемственность, это значит, что есть какие-то социальные отношения между всеми этими вещами. И эти социальные отношения задают интеллектуальную карту, которая делает нашу жизнь насыщенной и интересной. Да, то есть у меня никогда не было ощущения, что я сижу где-то в темном углу... лишенная культуры, связей и так далее. И где-то здесь, в промежутках, например, возник... из Нижнего Новгорода Евгений Кучинский написал письмо, в котором спросил, что лучше перевести из техно-теории... Получилось его позвать на конференцию в университет... вскоре у них возникла группа «Поп-философия». Это формирование поля из разных мест...

Вот география теперь, значит, Томск, Нижний Новгород... а потом

10

выискивали всякие такие места. Вскоре начались сквоты, потому что здания в советское время поставили на реновацию... Денег нет – и город наполнился пустыми зданиями. Было огромное количество сквотов, десятки. А кто туда вселяется? Естественно, те, у кого нет привилегий на место, молодежные сообщества, приезжавшие со всей страны, потому что прописка перестала работать. А это художественные и парахудожественные сообщества, музыкантские. И в одном из сквотов на Фонтанке, сто сорок... что-то, был организован первый техно-клуб. Техно-сквот. А я все это время искала какой-то ход... Мне не хватало в этом панковском таком, размашистом, граффитистском, экспрессивном стиле, который тогда доминировал, смысла. Мне казалось, что это, конечно, хорошо, но время требует еще чего-то. И поскольку это было связано с технологиями и это требовало осмысления, то, когда Фонтанка превратилась в клуб «Тоннель» (это был бункер у «Горьковской»).... Вот у меня, видите, такая карта получается: ментальная, а не пространственная. В «Тоннеле» мне сразу пришла в голову мысль сделать

приходят года на два... и каждый раз приходит новая публика и обостряется новый запрос философский. При этом предыдущая генерация получает прививку публичности... Это же публичное место: приходит кто угодно, так что, будь добр, выдерживай и требования демократичности, и эпистемологическую брутальность, и толерантность. И дальше... вот, например, Герман Преображенский, у них был клуб философский студенческий, и он поучаствовал в открытии «Философского кафе». И, уехав в Томск, он открыл там философское кафе. Которое тоже такое долгоживущее. Для меня это важная часть того, что происходит здесь. Это наша география.

Потом Александр Монтлевич сделал школу [интерпретации современного искусства] «Пайдейя». А Александр Смулянский сделал «Лакан-ликбез»... После двух-трех лет пребывания в кафе некоторые создают собственные философские пространства. Йожи [Столет] сделала Семинар философской грамматики. Ну отчасти... это не связано, но рядом существует семинар «Ф-письмо». Я его восприняла как часть той

это уже видимо через сети. Стали возникать уже дальнейшие связи через интернет.

У меня нет отдельной петербургской ментальной карты, она уже лет, наверное, 10 является картой... русскоязычного пространства. <...> И тут вот есть некоторое ограничение, которое хочется снять. Да? Почему русскоязычное пространство должно быть вырезано? И для того, чтобы его не вырезать, нужно заниматься не только чтением, но еще и переводом разных текстов. В «Философском кафе» эту задачу сразу стал выполнять Сергей Адащик, его блог s356 долго был одним из наиболее актуальных по современной философии. Сейчас многие готовы переводить в реальном времени. Отсюда у нас возникает виртуальное издательство.

А дальше – это же все как-то надо материализовать, да? – для меня очень важно существование сети площадок, лучше всего с ними работает «Открытый философский факультет», ОФФ. Они вовлекают разные городские площадки – сейчас у них постоянная программа на 12

площадках, но это не значит, что это их предел. То есть они задают потрясающую материальную карту мест, вокруг ОФФы мы можем нарисовать это вот все бесконечное географическое пространство... [рисует сеть мест].

Кроме этого у нас есть, ну, естественно, «Порядок слов», «Все свободны, <...>» были в свое время еще всякие магазины – «Книжный окоп», «Борхес»! Значит, у нас большая городская география... Геоматериальность [пишет на карте]. То есть место осваивается.

Значимые места, свои места

...и дальше моя карта в основном связана с «Пушкинской». Тем более что там можно было жить в мастерских. У нас там была «Галерея 21». Я просто пришла к Ирине

здесь помогайте». И Ира в какой-то момент решила, что сил больше нет выполнять общественные функции и нужно уйти в тень. И мы думали: «А какая же может быть тень?» – при этом связанная с нашей деятельностью. Решили заняться электронным звуком, возникла «Галерея экспериментального звука» (ГЭЗ-21), Николай Судник (группа ZGA) курировал индустриально-шумовых музыкантов. Параллельно были электронно-акустические программы (Андрей Поповский) и импровизации.

Самое главное, что у меня там образовалось, – это «Философское кафе». Я думала: поскольку у меня маленькие дети, нужно что-то небольшое и долгоиграющее – мне вообще разонравились большие проекты, особенно после [проекта «Корабль искусств»] «Штюбниц»

выставок делали еще классы по ИТ-грамотности. Было очень красиво, мы это воспринимали как арт-проект: приходят такие решительные девчонки и начинают показывать тетенькам, которые [тогда] оказались в тяжелых жизненных условиях и уже ничего не боялись и сразу воспринимали все новое, – как вывернуть материнскую плату, заменить процессор... А потом для понта взяли еще болгарку и попилили трубы! [смеется]

Вот это сообщество ЛГБТ-хакерское – или как его назвать? – хакерско-лесбийское сообщество имело еще вторую базу. Этой второй базой был гендерный центр Ольги Липовской. Просуществовали они лет 10, а потом кончилась уже лафа с грантами и их великолепную библиотеку отдали, по-моему, в Смольный, и она там рассосалась... что жалко.

Акутановой и сказала: «Давай сотрудничать»... А она мне сказала: «А я тебя давно жду!». Вот все мутации «Пушкинской» меня как бы не касаются, потому что неофициальное сообщество неконформистское победило, они стали потихонечку вытеснять молодежное сообщество. [В девяностые] там была важная мастерская Вадима Овчинникова, Тимура Новикова, кинолаборатория Дебила, параллельное кино и мы. ... Потом, когда началась реновация «Пушкинской», «Галерея 21» переехала на 7-й этаж, а потом она переехала во флигель.

А потом я нарожала детей и уже не могла соответствовать необходимой социальной активности, «Галереей» тогда занималось несколько человек, и им не хватало теории, потому что это была моя работа – поставлять теорию, и на них свалилось очень много политики. Ира с другими киберфеминистками делала тогда сайты общественным и политическим женским организациям. <...> Появилось много ответственности чисто феминистского типа. Приходили, говорили: «А, вы феминистки? Значит, тут помогайте,

(1994), когда туда оказалось вовлечено масса народу: ты за все отвечаешь, много сложностей, много нужно заниматься культурной политикой... И я минимизировала: «Философское кафе» – это не конференция, это не доклад, но это необходимость каждую неделю встречаться и читать какой-то текст. И вот этот режим до сих пор, по-моему, самый рабочий. Оказывается, что я читаю подавляющее большинство новых философских текстов разных направлений, и это не трудно, потому что раз в неделю, за счет регулярности, ты внимательно что-то прочитываешь, анализируешь, обсуждаешь.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

У нас была «Галерея 21», и там же мы сразу же сделали «Кибер-Фемин-клуб». ИТ-феминизм – это была новая область, совершенно был непонятен ее коммерческий, институциональный потенциал. И там было много еще не институционализированной активности. И вот феминистки оказались очень чувствительны к этому, особенно ЛГБТ. Помимо

Поскольку идентичности все были смазаны и, кроме того, советское равенство, образование, индустриальная вовлеченность женщин еще сохранялись, поэтому никаких буржуазных страхов феминизма тогда не было. И более того, тогда не было страха трансгендерности. <...> Обществу было наплевать: это как бы личное дело. Это редкая ситуация семиотического распада, когда очень ценным становится образование новых локальных мест. И весь город был полон локальных инициатив, которые все время множились года до 1998-го. А потом их стали сворачивать, потому что, чтобы существовать, они получали где-то микрогранты, а с этого времени грантовая модель перешла на обслуживание больших институтов, с одной стороны... С другой стороны, сквоты начали ремонтировать, коммерческие правила вводить.

А-а, я же еще пропустила очень важную вещь! Это подъем феминистского движения, то, что возникло несколько неожиданно.

Потому что для нас это был в основном «Кибер-Фемин-клуб», это постфеминизм, это трансгендерность, это рассыпанная идентичность на множество практик, которая может собираться как угодно. А-а-а, хотя у нас, когда мы все нарожали детей, была такая программа – киберматеризм. Название хулиганское, не мы придумали, но оно приросло... мы все с детьми: ФНО [«Фабрика найденных одежд», проект Ольги Егоровой и Натальи Першиной-Якиманской], я, Ира Актуганова и не только. Мы поняли, что материнство – вытесненная натурализованная практика, и оно должно быть переосмыслено культурно и политически. Соответственно, у нас не хватает текстов, рефлексии, арт-проектов – и мы стали запускать один за другим выставочные проекты. <...> Дальше было движение в сторону квир-феминизма. Квир-феминизм – это группа «Верхотура» и ее друзья. Это уже новый слой. Это была группа, сложившаяся в середине нулевых в Калининграде, несколько театрально ориентированных людей, Ира Путилова, она тогда училась на философском факультете, к ним присоединилась Полина Заславская. Полина сделала в это время отличный перформанс. В это время стали закрывать детские сады, поликлиники, и она сделала перформанс «Не рожай». Вышла на площадь с банками с красной краской, с постерами «Если они так, то давайте не рожать один год!». И это раздается публике, банку она разливает на асфальте! Красное!.. И это, по-моему, один из первых прямо политических перформансов. Это, по-моему, 2008 год, и это начало активистского перформанса в городе. То, что было до, – это перформанс ФНО, они были скорее такого... психосоциоаналитического типа. Там много психоанализа, рефлексии, отстраненности, а тут прямо другой стиль. Говорить прямо, в лоб, и искать такую форму высказывания, от которой невозможно скрыться. Другой тип языка стал формироваться, который стал доминировать уже в десятые годы.

И после этого важного периода мы переходим к формированию новых феминистских инициатив: Леда Гарина вторгается в политику таким же прямым способом... ну и, конечно, уличный акционизм расцвел после 2011 года. Феминистское РСД [Российское

социалистическое движение] очень важно, да. Это важный топос – «Лефт-фем» [отмечает на карте]. И там, конечно, Маша Рахманинова... Я смотрела в записи ее лекции нулевых: она приходит в сообщества таких нацбольских леваков, к анархам-бомбистам, и начинает им рассказывать о феминизме. <...> Для них феминизм – это настолько тупая тема! Что даже говорить не о чем, идемте брать Кремль. А она начинает им медленно рассказывать о том, насколько они гендерно уязвимы именно как молодые мужчины... через армию, «не мужик» и прочее. И так образом она этот агрессивный лево-правый драйв начинает превращать в сложную политическую рефлексию. И делала она это уперто лет пять в этом сообществе, в результате есть несколько гендерных фотопроектов. Там же они начали сотрудничать с Ледой Гариной. Она очень важная фигура в активизме. Ее многие не любят, но если мы уберем Леду Гаринову из нашей карты, мы увидим, как много направлений заблокируется. И более того, теперешний куст феминистских инициатив «Ребра Евы» – это тоже ее организация. А это что? Это газета «Гул» на четырех языках для мигранток: куда бежать, что делать, какие у тебя права, как их вернуть. Потрясающий проект! Это бесконечные курсы: по теории, по кино... я в восторге от идеи Даши Че соединить курс теории и языка: интерсекциональность совместить с английским курсом. Семинар с двойным выходом. Надо бы вот это как-то так расхвалить и сделать инструментом для многих случаев...

Современная ситуация

Есть еще огромное количество инициатив... культурные институции, которые в городском пространстве крайне значимы.

Значит, это Школа вовлеченного искусства (ШВИ) от группы «Что делать»... «Что делать» – важная инициатива в нулевые: они сломали какой-то барьер деполитизации нулевых, это очень важно. До них доминировало постструктуралистское тонкое мышление по поводу понятий: что откуда вышло, как мы это деконструируем-перезапускаем, – в общем, такой меланхолический лингвоцентризм. И тут «Что делать» начинают печатать такие откровенно политические, даже

пропагандистские философские тексты. Я думаю, что не только я, но и часть сообщества стала, отбросив свой постдерридизм, читать политическую философию. И это сделали они своей газетой – то есть поменяли целый вектор.

ШВИ – это мне кажется, вообще новая форма институций. Вот мы же видим, как с каждым годом все меньше значений и меньше смысла производится большими университетами. И все больше смысла производится малыми допобразовательными институтами. И это потрясающе интересная ситуация: вероятно, современное общество не может формироваться из макромасштабных абстракций. Никто из одного места, из места вертикали не может придумать ни новых мест работ, ни новых видов знания. Соответственно, это работа коллективная. И удивительно, что Диме Виленскому или Насте Вепревой становится все проще приглашать туда преподавать. Потому что там преподавать интересно. А пойти в университет преподавать хотят все меньше людей. Илья Мавринский, один из создателей Открытого философского факультета, ОФФ, опасался, что никто не захочет бесплатно преподавать, и вдруг оказывается, что за два года ни одного отказа. Потому что эта свободная интеллектуальная обстановка становится гораздо более важной, чем статусы, зарплаты... О чем это говорит? Это же говорит о кардинальном переходе этико-социальной ситуации – ценности поменялись.

Теоретически мы описываем современную ситуацию как разнообразие, пластичность, мимикрия, многообразие алгоритмов, и при этом не все возможно. Это не прежняя ризома, из которой легко что-то вытащить... и воткнуть в неолиберальную модель экономики... А это такая ткань, подобно шитой аппликации – как у бабушек... лоскутное одеяльце! – в которое нелегко вторгаться... Потому что все эти места уже имеют свои традиции, свой опыт рефлексии. И их не так-то легко задушить. Вот мы сейчас видим, что денег нет, ничего нет, а оно работает. То есть это уже другой уровень самоорганизации, который надо понять, удерживать и куда-то протолкнуть в новую модель институционализации.

Значит, у нас есть историческая карта, феминистская карта и новые институции, и новая география мерцающих мест социо-культурной активности. Значит, мест много, гражданское общество оторвано от вертикали и производит себя с необыкновенной интенсивностью. Поэтому <...> я считаю, что мы живем в очень интересное время.

Ключ к карте: новое ценное

Я думаю, что придерживаясь феминистской культурной стратегии: это увидеть новое ценное и начать это любить и культивировать. И тогда оно начинает расти дальше и этого нового ценного становится больше.

НА КАРТЕ:

1. ЛГУ, Ленинградский Государственный Университет (Санкт-Петербургский Университет) - старейший университет Санкт-Петербурга. Основан в 1724 г. Располагается по адресу наб. Университетская, 7/9.
2. Чечот, Иван Дмитриевич - российский искусствовед, виртуозный лектор, руководитель Центра искусствознания и доцент кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств Факультета свободных искусств и наук СПбГУ (Смолярный институт), ведущий научный сотрудник Российского института истории искусства.
3. «Клуб 81» - полулегальный литературный клуб со сложной судьбой, основанный в конце 80-х в Санкт-Петербурге.
4. Техно-сквот на Фонтанке, 145 - танцевальный клуб под названием «Танцпол», основанный свободными художниками в 1988 г.
5. Клуб «Тоннель» - один из первых техно-клубов Санкт-Петербурга. Существовал с 1993 по 1998 гг. Располагался в бомбоубежище на Петроградском острове.
6. «Пушкинская, 10» - культурный центр, основанный в 1989 г. независимыми художниками в засквотированном доме.
7. «ГЭЗ-21», «Галерея Экспериментального звука» (с 1994 по 2000 гг. - «Галерея 21»). Концертная площадка, выставочное

танца/перформанс-группа, основанная в 2001 г. в Калининграде и переехавшая в Петербург в 2011 г.

14. «ОФФ», «Открытый философский факультет» - образовательный проект, лекции по философии на разных городских площадках, организованные в 2015 г. как ответ на внутреннюю политику факультета философии СПбГУ (увольнения, сокращения преподавателей).

15. «Порядок слов» - независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу наб. реки Фонтанки, 15.

16. «Все свободны» - независимый книжный магазин и культурная площадка. Основан в 2012 г. Располагается по адресу наб. реки Мойки, 28.

17. ШВИЧД, Школа вовлеченного искусства группы «Что делать» - образовательная платформа, занимающаяся обучением в области современного социально ориентированного искусства. Основана в 2013 г. участниками художественной группы «Что делать».

18. РСД, Российское социалистическое движение - общественная, политическая организация социалистического направления.

19. Лефт-фем - активистская и просветительская лево-феминистская группа.

20. «Ребра Евы» - социально-художественный проект, посвященный борьбе с гендерной дискриминацией. Расположен по адресу Фонарный пер., 3. До этого находился по адресу Биржевой пер., 4.

21. «Ф-письмо» - независимый исследовательский и практический семинар, посвященный изучению гендерной литературной и эстетической теории и феминистской философии, а также обсуждению актуальных текстуальных практик, затрагивающих гендерную и феминистскую проблематику. Существует с начала 2017 г.

22. Школа импровизационной музыки - образовательная инициативы при «Музее звука».

23. «Философское кафе» - регулярный философский семинар, основанный Аллой Митрофановой в 2002 г. и базирующийся в «ГЭЗ-21» на Пушкинской, 10.

24. Семинар новой философской грамматики и методологии - философский семинар, основанный Йожи Столет в 2017 г. в культурном центре «ДК Розы» (ул. Большая Разночинная, 24).

25. «Лакан-ликбез» - регулярный семинар по психоаналитической теории Ж. Лакана, который с 2010 г. проводится философом А. Смулянским в книжном магазине «Порядок слов».

26. Анархо-психо-арт, г. Нижний Новгород - сообщество анархистов и любителей искусства, создавшее в том числе «Союз выздоравливающих», артистическую, исследовательскую и практически ориентированную инициативу по реабилитации безумия в его художественном, интеллектуальном и институциональном аспектах.

27. «Pop-philosophy» - образовательный проект, основанный Евгением Кучиновым и Антоном Степиным в Нижнем Новгороде в 2014 г.

28. «Пайдейя» - образовательная и культурная платформа, школа интерпретации современного искусства. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10».

29. Философское кафе, г. Томск - открытый философский семинар, организованный Германом Преображенским.

30. «Школа нового кино» - независимая школа кинематографии, организованная в Санкт-Петербурге в 2016 г.

пространство, культурный центр и центр исследования музыки. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10».

8. «ПКЭМ», «Практический курс экспериментальной музыки» - 12 мероприятий, проведенных с начала октября по конец декабря 2015 г., посвященных современной экспериментальной музыке.

9. «Тени звука» - международный фестиваль тихой музыки, проходивший с 2010 по 2015 гг. на базе «ГЭЗ» и других площадках.

10. «Кибер-Фемин-клуб» - основанный Ириной Актугановой и Аллой Митрофановой феминистский проект, осмысляющий интернет как социальное и культурное пространство.

11. Клуб «Сделай сама» - курсы практической независимости для женщин, организованные «Галереей 21».

12. Гендерный центр (Липовская), Петербургский центр гендерных проблем - общественная, исследовательская и аналитическая организация, основанная в 1992 г. Прекратила работу в начале нулевых. Располагалась по адресу ул. Восстания, 40/19.

13. «Верхотура» - театр современного

ВИКТОР МАЗИН

(род. 1958) – философ и психоаналитик, переводчик, преподаватель Восточно-европейского института психоанализа и Факультета свободных искусств и наук СПбГУ, критик и куратор. Автор нескольких монографий. Соучредитель – совместно с Тимуром Новиковым, Сергеем Бугаевым, Иреней Куксеняйте и Олесей Туркиной – журнала «Кабинет», объединившего тексты об искусстве, психоанализ и современную теорию. Куратор и сокуратор концептуальных художественных проектов в музеях Петербурга, Москвы и за рубежом. Основатель «Музея сновидений З. Фрейда». Переехал в Ленинград из Смоленска в 1985 г.

незнайка

Современная ситуация

Давайте я вам скажу, что возникло в моей голове, пока мы с вами говорили: есть три совершенно разных мира, которые между собой практически не пересекаются. Первый мир – это мир Ленинграда, второй мир – это мир Перестройки, когда нет ни Ленинграда, ни Петербурга (мы тогда не могли произнести это слово – «Санкт-Петербург»). И третья история – это то, что происходит сейчас, – Санкт-Петербург. Они никак не пересекаются [поэтому информант рисует три карты].

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

На культурной карте Ленинграда для меня очень важным оказался проспект Мечникова. <...> Тогда [в начале 1980-х] все было переплетено,

других режиссеров и переносить их отсюда сюда [из французского консульства в «Клуб-81»]. Он принес 35-миллиметровый аппарат, и мы здесь смотрели кино, здесь же Курехин делал «Поп-механику», здесь же проходили поэтические чтения. То есть культура была очень консолидированной на тот момент, и поэтому эта организация необычайно важна. Первая история, наверное, закончилась.

[Во время Перестройки] все перемещается куда-то еще. Поскольку я произнес слово рейв, все перемещается в Москву на ВДНХ. Ленинград как был... Санкт-Петербург как есть медитативная лаборатория искусства и авангарда, так и остается. Мы всегда с гордостью подчеркиваем, что рейв-культура была экспортирована из Ленинграда в Москву. Речь идет,

устроил в МГУ конференцию под названием «Новые языки в искусстве», и это был немисливый мегапрорыв. <...> На смену стационарным местам пришли места плавающие, карта стала номадической или кочевой. Мне проще все через музыку вести. Конец 1980-х, а точнее, начало 1990-х – начинается рейв-культура, которая напрямую была связана с выставками. Их организовывали одни и те же люди, я не буду всех перечислять. Назову двоих. Это собственно два друга – Тимур Новиков и Георгий Гурьянов. Когда началась рейв-культура, невозможно было обозначить место на карте. Например, в 1991 году мы сделали... а я еще забыл об одном важном событии, но я уже обозначу ДК «Маяк», где мы устроили мероприятие «Умелые ручки», и напишу «ex.», то есть for example, пример соединения рейва и выставки. Я возвращаюсь

11

культура – это был такой плотный сгусток, в котором все знали всех. Не было деления на художников, композиторов, кинематографистов. Это все была одна компания, одна упаковка. Я садился на метро и доезжал до Финбана, потом садился на автобус, ехал по улице Замшина, потом он поворачивал на Мечникова. Здесь жил АТД, Аркадий Трофимович Драгомошченко со своей женой Зиной, здесь жил Александр Кан со своей женой Любой. Вот два центра, где можно было встретить самых разных людей. Например, я прекрасно помню, как мы общались с Rova Saxophone Quartet. Они были связаны с поэтической группой The Language School Poetry – с ними дружила Лин Хеджинян.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Тогда появился еще один важнейший для меня человек – Дмитрий Борисович Волчек. Поэт следующего поколения, человек уже более ироничный, потом он стал работать на радио «Свобода», где трудится и по сей день. Митя стал брать фильмы Бунюэля и

в частности, о «Гагарин-пати». Мы тогда очень хотели сделать science-gave – мероприятие, на котором бы выступали мощнейшие теоретики: физики, астрофизики, психиатры, философы, психоаналитики. Мы хотели соединить науку с рейв-культурой. Плотно общались с Иваном Салмаковым и Женей Бирманом, с ними все обсуждали. Они устраивали множество рейвов в Ленинграде [рисует ДК – ДК – ДК], которые перемещались в основном по домам культуры. Один из последних Ваниных проектов был на велотреке в Крылатском. Сейчас мне уже очень трудно все это представить: поезд, который состоит из одних рейверов. Можно было взять поезд в Ленинграде. Не помню, кто ходил договариваться с РЖД, но, когда утром на Московском вокзале выходит пестрая толпа... целый поезд [рейверов], и все так потихоньку выбираются на ВДНХ...

Значимые места, свои места

[Рассказывает о второй карте]. Все поплыло. Все открылось и стало возможным. В 1988 или 1989 году один юный филолог, Михаил Дзюбенко,

к конференции «Новые языки в искусстве» под патронажем Вячеслава Всеволодовича Иванова, всеми уважаемого лингвиста. В общем, Михаилу Дзюбенко тогда удалось сделать что-то невероятное, потому что наука – это наиболее консервативная, наименее пробиваемая вещь. Это был 1988–1989 год. На этой конференции мы познакомились с Олесей Туркиной, которая впоследствии стала моей женой. Меня всегда интересовала и литература, и изобразительное искусство, а Олеся по-настоящему одержима изобразительным искусством. И поэтому вокруг стало появляться все больше художников. С Олесей мы как раз и сделали в ДК «Маяк» в 1991 году «Умелые ручки». Сейчас такое не представить.

Музей сновидений Фрейда – место встреч, где бывают самые разные люди и самые разные мероприятия, от поэтических чтений до фестивалей нойз-музыки. Музей сновидений Фрейда родился из идеи выставки, посвященной Фрейду. Потому что Фрейд был помешан на искусстве. Больше всего на свете он любил путешествовать по Италии и

рассматривать работы Караваджо, Леонардо, Микеланджело. Одновременно он собирал мелкую пластику, египетские, греческие и прочие скульптурки. У него накопилось очень много работ. У меня с первой карты был друг, Майкл Молнар, который в годы первой карты изучал Андрея Белого. В 1982 году умерла дочь Фрейда Анна, и в 1986 году в доме на Мэрисфилд Гарденс, 20, открылся музей. Поскольку мы с Майклом постоянно общались и он привозил мне книги Фрейда, я как-то ему сказал: «Слушай, давай сделаем выставку, посвященную сновидениям Фрейда». Я стал одержим этой идеей. В 1990-е годы в художественной критике все говорили о стирании границ между копией и оригиналом, вспоминали Вальтера Беньямина. Я написал концепцию выставки, посвященной снам, в которых мы имеем дело не с материальными

Молодежного центра. Мы дружим с Димой Озерковым. Выставки, которые там проходят, они меня вдохновляют по-настоящему. Я в восторге от выставки Ильи Кабакова. Перед этим были Фабр, Кифер, Бэкон... Мне нравится, как именно создаются экспозиции. Когда люди делают что-то с любовью, это чувствуется. Эрмитаж – редкий музей, в который я хожу постоянно.

За последнее время одно место мне по-настоящему понравилось, оно называется клуб «Клуб». Я туда ходил на японского нойзового музыканта К К Null. <...> Действительно анархистское место, поэтому я напишу АНАРХО. Билетов никаких нет. Я кому-то там даю какие-то мелкие деньги. Спрашиваю, есть ли у вас какой-нибудь напиток, коктейль. Мне что-то там просто с бутылок сливают, типа – на. Никакого специального света. Не

Ключ к карте: Незнайка

Как интеллектуальная история отразилась в журнале «Кабинет»?

В какой-то момент мы четко поняли, что мир меняется на наших глазах, так же, как меняется он сегодня. Сегодня он меняется в смысле окончательного ухода в виртуальность, дигитализацию, к которой я отношусь более чем серьезно, но мы не замечаем этих изменений. Тогда их невозможно было не заметить. Менялась вся семиотическая система. Появлялись вывески, которых не было раньше, появлялась реклама, которой не было раньше вообще. Все менялось на наших глазах, и мы сказали: «Друзья, давайте осмыслять то, что происходит вокруг нас». Так появился журнал «Кабинет». Это Ирена Куксенайте, Олеся Туркина, Тимур

объектами, а с их репрезентациями. В середине 1990-х годов я стал предлагать в разные музеи сделать выставку, основанную на копиях любимых произведений искусства Фрейда. Руководители музеев, с которыми я вел переговоры, бледнели и говорили: «Давай делать выставку оригиналов». В девяносто-каком-то году я начал работать здесь, в Институте психоанализа [Восточно-европейский институт психоанализа], и в какой-то момент директор института сказал: «Внизу есть аудитория, которую ты не знаешь». <...> Я поговорил со своим другом Кустовым – это из некропрактик, не только художник, но и потрясающий дизайнер, – и мы стали технически продумывать музей. За вами рисунки, которые Павел Пепперштейн сделал специально для музея. Он лежал у меня на кушетке, а я ему читал фрагменты из «Толкования сновидений», а он моментально ее зарисовывал. Кустов сделал мне картину для дома «Двойной Фрейд», а я ее принес сюда...

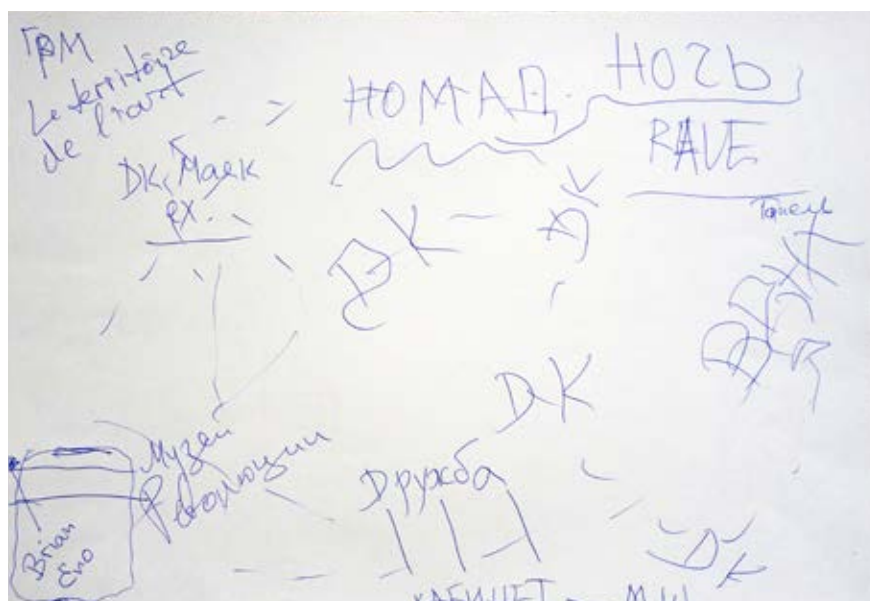
Я люблю Эрмитаж. И выставки, и марафоны, которые они там устраивают лекционные, и работу

знаю, мне хочется сказать, что это и есть экология и гуманизм.

ГЭЗ, пожалуй, мне тоже нравится, недавно понравился. Странно, я на «Пушкинской» был сотни раз, у Котельникова – миллион раз, а в ГЭЗ никогда не был! Там же «Новая академия» была Тимура Новикова. И Баби [Бадалов] там был, и Вадик Овчинников, давным-давно покончивший с собой, мой близкий друг. И вдруг пару месяцев назад одна девушка, работающая в издательстве Ивана Лимбаха, Тоня Балашова, предложила... Она сначала устроила там презентацию книги моего товарища Александра Черноглазова, переводчика и писателя. Я пришел тогда первый раз на презентацию, и мне показалось – классная атмосфера, анархо. Там я встретил своего старинного друга Дмитрия Шубина. И когда мы наше мероприятие делали [презентацию книги Младена Долара], мне еще больше все понравилось. Яна Михалина, с которой мы ходили в клуб «Клуб», накупила на китайском рынке каких-то трубочек, и мы переформировали зал заново...

Новиков, Сергей Бугаев «Африка» и я. Все большие любители книги. Мы решили публиковать тексты на самые разные темы. Психиатрия, потому что, когда летит с катушек вся социальная система, без психиатрии трудно обойтись. Нас всегда интересовал космос, Олеся до сих пор его изучает. Тогда людей не разъединяли деньги, а объединяли дружеские связи. Для «Кабинета» это был принципиальный момент. Мы публикуем дружеские тексты, которые нам интересны. Например, самый странный текст был Ксении Рожковой, которая впоследствии стала Ксенией Новиковой. Она специалист по геологии, и мы опубликовали ее текст о тектонических подвижках. Это помимо того, что нас интересовало искусство, нас интересовала критика. Сейчас можно зайти в книжный магазин и найти книги, изданные «Гаражом», – переведено полно прекрасных авторов. Тогда ничего не было переведено, и мы пытались переводить. Первые переводы Лиотара были сделаны для «Кабинета», потом перепечатаны в журнале «Ступени», который в университете через пару лет выходил. Нам хотелось осмыслять

все, но чтобы при этом журнал был вокруг искусства. <...> Редакция тоже была плавающая, номадическая. К ней то добавлялся Мамышев-Монро... потом он совершал какое-нибудь злодеяние, и я ему говорил: «Все, пошел вон!» <...> Больше всего мне нравились коллективные тексты. Например, мы ходим на рейвы – это одновременно воспринималось еще как исследовательская работа. <...> Если летит вся семиотическая система, то описать, чего нет, невозможно. <...> «Кабинет» – это было, скорее, такое место выработки, проработки дискурса, которым можно осмыслить происходящее. Логотипом «Кабинета» стал Незнайка. Знайка мог ситуацию описать только в терминах прошлого, а вот Незнайка...

НА КАРТЕ:

1. «Демьянова уха» – ресторан, где Виктор Мазин впервые встретился с Аркадием Драгомощенко.
2. «Клуб-81» – полулегальный литературный клуб со сложной судьбой, основанный в нач. 1980-х в Санкт-Петербурге.
3. «Часы» – литературный журнал самиздата. Издавался в Ленинграде в 1976–1990 гг.
4. Кинотеатр «Спартак» – кинотеатр, располагавшийся с 1939 г. до начала 1990-х в здании кирхи Святой Анны. Был единственным в Ленинграде кинотеатром Госфильмофонда. Здание расположено по адресу: Кирочная ул., 8.
5. Петроградская сторона – один из исторических районов Санкт-Петербурга, располагающийся в административных границах Петроградского района города.
6. ЛДМ, Ленинградский Дворец молодежи. В 1980-е гг. – место концертов рок-исполнителей и групп. Расположен по адресу: ул. Профессора Попова, 47.
7. ДК им. Ленсовета – учреждение культуры. В 1980-е гг. – место проведения крупных музыкальных фестивалей и концертов. В этом месте находился «Клуб современной музыки», который возглавил Алик Кан. Ликвидирован в 1982 г. Расположен по адресу: Каменноостровский пр., 42А.
8. Проспект Мечникова – улица, на которой жили два важнейших для Виктора человека – Алик Кан и Аркадий Драгомощенко.
9. Улица Замшина – улица, по которой Виктор ехал на проспект Мечникова, часть регулярного маршрута.
10. Майкл Молнар – друг Виктора, директор Музея Фрейда в Лондоне, в 1980-е занимался изучением творчества Андрея Белого.
11. Аркадий Трофимович Драгомощенко (1946–2012) – поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Важнейшая фигура в культурной жизни Ленинграда данного периода. Принимал активное участие в деятельности «Клуба-81».
12. Сергей Анатольевич Курёхин (1954–1996) – музыкант-авангардист, композитор, создатель и руководитель группы «Поп-механика». Одна из трех ключевых фигур в жизни Виктора.
13. Александр Кан (1954) – джазовый критик, организатор джазовых фестивалей, один из организаторов «Клуба современной музыки» в ДК им. Ленсовета (1979 г.), ведущий программы «Открытая музыка» на русской службе Би-би-си.
14. Ленинградский рок-клуб – легендарное советское общественное и концертное объединение, основанное в 1981 г. и просуществовавшее до нач. 1990-х.
15. Михайловский Манеж – одна из старейших выставочных площадок Санкт-Петербурга. Расположен по адресу: пл. Манежная, 2.
16. «Сайгон» – неофициальное название легендарного кафе в Ленинграде при ресторане «Москва», место обитания творческой интеллигенции в 1980-е. Кафе было расположено по адресу: Невский пр., 49, пересечение с Владимирским пр., 2.
17. Немецкое консульство, Французское консульство – консульства были центрами культуры Ленинграда в конце 1970-х – нач. 1980-х. В консульствах Виктор впервые посмотрел фильмы Годара и Фассбиндера.
18. [карта 2] Государственный Русский музей – крупнейший и старейший музей российского искусства. Основан в 1895 г. Расположен по адресу: Инженерная ул., 4. В 1990 г. в Русском музее состоялась выставка «Территория искусств».
19. ДК «Маяк» ех. – пример одного из мест, где происходили культурные события во время перестройки.

20. Музей политической истории России в Санкт-Петербурге – первый историко-политический музей в России. Основан в 1919 г. Расположен в здании особняка Кшесинской по адресу: ул. Куйбышева, 2–4.
21. Brian Eno, Брайан Ино (1948) – британский композитор, специализирующийся в области электронной музыки неакадемических жанров. Приезжал в Санкт-Петербург в 1990-е.
22. НОМАД, НОЧЬ – ключевые слова для культурной карты времен Перестройки. «Ночь» – время рейвов. «Номад» – отсылка к номадической (кочующей) культуре: не было закрепленных мест, в которых происходили культурные события.
23. Клуб «Тоннель» – один из первых техно-клубов Санкт-Петербурга. Существовал с 1993 по 1998 г. Располагался в бомбоубежище на Петроградском острове.
24. ВДНХ – «Гагарин-пати» – рейв-вечеринка, состоявшаяся в Москве, куда из Петербурга переместилась рейв-культура.
25. Журнал «Кабинет» – междисциплинарный журнал, исследующий отношения науки, техники и современного искусства. Основан в Санкт-Петербурге в конце 1990 г. Виктором Мазиным, Олесей Туркиной и др.
26. Государственный Эрмитаж – музей изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Расположен по адресу: Дворцовая пл., 2.
27. «ПРО АРТЕ», Петербургский благотворительный фонд культуры и искусства «ПРО АРТЕ» – некоммерческая негосударственная организация. Деятельность Фонда связана с изучением и продвижением явлений современной культуры и искусства. Расположен по адресу: Петропавловская крепость, 3.
28. «ГЭЗ-21», «Галерея Экспериментального Звука» (с 1994 по 2000 г. – «Галерея 21»). Концертная площадка, выставочное пространство, культурный центр и центр исследования музыки. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10».
29. Николай Судник (1957) – композитор, музыкант, создатель оригинальных музыкальных инструментов.
30. «Пушкинская, 10» – культурный центр, основанный в 1989 г. независимыми художниками в засквотированном доме.
31. Олег Котельников (1958) – художник, член группы «Новые художники», основанной в 1982 г.
32. Евгений Юфит (1961 – 2016) – художник, фотограф, режиссер. Один из основателей «параллельного кино».
33. «Порядок слов» – независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу: наб. реки Фонтанки, 15.
34. Смоленское кладбище – любимая организация Виктора, куда переместилась культура перестройки, с которой он себя соотносит. Инициалами отмечены почившие друзья: Тимур Новиков, Андрей Крисанов, Георгий Гурьянов, Алиса Леонова, Владислав Юрьевич Мамышев-Монро, Евгений Юфит и др.
35. «Новый музей» Аслана Чехова – частный музей современного искусства в Санкт-Петербурге. Основан в 2010 г. Расположен по адресу: 6-я линия В. О., 29.
36. БАБИ, Баби Бадалов (1959) – азербайджанский визуальный художник и поэт, множество его проектов конца 1980-х и нач. 1990-х связаны с «Пушкинской, 10».
37. Пулковская обсерватория – основная астрономическая обсерватория Российской академии наук. Открыта в 1839 г. Расположена в 19 км к югу от

центра Санкт-Петербурга на местности Пулково на Пулковских высотах (Пулковской горе).

38. Музей Фрейда, Музей сновидений З. Фрейда – музей, основанный в 1999 г. Виктором Мазиным в помещении Восточно-Европейского института психоанализа. Не связан ни с конкретным местом, где жил З. Фрейд, ни с окружавшими его материальными вещами, но с его идеями и сновидениями. Расположен по адресу: Большой пр. П. С., 18А.
39. Дружеский треугольник: Вена, Лондон – города, с которыми связан музей Фрейда.
40. «Клуб» – ночной клуб в Санкт-Петербурге. Основан в конце 2017 г. Расположен по адресу: Боровая ул., 116.
41. «Все свободны» – независимый книжный магазин и культурная площадка. Основан в 2012 г. Располагается по адресу: наб. реки Мойки, 28.

ПАВЕЛ АРСЕНЬЕВ

(род. 1986) – художник, поэт и теоретик, сооснователь и главный редактор литературно-критического альманаха [Транслит]. Лауреат премии Андрея Белого (2012). Организатор Фестиваля поэзии на Канонерском острове. Участник Лаборатории поэтического акционизма (совместно с Романом Осминкиным и Диной Гатиной) и Уличного университета (2008–2012).

из текста на улицу

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

Никто не рождается в эпицентре культурной тусовки, и я, наверное, должен сказать, что в школьное время я был привязан больше к Кировскому району, так как жил на Канонерском острове. И именно оттуда начинал свой ежедневный путь – в университет и прилегающие заведения. В школу я ездил на метро и не знал город, а в университет я начал ездить на велосипеде – через Коломну до Васьки всего полчаса, и это стало важным фактором освоения города. Когда ты приезжаешь в центр на метро, ты знаешь только пространство вокруг него, первым делом видя ларьки или «Макдональдс» – там уж как придется. Город существует пятнами вокруг станций и, в сущности, остается неведом. А велосипед позволяет

филологическим образованием, с первых же номеров там печатались не только стихи (и, конечно же, наши собственные в том числе), но и автокомментарии авторов, осуществлялись какие-то попытки рефлексии и освоения критического дискурса. Вот тут, собственно, и начинается внеуниверситетская картография. Когда делаешь не доклад на студенческой конференции, не реферат по прочитанной книге, а создаешь такую непонятную современному университету форму, как независимый литературно-теоретический журнал, тебя выталкивает из университета. Куда? Ну, разумеется, в клубы, в галереи, в кафе, например, первым делом на «Пушкинскую» и в «Борей», где когда-то прошли первые презентации журнала.

каждом этаже было по сотне галерей, артистических кафе и так далее. То есть формально многое существует до сих пор, и еще в юности мы посещали «Пушкинскую» в поисках этой легенды, и теперь можем говорить как о легендарных о ее последних ответах – философском кафе, кинопоказах в Кинофот-703, концертах в «ГЭЗ-21» или выставках в Музее неонконформистского искусства. Парадокс последнего в том, что он давно так называется не по праву – именно потому, что сохранил верность художникам 1980-х. <...> Алла Митрофанова в этом отношении, возможно, единственная фигура, что сумела выйти на контакт с молодежью, и сейчас киберфеминизм переживает второе рождение.

Итак, между недовольством университетским знанием и поиском ускользающей легенды артистической карты города мы

12

исследовать город насквозь, прокладывать в нем собственные маршруты и не зависеть от времени работы общественного транспорта. Ты очень интенсивно начинаешь его исследовать, натыкаешься на разные места, и в какой-то момент это может оказаться какая-нибудь галерея или клуб.

Итак, я ездил в университет на велосипеде, и – возможно, уже по этой причине самостоятельного перемещения в городе – в самом устройстве университета тоже хотелось выстроить какие-то альтернативные сценарии. Мне не очень нравилось то, чему и как нас учат. Это зарождавшееся недоверие к университетскому знанию в принципе и к филологическому в частности было связано с дефицитом практической работы. Во многих европейских вузах формой отчета является не столько анализ чужого творческого опыта, сколько создание собственного. И поэтому мы с товарищем по первому курсу филфака – Сергеем Китовым – основали литературный журнал [Транслит]. Если угодно, с самого начала это было органом студенческого недовольства

Значимые места, свои места

...Я слышал о сквоте Речников – следующий за ЕУ был двор с пирамидой, но сейчас в него уже нельзя попасть. Я думаю, вы там тоже не были. Легендарное место из 1990-х. Толком даже не могу рассказать, что это были за Речники. Такой вольный художественный орден, связанный с Новой Академией. Я бы сказал, что в Петербурге есть не столько недоступные места, сколько места ускользающие. Потерянными или ускользающими оказываются те места, что не осознали политическую функцию художественного сообщества или академического института и на этом просчитались. Таким навсегда потерянным местом является, конечно, «Пушкинская, 10». С одной стороны, оно из той же легендарной эпохи, что и Речники или «Борей», перестроечное, захваченное художниками, когда у них на это была наглость. И в то же время наше поколение застало его уже в разложившемся состоянии, мы видели там больше офисов «Севзапканата», чем художественных галерей. То есть мы все больше слышали о прекрасной эпохе, когда на

вскоре нащупали необходимость не только схода с университетских рельс и фланирования по ускользающей артистической карте, но и основания новых, нанесения собственных мест на карту города.

Году в 2008-м впервые закрывается Европейский университет. В этом месте, где мы сейчас находимся [во время интервью] – Соляной переулок – можно увидеть странно пустующие столы напротив скамеек, и такая сама по себе довольно приятная [площадка], но на ней ничего не происходит. И вот когда редакция журнала уже создала себя как отчетливо левое объединение, и произошла атака на один из университетов, который мы посещали, мы как критические интеллектуалы, как нам тогда казалось, должны были выступить в его защиту. Вместе с городскими активистами, художниками, студентами разных вузов мы выбрали форму Уличного университета. В этой форме в том числе выражалось политическое понимание ситуации: не просить у дяди в кабинете, чтобы дали спокойно доучиться и уехать на Запад, не устраивать оккупации

(к чему склонялись некоторые товарищи), но устроить что-то среднее между продолжением обучения в полевых условиях и одновременно переформатированием самого интеллектуального пространства. <...> Первое время студенты и даже некоторые преподаватели ЕУ участвовали в этом. Но очень скоро все они ушли из протеста. Мы посчитали это предательством. Они, наоборот, посчитали нас патологическими террористами. А нам всего лишь казалось, что проблем у академии и публичного знания намного больше, чем закрытие одного, пусть даже очень хорошего университета. Тогда его удалось спасти, но никакого политического урока из этого извлечено не было, ЕУ остался карго-университетом: в нем есть западные профессора, стипендии и вечеринки, но отсутствует политическое ядро, которое и создает университет в европейском, средневековом смысле

проблемных зонах: пытаются застраивать Эльфийский скверик, знаковое место для карты Петербурга 1990-х – мы входим в контакт с городскими активистами и делаем там sit in [сидячая демонстрация], пока от него не отстают. <...> Мы входим в контакт с другими университетскими активистами, ездим на синдикалистские летние лагеря, в общем, к 2011 году, когда многие впервые очаровались жанром одиночного пикета, у нас уже существовал анархо-синдикалистский профсоюз, у которого были ячейки в пяти-шести университетах Петербурга и собственная колонна на митингах за честные выборы, а к началу движения «оккупай» в Москве и Петербурге уличные лекции и дискуссии не делал только ленивый.

другие. Коммуна на Кузнечном сочетала характер мастерской и редакционного склада [журнала «Транслит»] – с какого-то момента все хранилось там, все тиражи, проводились редсоветы. <...> К этой работе приплеталась артистическая и активистская, вперемешку с художественными материалами хранились транспаранты и мегафон, и, вероятно, такое соседство вещей делало для нас и соответствующие активности нераздельными. Это был супераппарат по производству художественно-политической активности.

Ключ к карте: из текста на улицу

Тогда же, когда у нас появилось собственное место – уже не только на улице по воскресеньям, но так, что стало возможно вообще не расходиться, – появилась и первая форма коллективной художественной

слова. Уличный же университет оказался такой формой, которая позволяла обсуждать и проблемы других университетов, и проблемы публичного пространства, одновременно учреждая его самими этими встречами. Ведь Уличный университет стал возможен в том числе благодаря аффордансам самой этой улицы, она так устроена. Это невозможно сделать на Лиговском проспекте. И москвичи, когда делали Уличный университет, приезжая сюда, говорили: «Блин, у нас просто нет таких мест. Есть бульвары, но нет такого пятачка, где можно разместиться». <...> Их город не дал это закрепить надолго на одном месте.

Между тем сам Уличный университет стал распространяться в разных направлениях в городе и за его пределы (кроме Москвы, Омска и Красноярска дошло даже до основания УУ в трех или четырех городах Украины), все больше сочетая свободные лекции и дискуссии с практическими семинарами (по нанесению трафаретов или самообороне, например) и все чаще проходя в каких-то острых

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

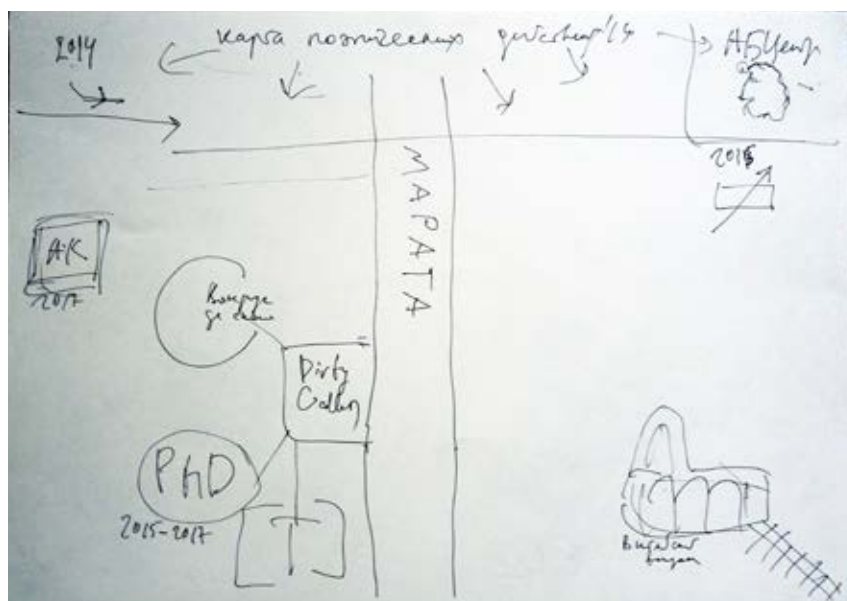
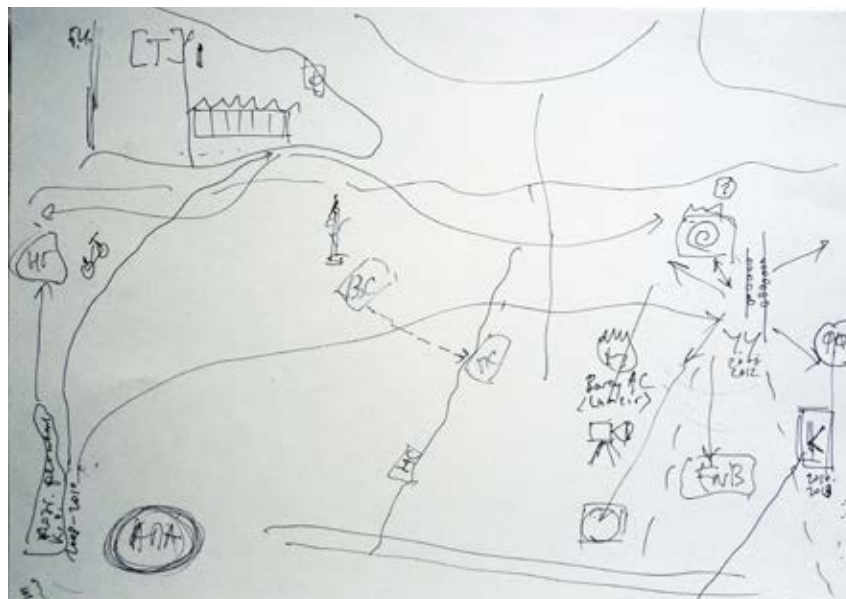
Однако так же хорошо, как к политической ситуации 2012 года подошел формат УУ, точно так же, растворившись в уличной активности, он и пропал с ней. Поэтому параллельно этой дисперсии мы были ориентированы на создание более укрепленных пространств и сосредоточены на артистическо-редакционной активности, которая связана с еще одним очень важным местом.

Коммуна на Кузнечном возникла еще в 2009 году просто потому, что жить было негде, и просуществовала почти пять лет. Оттуда была недалеко и до Пушкинской, и до Соляного, но самое главное – далеко до университета. Мы называли это не «коммуналка», а «коммунитарка», потому что люди там селились по собственному желанию и, более того, даже по некоторому отбору комьюнити. Там жили в основном художники, поэты, активисты. Рома Осминкин, Дина Гатина, Олег Журавлев, Сергей Югов, Никита Сафонов и эпизодически многие

субъективации – Лаборатория Поэтического Акционизма, которая работала с материализацией текста, акустическим и визуальным означающим и его партизанским размещением в городской среде. Мы основали ее с Ромой Осминкиным и Диной Гатиной, хотя каждый из нас понимал задачи по-разному. Рома больше работал с перформативной стороной – с текстом скорее звучащим или даже кричащимся, изрыгаемым, воплощенным текстом и трансгрессивным перформансом. Мы с Диной делали работы, связанные скорее с визуальным означающим и размещавшиеся в публичном пространстве. Впрочем, одна из первых работ – развешанное стихотворение Некрасова под Зеленогорском [рисует Зеленогорск на обратной стороне листа] – тестировала такое композиционное размещение букв в лесу. <...> Но все же именно присутствие текста в городе было нашей obsession. Мы стремились растворить поэзию в городской повседневности, в различных неконвенциональных формах и не предназначенных к тому местах. Ведь в предназначенных ни она сама, ни эти места не воспринимаются:

читать протестные стихи у памятника Маяковского или рисовать граффити по муниципальной программе уже казалось в равной степени рутинерскими формами.

Одной из последних манифестаций идей Лаборатории, наверное, можно назвать «Карту поэтических действий». Постепенно вокруг журнала возникло целое сообщество поэтов-и-художников, то есть авторов не только текстов, но и разного рода форм визуального, перформативного и вообще материального их бытования (или можно сказать по-другому – художников, как-то задействующих текст в своих работах), прошло несколько выставок, оформивших этот круг – [Текстология] в 2013 году, которая сопровождала очередной выпуск журнала и курировалась Настей Каркачевой, тоже резиденткой Кузнечного, а в 2015 году «Дом голосов. На полях языка» в Лендоке под кураторством Полины Заславской (которая в предыдущий раз выступала только художником). Наконец, «Карта поэтических действий», прошедшая в рамках «Манифесты» и курировавшаяся мной, представляла собой серию поэтических инсталляций и перформансов в городской среде. Мы пригласили десятиерых наших товарищей сделать авторские работы, в результате «Карта...» объединила как тех, кто читал тексты в мегафон на пустом стадионе или у стен Петропавловки, осмысляя публичный эффект поэзии разных эпох, так и тех, кто зарывал в землю диктофоны в Таврическом саду или инкрустировал окна Капеллы скомканными страницами из Бланшо, исследуя подспудные препятствия на пути действенности речевых актов. Я инсценировал метафору Хармса – «стихов, которые разбивают окно» – напротив его собственного дома на улице Маяковской. Словом, наш интерес осциллировал тогда между тем, какое поэтическое слово может иметь социальное воздействие, и тем, какое сопротивление материала медиологически определяет эту силу слов.

НА КАРТЕ:

1. Александровская колонна – памятник в стиле ампир, находящийся в центре Дворцовой площади. На фотографии, сделанной для одного из первых номеров журнала «Транслит», Александровская колонна соседствует со строительными лесами, на которых работают трудовые мигранты.
2. Б. И., Борис Иванович Иванов (1928–2015) – журналист, писатель, деятель самиздата. Один из основателей Премии Андрея Белого.
3. [Т] – место встречи редакторов журнала «Транслит» на задворках Филологического факультета СПбГУ.
4. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
5. Философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
6. «Фестиваль поэзии на Канонерском острове» (2009, 2010, 2011), который позже переместился на Новую Голландию – «Фестиваль поэзии на острове» (2012).
7. Лаборатория Поэтического Акционизма – творческая группа, состоящая из поэтов, художников и философов, занимающаяся поиском новых форм репрезентации поэтического высказывания такими способами, как уличные акции прямого действия, видеопоззия, интервенции в закрытые помещения, трансформации городской среды.
8. «Все свободны» – независимый книжный магазин и культурная площадка. Основан в 2012 г. Распологается по адресу: наб. реки Мойки, 28.
9. «Порядок слов» – независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу: наб. реки Фонтанки, 15.
10. Новая (малая) сцена Александринского театра – театральная и культурная площадка, начавшая работу осенью 2013 г. Расположена по адресу: наб. реки Фонтанки, 49.
11. Галерея «Борей» – некоммерческий выставочный и творческий центр. Основан в 1991 г. Расположен по адресу: Литейный пр., 58.
12. «Люмьер» – кино клуб в галерее «Борей».
13. ЕУСПб, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Основан в 1994 г. Располагался по адресу: Гагаринская ул., 6/1А.
14. Уличный университет (2008–2012) – образовательная инициатива, возникшая после временного закрытия Европейского университета в 2008 г. в Соляном переулке. Уличный университет являлся площадкой для обсуждения актуальных вопросов социальной действительности.
15. Соляной переулок – первое место проведения Уличного университета.
16. ФК, «Философское кафе» – регулярный философский семинар, основанный Аллой Митрофановой в 2002 г. и базирующийся в «ГЭЗ-21» на Пушкинской ул., 10.
17. Food not Bombs, «Еда вместо бомб» – Санкт-Петербургское отделение международной инициативы. Независимые активисты бесплатно раздают еду бездомным для привлечения внимания к проблемам милитаризма. Акция проводилась у метро «Владимирская». Уличный университет сотрудничал с инициативой, предлагая не только свободную еду, но и свободное знание.
18. Эльфийский садик, Дмитровский сквер – сквер, названный по имени кафе «Эльф». В 1980-е гг. был местом встреч так называемого «андеграунда». Уличный университет участвовал в акции против его застройки. Находится на углу Стремянной улицы и Дмитровского переулка.
19. Коммуна на Кузнечном – коммунальная квартира в Кузнечном переулке, где с 2009 по 2014 г. жили художники, поэты, активисты (Роман Осминкин, Павел Арсеньев, Дина Гатина, Олег Журавлев, Сергей Югов и др.).
20. «Студенческое действие» – анархо-синдикалистский профсоюз, у которого были ячейки в пяти-шести университетах Петербурга. Встречи профсоюза проходили на Лиговском, 50.
21. Крым – Крым упоминается в связи с профсоюзом «Пряма дія», который находился в Крыму. С профсоюзом сотрудничал Уличный университет.
22. Москва – один из городов, где проходили события Уличного университета.
23. «Карта поэтических действий» – фестиваль, прошедший в 2014 г. в рамках публичной программы европейской биеннале современного искусства «Манифеста 10». Фестиваль поднимает вопрос разотчуждения повседневности через насыщение городского пространства поэзией.
24. А. К. 2017, «Афган – Кузьминки» – спектакль-маршрут Павла Арсеньева по драматической поэме Кети Чухров, начинающийся на Апраксином рынке и заканчивающийся на Новой сцене Александринского театра.
25. Dirty Gallery, бывшая Грязная галерея – перформанс-общество, где в 2014 г. была предпринята попытка реконструировать Коммуну на Кузнечном и осуществлен арт-проект «Текст на улице / Текст в помещении» в рамках биеннале «Манифеста 10». Галерея располагалась по адресу: ул. Марата, 33, кв. 7.
26. «Вокруг да около» – художественная лаборатория, исследующая процессы взаимодействия и восприятия.
27. PhD, «Прагматика художественного дискурса» – семинар, который представлял собой теоретическое ядро журнала «Транслит» с 2015 по 2017 г. Проходил сначала на филологическом факультете СПбГУ, а впоследствии в Грязной галерее.
28. [Т] – штаб журнала «Транслит» на улице Марата.
29. «АБЦентр» – центр Андрея Белого на базе Премии Андрея Белого, учрежденной в 1978 г. редакцией ленинградского самиздатского журнала «Часы». Центр занимается лекционной, издательской, культуртрегерской деятельностью. Расположен по адресу: Виленский пер., 4.
30. Витебский вокзал – пассажирский терминал станции Санкт-Петербург Витебский. Расположен по адресу: Загородный пр., 52. Вокзал упоминается в связи со спектаклем художественной лаборатории «Вокруг да около» «Идиота кусок» по роману Ф. М. Достоевского, который состоялся в электропоезде, следующем по маршруту Санкт-Петербург – Павловск.

ТАТЬЯНА ЕГОРОВА

(род. 1988) – феминистская активистка, исследовательница и издательница фем-зинов, участница коллектива свободной феминистской библиотеки и дискуссионной платформы «ФемИнфотека», в фонде которой – почти 400 книг, 300 зинов и 100 брошюр на феминистские и гендерные темы. Живет в Петербурге и Шлиссельбурге.

феминистский переплет

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

Первые 18 лет своей жизни я провела в Шлиссельбурге, это место знаменито своей крепостью. Мне всегда нравилась история, и мне повезло, что рядом всегда была Шлиссельбургская крепость: меня всегда вдохновляло, что там было много классных людей, но эти классные люди были там по очень грустному поводу!.. [смеется] Крепость была политической тюрьмой. Я узнала о Бакунине, о Вере Фигнер и других персонажах из истории места, которое вижу каждый день... Если уж говорить о Шлиссельбурге – мне очень нравится, что там богатая анархо-синдикалистская история и одна из главных улиц...то есть там две главные улицы – Жука, который был анархо-синдикалистом и участвовал

Это было очень интересно, но в какой-то момент я заинтересовалась феминизмом больше, чем чем-либо другим... Разговор этот [об уходе из редакции «Транслита»] был в квартире... в коммуналке на Кузнечном. Это тоже было очень важное место. Нарисую его, наверное, зеленым, потому что кухня была там такого... типичного коммунального цвета.

А как ты заинтересовалась феминизмом?

Я бы сказала, что это было связано с сообществом. Потому что в тот период, когда я плотно сосуществовала с «Транслитом», феминизм все время упоминался. И когда в институте по социологии предложили сделать исследование, я сделала доклад об истории ленинградского феминизма. В нем была «Фабрика найденных одежд», Ольга Липовская, Алла Митрофанова, Татьяна Горичева,

это, наверное, презентация зина «Шкура». Тогда пришли люди из разных сообществ, потому что это была сдвоенная презентация: зина «Юдоль» и зина «Шкура». «Шкура» это такой... я бы не использовала слово «провокационный», но такой... бесшабашный проект. А «Юдоль» – размеренный проект... Эти две аудитории смешались и получился... огонь! Мы потом еще долго разгребали это в интернетах...

Значимые места, свои места

...конечно, «Пушкинская, 10». «Кибер-Фемин-Клуб» и ГЭЗ... с Акутановой. Еще я занималась фестивалем «Дебошир-фильм», и я тоже застала такой пласт петербургской культуры... потому что «Дебошир-фильм», когда состояние петербургской культуры было совсем другим. Был мощный котел,

13

в освобождении политзаключенных, и улица 1 Мая, которое в советское время значило, конечно, нечто совсем другое, но начиналось как анархистская [история]...

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Знакомство мое с Петербургом началось вот с... вечерних курсов в институте [печати]. Было много разговоров, много книжек. Все это было в центре города, первые какие-то крыши петербургские... Дальше – познакомилась с тусовкой «пятиугольников». Это был журнал «5 углов», очень давно... такой молодежный, и вокруг них были молодые люди, они все писали стихи, прозу, публицистику. Тогда это было значимым местом вхождения в культурную среду. И через эту тусовку я узнала тусовку альманаха «Транслит». Просто однажды вечером мне друг сказал: «А пойдём на презентацию альманаха «Транслит», – и я пошла. Это тоже было в центре, где-то на одной из Советских улиц, за БКЗ. С «Транслитом» у меня сложились крепкие отношения, я была там корректором несколько выпусков...

которая занималась христианским феминизмом, это журналы «Мария», «Женщины России»... [Наталья] Малаховская.

Современная ситуация

Конечно, «ФемИнфотека» – это часть феминистского сообщества но... как сказать... м-м... я бы не хотела сказать... наверное, не герметичная, потому что я знаю, что сюда приходят разные люди. Но в какой-то момент мы поняли, что нам необходимо по крайней мере самим твердо понять свою позицию по вопросам, которые разламывают феминистское движение: например, квір-, транс-тема, тема секс-работы и проституции, политическое свое позиционирование. И мы квір- и трансинклюзивный проект, мы говорим вместо «проституция» – «секс-работа», по политической позиции мы антиавторитарный проект и стараемся развивать больше левую сторону феминизма. В противопоставлении «левое» и «либеральное» мы – слева. <...> Бывают, конечно, острые моменты. Самый острый был момент –

в котором оставалось еще многое от начала девяностых... Дух старой школы! [смеется] ...на «Пушкинской, 10» был фестиваль «LaDIYfest», была одна из площадок в ГЭЗе. Еще там была очень классная выставка, она для меня была очень важна в плане личного эмпаурмента – весной 2012 года мы делали проект «Нижнее белье глазами женщин». У нас был очень вызывающий вернисаж...

«Пантера»... Ну, это про спорт, это был 2012 год. Лично для моей истории это очень значимое место. Женский клуб самообороны. Хорошая была инициатива. Важно уметь за себя постоять. И это то, чему не учит женская социализация. Это совсем другие способы взаимодействия со своим телом. Бывают упражнения, от которых ты понимаешь, что ты намного сильнее, чем ты думала всю жизнь! И ты можешь это использовать, если придется... на темной улице.

[О «ФемИнфотеке»] Книжки – потому что то, что больше всего меня интересует в жизни, – это издательское дело и феминизм. Идея появилась в 2011 году. Физическое место всегда казалось

важным. Библиотека – потому что это бесплатно, а книги становятся все дороже и дороже, и не у всех они есть. И я видела, что у меня появляются какие-то зины, которыми я хочу делиться. И были другие проекты, которые так делают. В этой комнате [в «Открытом пространстве»] библиотека находится с марта 2016 года. До этого была большая история, сначала книжки были просто книжки, они хранились у меня дома, на съемных комнатах в Петербурге, и в Шлиссельбурге. Потом был момент, когда мы договорились с «Комьюнити-центром». Там был наш шкаф, и мы делали ридинг-группу с несколькими девушками. Это был 2012–2013-й год. В начале 2015-го я уехала путешествовать по разным проектам, и библиотека хранилась у подруг.

[О «ФемИнфотеке»] Да, здесь четыре сотни книг, три сотни зинов и брошюр. Закупки составляют меньше половины, в основном книги люди дарят. Зины и книжки люди приносят. Книжки на других языках люди тоже привозят из каких-то поездок. Много есть книжек из места, которого уже не существует, – из Петербургского центра гендерных проблем. Им занималось много людей, в том числе Ольга Липовская. Существовал до 2004 года. Потом книжки из него разошлись по разным местам, часть ушла в Смольный, часть еще куда-то. Но люди постоянно приносят книжки с печатями этого Центра гендерных проблем. И книжки из Московского гендерного центра нам тоже передавали. То есть библиотеки, которые существовали в 2000-х на волне НКО-шного феминистского подъема и как-то угасли потом по разным причинам,

НА КАРТЕ:

1. Место презентации одного из номеров альманаха «Транслит», литературно-критического журнала, основанного в 2005 г. поэтом Павлом Арсеньевым.
2. Московский центр гендерных исследований – общественная, исследовательская и аналитическая организация, основанная в 1990 г. Прекратила работу в начале нулевых. Располагалась по адресу: Москва, Нахимовский пр., 32.
3. ПЦГП, Петербургский центр гендерных проблем – общественная, исследовательская и аналитическая организация, основанная в 1992 г. Прекратила работу в начале нулевых. Располагалась по адресу: ул. Восстания, 40/19.
4. Клуб женской самообороны «Пантера» – курсы самообороны, организованные феминистскими активистками. Прекратили работу в 2015 г.
5. Коммуна на Кузнечном – коммунальная квартира в Кузнечном переулке, где с 2009 по 2014 г. жили художники, поэты, активисты (Роман Осминкин, Павел Арсеньев, Дина Гатина, Олег Журавлев, Сергей Югов и др.).
6. «Пушкинская, 10» – культурный центр, основанный в 1989 г. независимыми художниками в засекретированном доме.

...еще в основном дружеские квартиры и посиделки. Совершенно неформальные места. В плане сообщества это, кстати, круто, потому что есть библиотека и вокруг нее – ниточки социальных связей.

Ключ к карте: феминистский переплет

Меня всегда очень поддерживали Глюкля и Цапля из «Фабрики найденных одежд» и Алла Митрофанова – очень вдохновилась, когда я сказала, что хочу делать феминистскую библиотеку, в 2011 году. Эта связь с феминистками, которые начали раньше, для меня очень... материальная, очень плотная. Для меня всегда было очень важно, чтобы связь между людьми из разных активистских поколений существовала. Наверное, из интереса к истории... У «Фабрики найденных одежд» было свое помещение на «Пушкинской, 10». Я видела только его дверь!.. И оно до сих пор осталось для меня местом, которое, наверное, должно мне сниться – видишь, что за этой дверью что-то есть, но...

тоже поддерживают с нами связь, и это очень приятно.

7. «ФемИнфотека» – самоорганизованная феминистская библиотека. Основана в 2011 г. Расположена в «Открытом пространстве» по адресу: ул. Достоевского, 34.
8. Галерея «Борей» – некоммерческий выставочный и творческий центр. Основан в 1991 г. Расположен по адресу: Литейный пр., 58.
9. Шлиссельбургская крепость (Орешек) – крепость, расположенная в истоке Невы из Ладожского озера на Ореховом острове. С нач. XVII в. использовалась как политическая тюрьма. Основана в 1323 г.

МАША ГОДОВАННАЯ

(род. 1976) – художница, режиссер экспериментального кино, социальный квинт-исследователь, независимый куратор кино- и видеопроектов, выставок в России и за рубежом. В 1995 г. переехала из Москвы в Нью-Йорк, где начала работать в Anthology Film Archives – известном независимом кинотеатре и киноархиве США, которым руководит Йонас Мекас. После переезда в Петербург вела авторские курсы по кино, видео, теории искусства, феминизму на Факультете свободных искусств и наук СПбГУ. Участница различных художественных и просветительских проектов и фестивалей. С 2015 г. – участница и соосновательница квинт-феминистской аффинити арт группы «Нежелательная организация» (Санкт-Петербург). С 2017 г. живет и работает в Вене, Австрия.

Современная ситуация

Сейчас вообще ничего не важно. Из этого всего... «все в прошлом», как говорит моя мама. Этих мест уже не... они изменились. Смольный – не Смольный, Новый Петергоф – не Новый Петергоф, ГЭЗ – Музей Звука, да. «Пушкинская, 10» – уже совсем не та «Пушкинская, 10», с которой меня что-то связывает. Трансформации мест, людей. Из некро осталось как бы... осталось совсем немного людей. Поэтому мне сложно говорить.

В 1999 я собирала в Питере программу экспериментального кино, чтобы показать ее в Нью-Йорке. Мы так с Юфой [Евгений Юфит] познакомились. Сначала было представлено московское параллельное кино, а потом я приехала в Питер и меня Юфа познакомил с Борей Казаковым, я его

Мое производство не связано с местами – оно связано с разными процессами... Я буду производить и работать вне зависимости от того, что где есть. Например, у нас родилась идея перформанса, и мы сразу стали думать, где мы его можем показать. Сразу, соответственно, дернули те нитки, которые у нас есть. Может, нужно было бы чаще дергать эти нитки и что-то предлагать. Но я с радостью откликаюсь на предложения.

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты

[Рисует Новый Петергоф] Помню, как приезжала в Питер в 1980-х и ненавидела этот город, Ленинград еще тогда. Эти белые ночи! Спать невозможно – все светло. <...> После того как уже начала там жить в начале нулевых, вернувшись из Нью-Йорка, каждый раз я приезжала на вокзал

2018 г.]. Грибы, рыба, купание, отрыв, квирность.

[о том, что преподавала в Смольном тринадцать с половиной лет и взяла таймаут] Я преподавала сейчас вот в Школе нового кино и на еще одной летней школе – такие моменты возврата важны, потому что меня интересует, как по-другому можно выстраивать образовательные стратегии. Преподаватель как участник.

Ключ к карте: нежелательная организация

Наш КФААГ [Квир-феминистская аффинити арт группа «Нежелательная организация»]. Наверное, это единственное, что осталось. Но существование нашей группы подразумевает неопределенность, поэтому... мы ее нигде не локализуем.

14

кино брала. Потом мы познакомились с Олегом Котельниковым, я и его кино показывала в Нью-Йорке тогда. Всех мест, по которым в конце 1990-х мы ходили по Питеру, – их нет. Какие-то забегайки трансформировались во что-то неприличное. <...>

Наш КФААГ [Квир-феминистская аффинити арт группа «Нежелательная организация»], наверное, это единственное, что осталось. Но существование нашей группы подразумевает неопределенность, поэтому... мы ее нигде не локализуем. Вот мастерская Заславских... в этом, конечно, есть непосредственная связь с локализацией КФААГА. А, ну моя мастерская.

Значимые места, свои места

Так как я занимаюсь кино и видеоискусством, это уж совсем какая-то маргинальная вещь, поэтому мне даже переживать по какому-то поводу, что я куда-то не попала, не имеет никакого смысла. <...> Не так много мест в городе, где показывают или занимаются экспериментальным кино/видеоискусством.

в Новый Петергоф и думала: «И надо мне было так надменно думать об этом городе». В Новом Петергофе я потом прожила 10 лет.

Питер я люблю трепетно и нежно. Как пространство он гораздо мне ближе, чем Москва, в которой я родилась. Ближе он мне еще потому, что после проживания в Нью-Йорке, где все прямо и перпендикулярно, Питер напоминает мне это «прямо и перпендикулярно», и присутствие воды в городе для меня тоже становится важным.

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)

Некрореализм – важен. Он был везде. Конечно, это было связано с Юфитом, с нашей тогдашней совместной жизнью, Тимофеем (сыном), «семейностью» и ее последующим распадом. Реконфигурацией отношений и Юфиной смертью. Но он, некро, до сих пор везде, даже там, где мы сидим сейчас. Пронизывает все. И наш перформанс в четверг [перформанс группы КФААГ НО, который состоялся в ГЭЗ 2 августа

Вот мастерская Заславских... в этом, конечно, есть непосредственная связь с локализацией КФААГА. А, ну моя мастерская. Наше участие в КФААГе – это то, что называется активизмом, то есть соединение искусства и активизма. Это для меня принципиально, потому что мы все-таки больше «а»[рт].

НА КАРТЕ:

1. Художница, режиссер (filmmaker), куратор, преподаватель, исследователь – ипостаси Маши.
2. Activism – совмещение художественной и активистской деятельности.
3. Ретроспектива – места, где проходила ретроспектива фильмов Маши Годованной.
4. «Родина» – старейший кинотеатр, часть киноцентра «Дом кино». Основан в 1917 г. Расположен по адресу: Караванная ул., 12.
5. Новая (малая) сцена Александринского театра – театральная и культурная площадка, начавшая работу осенью 2013 г. Расположена по адресу: наб. реки Фонтанки, 49.
6. «Она. Звание художника» – проект Марии Годованной, Ярослава Воловода и Яны Михалиной в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств, который был представлен в рамках фестиваля «Современное искусство в традиционном музее» в 2015 г. Коллективное феминистское арт-исследование, построенное по принципу аффинити-группы.
7. «Порядок слов» – независимый книжный магазин и культурная площадка, где проводятся лекции, семинары, кинопоказы, презентации, дискуссии, авторские вечера и т. д. Основан в 2010 г. Расположен по адресу: наб. реки

12. ЕУСПб, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Основан в 1994 г. Располагался по адресу: Гагаринская ул., 6/1А.
13. Премия АТД (Премия Аркадия Драгомощенко) – ежегодная поэтическая премия для молодых авторов, пишущих на русском языке. Учреждена на базе книжного магазина и культурной площадки «Порядок слов».
14. Фестиваль видеопоззии «Пятая нога» – самый старый и представительный фестиваль видеопоззии в России. Проводится с 2007 г.
15. SKIF (Международный фестиваль Сергея Курёхина) – ежегодный музыкальный фестиваль, концепция которого основана на идеях музыканта-авангардиста Сергея Курёхина, использованных им в проекте «Поп-механика». Основан в 1997 г. До 2016 г. проводился в Центре современного искусства им. Сергея Курёхина в здании бывшего кинотеатра «Прибой» по адресу: Средний пр. В. О., 93.
16. Факультет свободных искусств и наук (Смольный институт свободных искусств и наук) – факультет Санкт-Петербургского государственного университета, созданный в сотрудничестве с Бард-колледжем. Основан в 1999 г. Расположен по адресу: Галерная ул., 58–60.
17. Государственный Русский музей

24. «Школа нового кино» – независимая школа кинематографии, организованная в Санкт-Петербурге в 2016 г. Расположена по адресу: наб. канала Грибоедова, 92/1.
25. Лаборатория «Интимное место» – галерея, открытая в жилой квартире художницы, кураторки, феминистки Марины Мараевой и лабратора Гвидона. Основана в декабре 2014 г. Расположена по адресу: Шпалерная ул., 3.
26. «ГЭЗ-21», «Галерея Экспериментального Звука» (с 1994 по 2000 г. – «Галерея 21»). Концертная площадка, выставочное пространство, культурный центр и центр исследования музыки. Расположена на территории арт-центра «Пушкинская, 10», основанного художниками-нонконформистами в сквотированном здании в 1989 г.
27. «Пушкинская, 10» – культурный центр, основанный в 1989 г. независимыми художниками в засквотированном доме.
28. Кинотеатр «Спартак» – кинотеатр, располагавшийся с 1939 г. до нач. 1990-х гг. в здании кирхи Святой Анны. Был единственным в Ленинграде кинотеатром Госфильмофонда. Здание расположено по адресу: Кирочная ул., 8.
29. Эрмитажный театр – театр, входящий в комплекс зданий Государственного Эрмитажа. Основан в 1782 г. Расположен по адресу: Дворцовая наб., 32.
30. Новый Петергоф – восточная часть муниципального образования

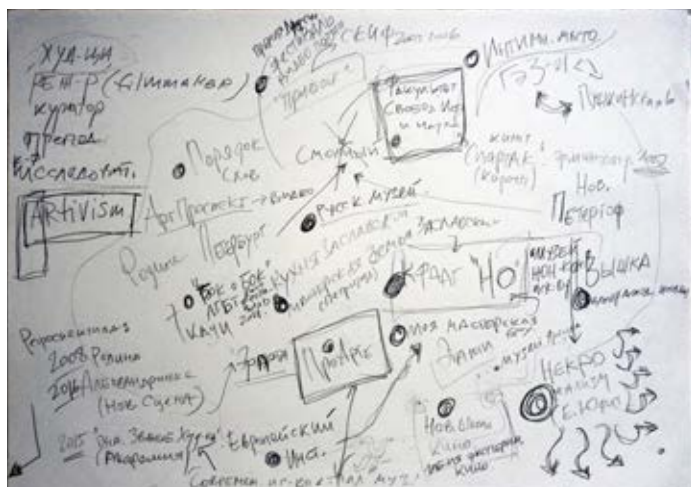

Фонтанки, 15.

8. Фестиваль АРТ ПРОСПЕКТ – крупнейший ежегодный фестиваль публичного искусства в Санкт-Петербурге. Основанный некоммерческой организацией СЕС ArtsLink в 2012 г.

– крупнейший и старейший музей российского искусства. Основан в 1895 г. Расположен по адресу: Инженерная ул., 4.

18. Кухня Заславской – кухня художницы Полины Заславской, одной из участниц КФААГ «НО».

9. «Бок о Бок» – первый и единственный ежегодный ЛГБТ-кинофестиваль в России. С 2008 г. проходит каждый год в Санкт-Петербурге и Москве, в более чем 15 городах России поддерживает показы ЛГБТ-кино.

10. «Креативное пространство ТКАЧИ» – крупнейший в Санкт-Петербурге креативный кластер, торговый и бизнес-центр. Основано в 2010 г. Расположено по адресу: наб. Обводного канала, 60.

11. «Эрарта» – крупнейший частный музей современного искусства. Основан в 2010 г. Располагается по адресу: 29-я линия В. О., 2.

19. Мастерская семьи Заславских – мастерская художника Анатолия Заславского, расположенная на Петроградской стороне.

20. «ПРО АРТЕ», Петербургский благотворительный фонд культуры и искусства «ПРО АРТЕ» – некоммерческая негосударственная организация. Деятельность Фонда связана с изучением и продвижением явлений современной культуры и искусства. Расположен по адресу: Петропавловская крепость, 3.

21. КФААГ «НО» – Квир-феминистская аффинити арт группа «Нежелательная организация» – инициатива, созданная в октябре 2015 г. в Санкт-Петербурге группой единомышленников: художниками, фотографами, активистами, социологами, феминистскими исследователями.

22. Моя мастерская – мастерская Маши Годованной, расположенная на Гороховой улице.

23. Лофт-проект «Этажи» – торговый-выставочный центр, популярное место развлечений и отдыха петербургской молодежи. Основан в 2007 г. Расположен по адресу: Лиговский пр., 74.

«Город Петергоф», входящего в состав Петродворцового района Санкт-Петербурга. В нем находится одноименная железнодорожная станция.

31. Музей нонконформистского искусства – выставочный, научный и архивный центр по изучению и пропаганде нонконформистского искусства, а также современного некоммерческого искусства России, Европы и Америки. Основан в 1998 г. Расположен в здании арт-центра «Пушкинская, 10».

32. Музей Фрейда, Музей сновидений 3. Фрейда – музей, основанный в 1999 г. Виктором Мазиным в помещении Восточно-Европейского института психоанализа. Не связан ни с конкретным местом, где жил З. Фрейд, ни с окружавшими его материальными вещами, но с его идеями и сновидениями. Расположен по адресу: Большой пр. П. С., 18А.

33. Центр Молодежных Исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург – научно-исследовательский центр. Основан в 2009 г. Расположен по адресу: Промышленная ул., 14А.

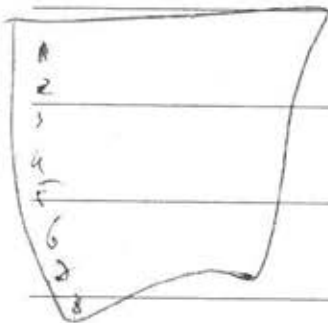
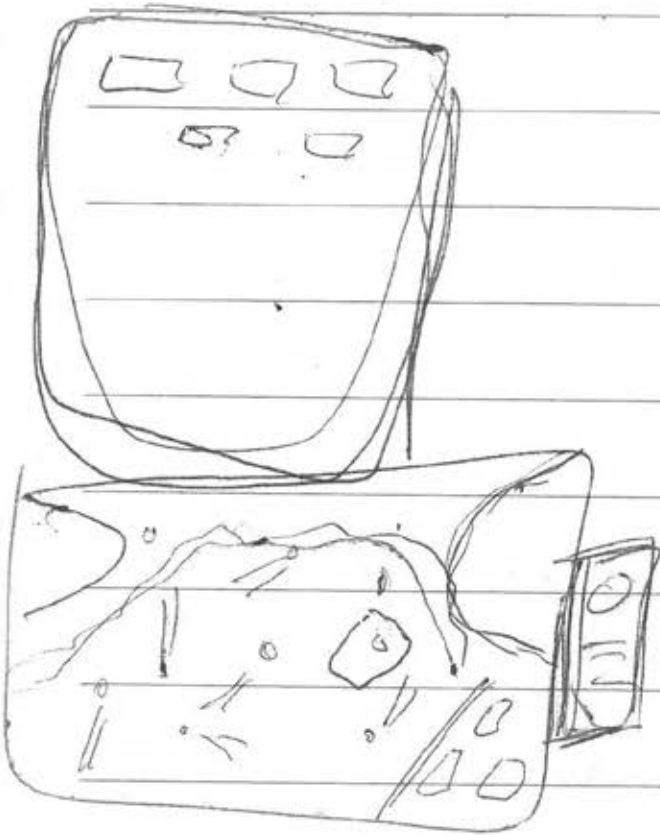
34. Некрореализм – художественное направление, возникшее в Ленинграде в 1980-е. Его отец-основатель – Евгений Юфит, художник и кинорежиссер.

Date:

- 1 абакишия
- 2 берешкина
- 3 горьба
- 4 арсеньев
- 5 митрофанова
- 6 ульянов + вилениский
- 7 марин
- 8 воеводина
- 9 скиран
- 10 шубин
- 11 ефремов
- 12 горьбанова
- 13 с х з
- 14 гашин

нужно ли
в отсании версии
тесно. откуда они
приведены?

Date: / /

[]

← →

ВИТА ЗЕЛЕНСКАЯ

(род. 1991) - независимый исследователь и куратор. Закончила ВГПУ (филология) и ЕУСПб (антропология). Сокуратор лектория «Вслух». Входит в Лабораторию исследований социального театра. Переехала в Петербург из Винницы (Украина) в 2012 году.

МАРИНА ИСРАИЛОВА

(род. 1987) - независимый исследователь и куратор. Закончила КемГУ (филология) и ЕУСПб (история искусств). Сокуратор лектория «Вслух». Входит в Лабораторию исследований социального театра, редсовет сетевого издания К.Р.А.П.И.В.А. Переехала в Петербург из Кемерово в 2014 году.

комментарий исследователей

Выставка «Ревизия: места и сообщества» является частью исследования культурной топографии Петербурга и представляет собой начальный его этап: первое приближение к материалу, наметки анализа. В этом тексте мы расскажем о методах нашей работы, предположениях и первых выводах.

В ходе интервью мы просили информантов изобразить культурное пространство Петербурга, однако картографирование не было для нас основной задачей. Нас интересовала проблема восприятия и критического осмысления культурного пространства. Мы хотели проследить, как строятся разные карты, как влияют на их формирование различные сообщества и места и как эти сообщества и места в свою очередь влияют друг на друга через связи и разрывы внутри них самих.

Но кроме различий, которые конструируют эту множественность, есть еще общее пространство, пространство совпадения. Места, появляющиеся на картах множество раз, – являются ли они этим общим? Связи, конститутивные для этих мест, представляют собой разомкнутую карту, альтернативную географической. На карты информантов попадают другие города и страны, пригороды, Ленинградская область, пространство интернета – это также способ размыкания города, неединого, но все же связанного с реальными локациями, историями и мифами.

В первоначальном варианте списка вопросов к интервью мы фокусировались на том, какие места являются для информанта наиболее важной частью культурного ландшафта и почему.

сфере деятельности в этом поле: так, например, Анна Терешкина говорит о том, что «есть некоторые барьеры» между художественными сообществами, к которым она принадлежит; Максим Евстропов осмысляет связь «партии мертвых» с петербургским «декадансом» и зародившейся в Томске акцией «Бессмертный полк»; Александр Скидан и Алла Митрофанова характеризуют функцию группы «Что делать», по-разному оценивая действенность ее политико-эстетической программы; Татьяна Егорова говорит о «разломе» феминистского сообщества – и так далее.

В категорию **«Значимые места, свои места»** включены цитаты, описывающие то, какие места информанты выбирают как наиболее важные для себя. «Свои» – то есть те

Полученные карты включают в себя места в самом широком смысле, а также связи и взаимовлияния между местами и сообществами. Имена и фамилии людей тоже становятся местом, будучи помещенными на карту: если понимать место как точку притяжения, агрегатор связей, превращение имени в место в некоторых случаях более чем оправданно и логично (примерами таких имен-мест могут быть Аркадий Драгомощенко или Сергей Курехин).

Помещение на карту – перформативный акт, конструирующий «культурный Петербург» в тот конкретный момент, когда рисуется карта. Указание на это важно, так как всегда есть зоны умалчивания – то, что остается вне карты. Не-помещение места на карту часто сопровождается словами о том, что оно недостаточно значимо, несимпатично своей ценностной или идеологической позицией или просто должно быть скрыто от взгляда постороннего.

Множественный город, множественное культурное пространство – вот, что мы видим.

Однако впоследствии мы решили отталкиваться от личной истории, начиная интервью с вопроса о том, как, через какие точки происходил вход в так называемый «культурный Петербург». Таким образом, сами карты тоже частично следуют биографической хронологии информантов.

Цитаты в зине распределены по следующим категориям:

Современная ситуация;

Значимые места, свои места;

Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты;

Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщества);

Ключ к карте.

К категории **«Современная ситуация»** мы отнесли цитаты, которые осмысляют современное культурное поле Санкт-Петербурга, актуальное для информанта. Часто идет речь о собственной позиции,

места, с которыми информант плотно взаимодействовал, а также те, создание которых непосредственно связано с его именем, как, например, «Философское кафе» Аллы Митрофановой. Кроме того, сюда входят места, способствующие определенным событиям и встречам, вроде мансарды на Большой Зелениной у Леонида Цхэ; места – приметы времени, такие как ДК «Маяк» у Виктора Мазина; места, которые ценностно или политически представляются значимыми информантам, – таким для Влада Гагина является «Открытое пространство»; легендарные места, как, например, сквот Речников у Павла Арсеньева, или потерянные, ускользающие места «Пушкинская, 10» у него же; маргинальные места клуб «Малевич» у Александры Абакшиной; или периферийные «Автово» у Максима Евстропова и так далее.

Категорию **«Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты»** мы выделили, чтобы показать, как географическое пространство связано с производством культурного

поля и с личной историей каждого нашего собеседника. Эта категория также включает в себя размышления о том, как информанты воспринимают внутреннее пространство места, интерьер, атмосферу. Так, например, Леонид Цхэ говорит о «минималистичном устройстве» галереи «Люда»; Ольга Егорова (Цапля) и Дмитрий Виленский – о свечах и холоде в лишившейся электричества во время ремонта «Пушкинской, 10». Цапля – о том, как они с Натальей Першиной-Якиманской (Глюклей) «оживили» Юсуповский парк своими перформансами, Алла Митрофанова – о том, как множество пустых зданий в конце 1980-х способствовало формированию художественной тусовки и о работе Открытого философского факультета с «бесконечным географическим пространством». Для Анастасии

тусуют, а нас связывала литература» (Цапля). Наши собеседники рассказывают о местах, которые служат основой для объединения разных сообществ, – так Дмитрий Виленский говорит о роли ЦВЗ «Манеж» в девяностые. Рассуждают о собственном положении в культурном пространстве: Анастасия Волохова – о том, что ей неинтересно «зависать» в одном сообществе; Александра Абакшина – о том, что ей ближе не комьюнити, а что-то «калейдоскопичное», Анна Терешкина – о сложности входа в петербургскую «левую тусовку»; Алла Митрофанова – о множестве инициатив, возникших вокруг и рядом с «Философским кафе» и так далее.

Категория «Ключ к карте» метафорически описывает присущие информантам стратегии осмысления и описания пространства. Именно

(Арсеньев, Скидан, Волохова, Гагин), перемещение мест или людей (Мазин, Терешкина, Евстропов), связи между местами и сообществами (Абакшина, Цапля, Виленский, Годованная, Митрофанова), улицы и другая городская топография (Евстропов, Цхэ, Скидан).

Категории, представленные выше, позволяют увидеть некоторые закономерности в том, как формируются различные карты культурного пространства города, как восприятие географического плана пересекается с культурным: пока что нельзя говорить о типологии этих пересечений, однако можно заметить, в какой степени топография важна для каждой из карт. В то же время в самих формулировках «культурное пространство», «...поле», «...среда» уже есть пространственная метафорика. Мы представляем культуру как

Волоховой «места озарения» – это и клубы, и лужайка на площади Искусств, и автобусный маршрут. Важность архитектурного устройства мест проявляется в «давящей» атмосфере Академии художеств (Леонид Цхэ) и в матричной структуре библиотеки Алвара Аалто, сравнимой для Александры Абакшиной с принципами постановки ее спектаклей. Площадь возникает на картах Максима Евстропова и Анны Терешкиной как место перформанса и протеста. Для Александра Скидана принципиально важен один повторяющийся маршрут: «...и если ты был знаком с каким-то кругом, ты мог с этого пятачка неделю не выбираться».

Категория **«Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)»** посвящена взаимоотношениям внутри различных сообществ и между ними. Речь идет о том, как места способствуют формированию связей, как, например, мастерская Глюкли в рассказе Цапли о поэтических вечерах; осмысляются связи между различными сообществами: «в Берлине, например, художники с музыкантами

поэтому эта категория обозначена в цитатах, представленных рядом с картами на выставке. Сама эта категория – отдельная для каждого информанта, выявленная посредством разбора его интервью и карты – представляет собой предварительный вывод о том, каким образом каждый информант осмысляет культурное пространство Санкт-Петербурга и свое положение в нем.

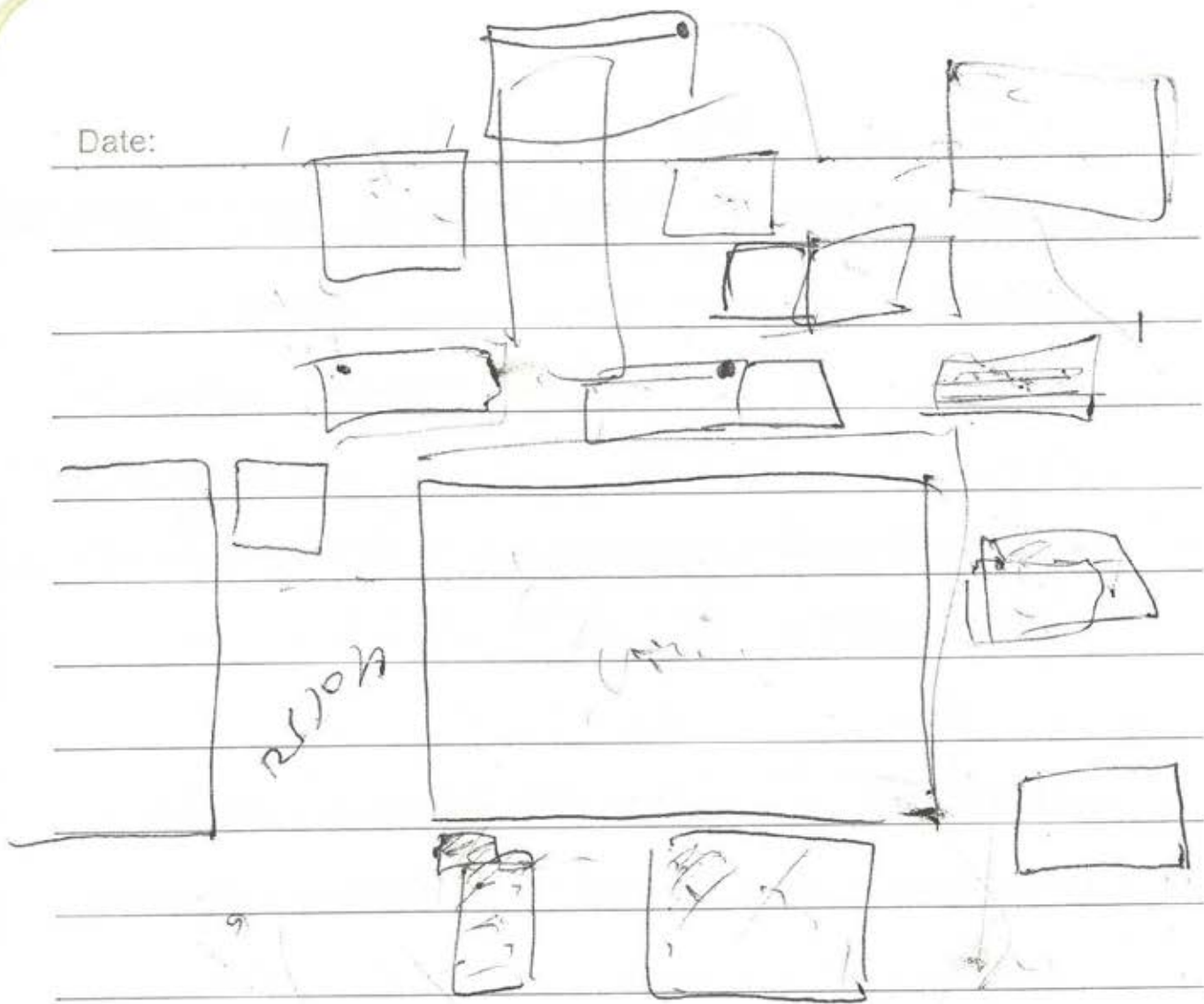
Продолжая разговор о категориях, нужно отметить, что некоторые из них визуально отражены на карте («Значимые места, свои места»; «Связи, соединения, разрывы (коммуникация, сообщество)»; «Взаимодействие с пространством. Архитектура, география, маршруты»). Интересны символы, которые присваиваются местам: иногда это логотипы этих мест или просто подписи, иногда же собеседник выражает отношение к местам через способ их изображения – рисует рядом метонимическое обозначение места, выбирает определенный цвет и так далее. Глядя на карты, можно увидеть, что связывает места между собой: пеший или автобусный маршрут

совокупность мест, связей и сетей, как нечто, обладающее протяженностью, плотностью, внутренними и внешними границами. Поэтому задача сопоставить географическое и культурное пространства одного города оборачивается множеством вариантов их взаимоналожения, переосмысления, проникновения и (не)совпадения: это легко ощутить, если провести мысленный эксперимент и попытаться свести все полученные нами карты в одну.

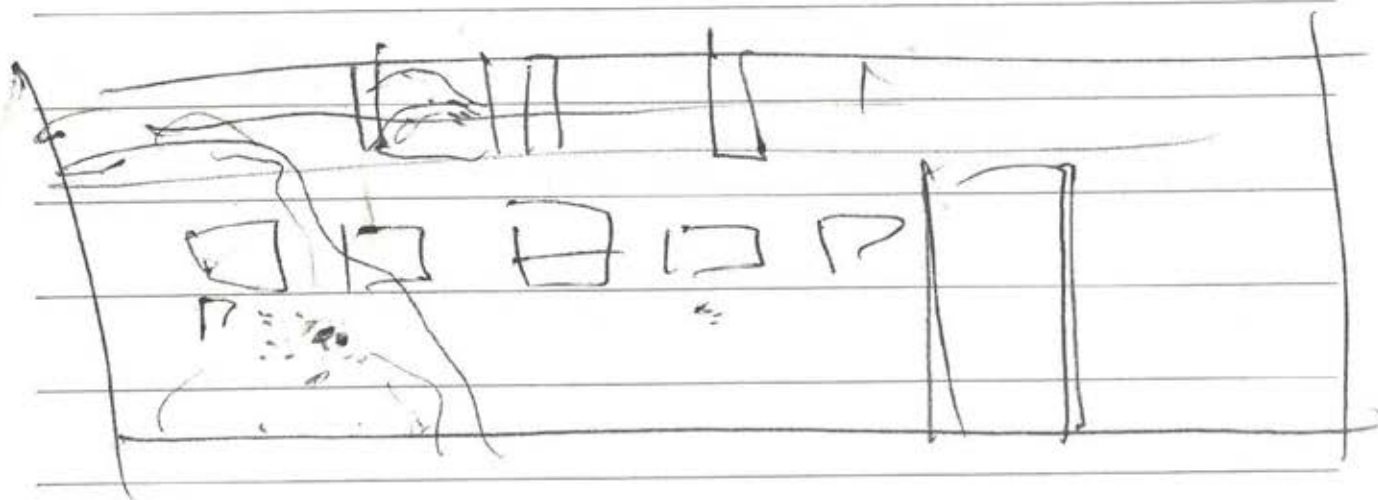
Вита Зеленская

Марина Исраилова

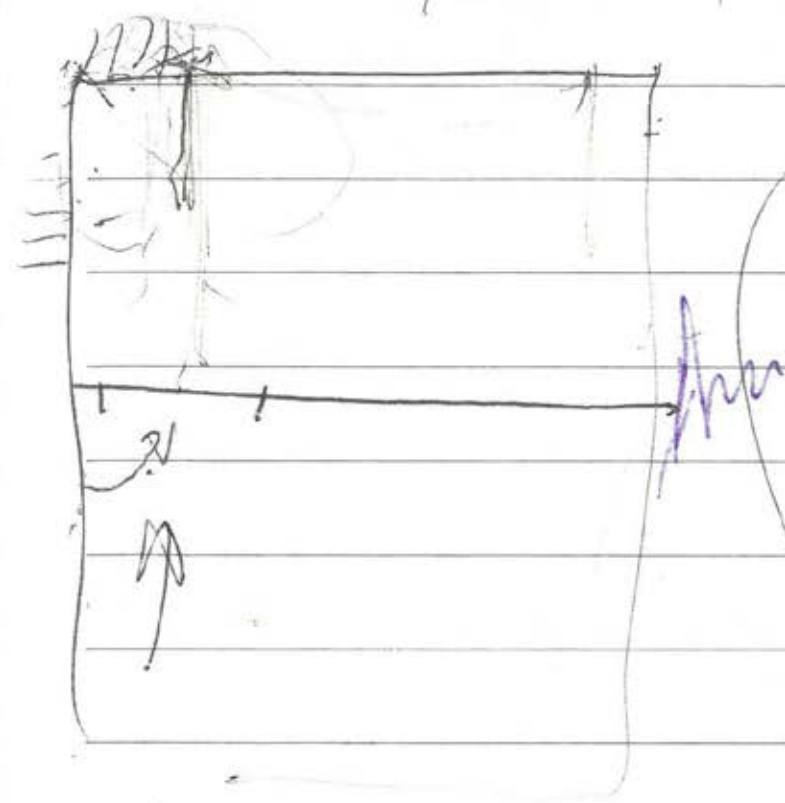
Date:

class

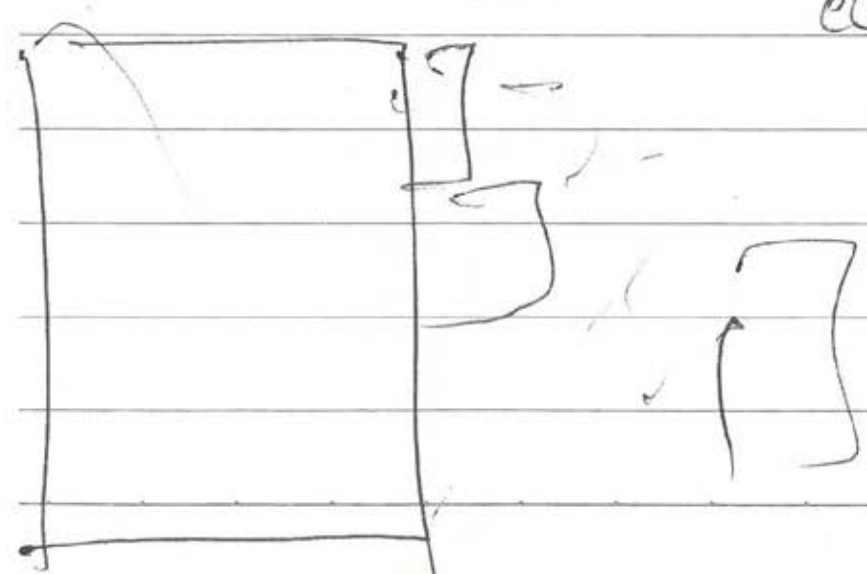

~~Аваншине Горбачева - Вокзал - Мэри
 Алла - Березинка - Уха Арсенел Сирон
 Егорова - Галки Вилесини Галин
 Вудин - Еворов~~

Мешалки
 карс
 и селдвевел

ед но / он не
 дур

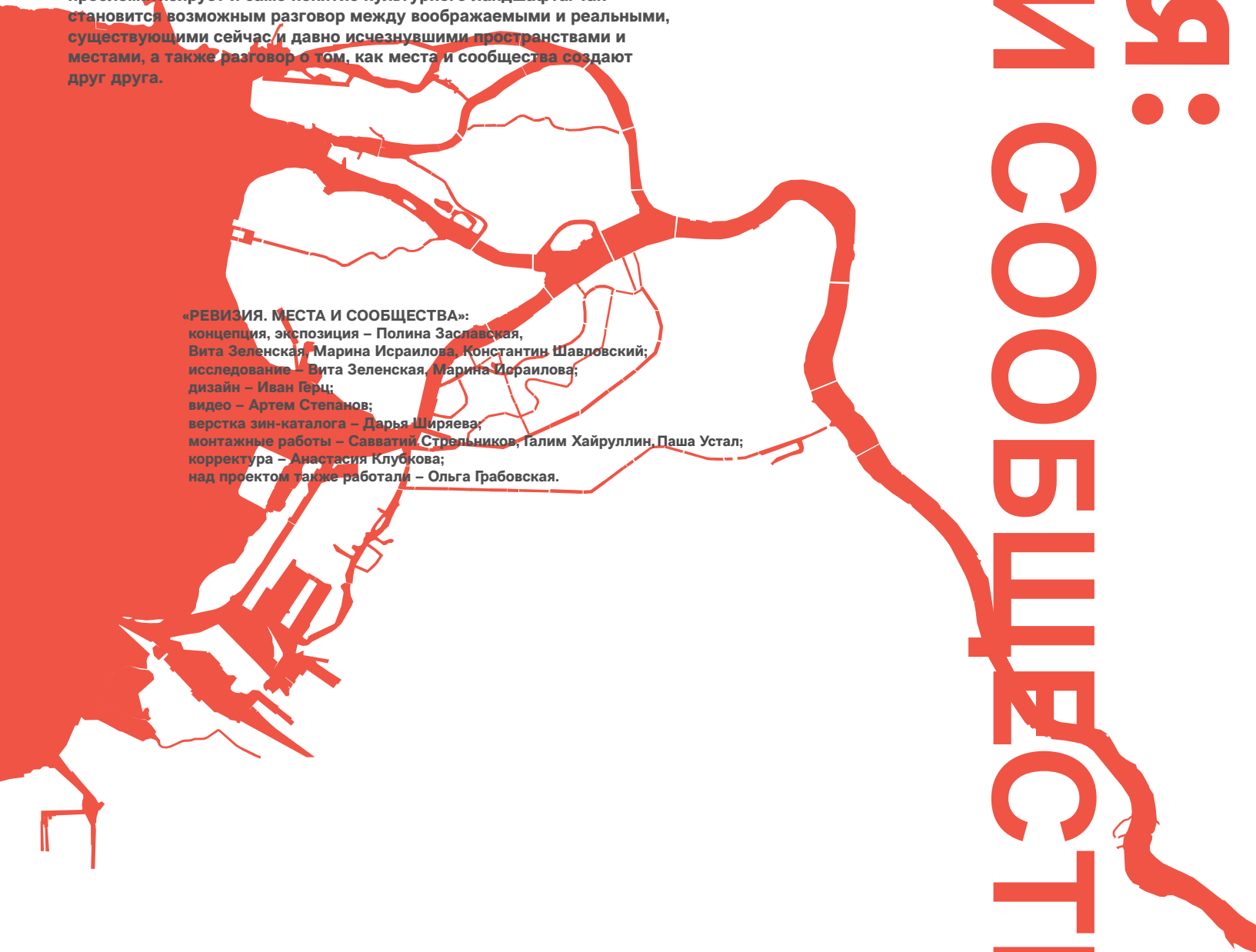
РЕВИЗИЯ: МЕСТА И СООБЩЕСТВА

Как возможно построить разговор о культурном пространстве города? Что в него включается? Кто его определяет? Выставка-исследование «РЕВИЗИЯ: МЕСТА И СООБЩЕСТВА» – это попытка дать возможность разным версиям этого пространства говорить за себя.

В экспозиции представлены 14 историй о Петербурге, проиллюстрированных ментальными картами города – графическими зарисовками персональной топографии, жизненных маршрутов, знаковых мест и событий. Эти карты и другие материалы исследования – отражение личного опыта проживания культурного пространства и вместе с тем подступы к разговору о совпадениях маршрутов, попытка определения общих мест. Потому что, какими бы разными ни были отмеченные на картах места, большинство из них объединяет то, что все это – места встреч.

Исследование, предпринятое нами, потенциально бесконечно: чтобы картографировать культурный Петербург, пришлось бы опросить каждого из его жителей и гостей – именно потому, что общее складывается из множества и каждый новый ответ и новая карта вносят корректировки в возникающий перед нами ландшафт. Однако в своем выборе мы следовали определенным критериям: все наши герои и героини так или иначе вовлечены в различные неинституциональные инициативы и сообщества в сфере поэзии, теории, современного искусства, музыки, театра, активизма.

Вопрос о том, как проживается пространство города через культуру, проблематизирует и само понятие культурного ландшафта. Так становится возможным разговор между воображаемыми и реальными, существующими сейчас и давно исчезнувшими пространствами и местами, а также разговор о том, как места и сообщества создают друг друга.

«РЕВИЗИЯ. МЕСТА И СООБЩЕСТВА»:
концепция, экспозиция – Полина Заславская,
Вита Зеленская, Марина Ибраилова, Константин Шавловский;
исследование – Вита Зеленская, Марина Ибраилова;
дизайн – Иван Герц;
видео – Артем Степанов;
верстка зин-каталога – Дарья Ширяева;
монтажные работы – Савватий Стрельников, Галим Хайруллин, Паша Устал;
корректурa – Анастасия Клубкова;
над проектом также работали – Ольга Грабовская.